

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ С. АМАНЖОЛОВА
КАЗАХСТАНСКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ КОНГРЕСС
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ИННОВАЦИОННЫХ ПРОГРАММ ПРИ ВОСТОЧНОМ ОТДЕЛЕНИИ
«КАЗАХСТАНСКОГО ФИЛОСОФСКОГО КОНГРЕССА»
РОССИЙСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО «ДИАЛЕКТИКА И КУЛЬТУРА»
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

ЧЕЛОВЕК В ПЕРСПЕКТИВЕ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

ПЕРВЫЙ ТОМ

«Концептуальные основания осмысления развития и
пребывания человека в современном мире»

Усть-Каменогорск, 2021

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ С. АМАНЖОЛОВА
КАЗАХСТАНСКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ КОНГРЕСС
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ И ИННОВАЦИОННЫХ ПРОГРАММ
ПРИ ВОСТОЧНОМ ОТДЕЛЕНИИ КАЗАХСТАНСКОГО
ФИЛОСОФСКОГО КОНГРЕССА
РОССИЙСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО
«ДИАЛЕКТИКА И КУЛЬТУРА»
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

ЧЕЛОВЕК В ПЕРСПЕКТИВЕ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Первый том

«Концептуальные основания осмысления развития и пребывания
человека в современном мире»

Усть-Каменогорск, 2021

УДК 1/14 (035.3)
ББК 87.3
Ч-38

Утверждено к печати Ученым Советом Восточно-Казахстанского университета имени С. Аманжолова
(Протокол № 7 от 27 февраля 2021 г.)

Общая редакция:
Н.В. Гусевой, Е.В. Савчук

Авторы первого тома:
Ж.М. Абдильдин, В.С. Возняк, А.Т. Жиренова, Н.Е. Захарова, С.А. Колдыбаев, А.Г. Косиченко, В.В. Лимонченко, Г.В. Лобастов, В.К. Лукашевич, В.А. Максимович, М.Д. Мужчиль, С.Н. Некрасов, Ю.Ф. Никитина, О.А. Павловская, А.П. Петров, Е.Г. Рякова, Е.В. Савчук, Н.А. Степаненко, В.Н. Суханов

Рецензенты:

Майданский Андрей Дмитриевич – доктор философских наук, профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета, член Евразийского Информационно-Аналитического Консорциума (ЕИАК), г. Белгород, Российская Федерация.

Сагикызы Аяжан – доктор философских наук, профессор, старший научный сотрудник Международного центра «Аль-Фараби» Казахского национального университета имени аль-Фараби, исполнительный директор ОО «Казахстанский философский Конгресс» член Евразийского информационно-аналитического Консорциума (ЕИАК), г. Алматы, Республика Казахстан.

Человек в перспективе социальных трансформаций: коллективная монография в двух томах / под общей редакцией д.ф.н. Н.В. Гусевой, Ч 38 магистра философии Е.В. Савчук. – Т.І. Концептуальные основания осмысления развития и пребывания человека в современном мире. – Усть-Каменогорск: Берел, 2021. – 231 с.

ISBN 978-601-314-548-8

В коллективной монографии осмысливается проблема сущности человека как формирующегося и пребывающего в контексте социумного общества. В фокусе внимания авторов оказывается вопрос о множатых социальных трансформациях, которые воспроизводят условия жизни человека как функциональной единицы, ресурса, а также предпринимается попытка осветить перспективы человека и человеческого, которые задаются подобным положением дел.

Первый том «Концептуальные основания осмысления развития и пребывания человека в современном мире» посвящен рассмотрению адекватности понимания сущности человека как творческого, социального существа, а также анализу процессов, которые приводят к деформациям, сводящим творческий потенциал человека лишь к параметрам функционального мироотношения. Сюда включено рассмотрение современных социальных трансформаций как вызовов, делающих необходимыми специальный анализ социальных перспектив и социумных тупиков. Второй том «Мышление человека в контексте социальных трансформаций и перспективы образования» посвящен рассмотрению особенностей формирования, развития и реализации человека в цивилизационных и собственно культурных условиях, а также их проявлений в мышлении и в сфере образования.

Материалы данной монографии рекомендуются ученым гуманитарного профиля, студентам, аспирантам, магистрантам, докторантам, а также всем, кто интересуется актуальным состоянием и перспективами развития человека и общества в современном мире.

ISBN 978-601-314-548-8

© Издательство "Берел", 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

Быстрая по традиционно-историческим меркам смена социальных обстоятельств, резкие изменения в жизненных ориентациях отдельных людей и всего человеческого сообщества, порождают необходимость не только адекватной адаптации, но и понимания перспектив тех глобальных процессов, которые определяют текущее и будущее бытие.

Понимание перспектив глобальных процессов, проявляющихся планетарно далеко не только с конца XX века и первой четверти XXI века, как процессов, прежде всего, социальных трансформаций, требует не описания прошедших или продолжающихся событий, а делает необходимым «погружение» в логику общественных отношений, которые, изменяясь, порождают обнаруживаемые трансформации, меняющие лицо общества, а также лицо и черты человеческого существования.

Социальные трансформации в периоды эпохальных сломов обретают все большее распространение и углубление. Откат к капиталистической формации после распада СССР является таким эпохальным сломом. Смена общественных отношений с социалистических на капиталистические в СССР явилась и до сих пор является фактором серьезного трансформирующего влияния на ситуацию в мире. Это касается не только идеологического смысла наступивших изменений на территории бывшего Советского Союза, но также и политических, экономических, этических, эстетических, демографических и других изменений, характеризующих общекультурные и цивилизационные трансформации в мире в целом, которые проявляются во всех сферах жизни человека и общества. Нелокальный характер социальных трансформаций в современный период обозначен, прежде всего, тем, что вместе с окончанием «холодной войны» установившееся равновесие между системами социализма и капитализма перестало существовать. В результате мир вплотную подошёл к проблеме передела мира, передела за счет отказа от всего, что хоть в какой-то степени обеспечивало стабильность, выражавшуюся в проявляемой силе и действенности международного права и заключенных на его основе договоров, а также в силе и действенности международных институций, ориентированных на сохранение стабильности и некоего равновесия, не позволяющего скатываться к третьей мировой, «горячей» войне.

Социальные трансформации последних десятилетий характеризуют также и отношение мирового сообщества к глобальным проблемам, связанным с изменениями природного состояния. Все более реализуемая идея или концепция регулируемого ХАОСА не способствует сколько-нибудь адекватному реагированию на усугубляющиеся экологические проблемы. В то же время *регулируемый* хаос «негласно» предполагает наличие центра регулирования, который, как бы, имеет полномочия на это. Но в системе международных институций такой центр не заявлен и его полномочия не определены сегодня для мирового сообщества. В то же время нарушенное равновесие двух мировых систем, которое существовало до окончания холодной войны и до развала Советского Союза, сделало возможность *противостояния* внедрению регулируемого хаоса почти прозрачной. Это будет продолжаться до тех пор, пока не появится противовес отказу от международного права, противовес отказу от международных институций, способных обеспечить мир и стабильность человечеству.

Социальные трансформации обусловлены и являются выразителями глобальных процессов, происходящих в обществе. Они охватывают в той или иной степени все страны, государства, регионы, континенты, то есть всю планету. В этом плане бытие человека, его позиция, его интересы, его защищенность не могут рассматриваться вне контекста отмечаемых социальных трансформаций. Понимание перспектив этих трансформаций создает смысло-жизненный контекст, в котором формируется и может реализоваться то или иное мироотношение человека, определяющее, в свою очередь, его деятельно-практическую позицию и способы бытия в изменяющемся мире. Это означает, что рассмотрение проблемы человека не может осуществляться вне смысло-жизненного, деятельностно-практического контекста, прямо вплетенного в логику и событийный ряд текущих и будущих социальных трансформаций.

Тревоги мирового сообщества и отдельных людей по поводу направленности и возможных итогов глобальных кризисных явлений в обществе и сопряженных с ними социальных трансформаций сегодня не являются беспочвенными. Именно поэтому позиции по отношению к происходящему характеризуют не только внешние ориентации, но и всю внутреннюю структуру мироотношения и отношения к себе, своим близким, к обществу, природе любого мыслящего человека. Более того, они определяют

и само мышление. Мышление при этом, оставаясь по своей сущности идеальной формой предметно-практической деятельности человека, живущего в обществе, не может не корректироваться тем, как сама деятельность корректируется ведущими общественными отношениями. Социальные трансформации, изменяющие и деформирующие общественные отношения, становятся реальными факторами, определяющими деятельность людей, их мышление, их поступки, их самоидентификацию, и их текущие и стратегические планы.

Адекватное понимание происходящего необходимо для принятия решений важных для всех как для текущего бытия, так и на перспективу. Ориентация на выработку такого понимания, в определенной мере, призвана реализовать осуществленная философская рефлексия, предпринятая в представляемой вниманию читателя коллективной монографии «Человек в перспективе социальных трансформаций». В ней делается акцент на понимание социальных трансформаций и их последствий для человека и общества, а также присутствует акцент на определении того, какие варианты осуществления мышления способны привести к адекватному осознанию путей выхода из современного глобального кризиса, ведущего к неизбежности третьей мировой войны.

Данная монография написана коллективом авторов, среди которых представлены философы Казахстана, России, Беларуси, Украины. Это ведущие ученые-философы, работающие в ВУЗах, и академических институтах. Монография состоит из двух частей – из двух томов. Это деление на два тома было обусловлено требованиями издательства к объему каждой части. Каждый том состоит из двух глав (разделов), имеющих сквозную нумерацию от одного до четырех. Все разделы связаны единой ориентацией и представляют собой движение от вопросов сущности человека, то есть закономерностей его становления как такового, формирования его мышления, до вопросов, связанных с различными сторонами его жизнедеятельности в условиях кризиса и социальных трансформаций.

Первый том «Концептуальные основания осмысления развития и пребывания человека в современном мире» отражает философскую рефлексию авторов относительно существующих и желательных способов осмысления проблемы человека и анализа конкретно-исторических форм его существования в контексте современного общества. В первой главе специальной задачей было рассмотрение теоретических оснований понимания человека, на основе которых

открывается возможность формирования адекватного понимания современных социальных трансформаций и формирования адекватных позиций реальных людей в этих условиях. Так, в материале академика Ж.М. Абдильдина («Развитие человека и отчуждение») дается анализ становления человека в процессе деятельности, раскрываются механизмы отчуждения и рассматриваются варианты определения целевых ориентиров в социальных процессах. В связи с проблемами капиталистических социальных трансформаций Ж.М. Абдильдин отмечает, что «целью капиталистического общества является создание большей прибыли, в результате каждый человек оторван от продукта своего труда». В противоположность этому, подчеркивает Ж.М. Абдильдин, «целью социализма является созидание такого общества, где целью является сам человек, его целостное развитие, снятие всех существовавших прежде форм отчуждения... цель социализма, согласно Марксу, не общественная собственность, она должна быть только средством, главной целью социализма является создание всесторонне развитого, целостного человека».

В материале А.Г. Косиченко («Развитие человека: актуальные и вневременные измерения») отмечаются следствия социальных трансформаций, их влияние на духовность человека, на понимание религиозных ценностей. Он пишет, что «массовая подавленность, как доминирующее мировоззрение нашей эпохи, имеет исток в предчувствии неизбежного наказания за измену сущности бытия, за измену свободе, за предательство очевидному смыслу. Радость бытия утрачивается при размывании смысла жизни, при полном растворении человека в обыденности, при всецелом погружении в суету».

В материале А.П. Петрова («О сущности человека») раскрывается необходимость диалектического понимания человека как *саморазвивающейся субстанции*, что даёт возможность логическим путём выяснить его сущность как сущность этой субстанции, не прибегая к эмпирическому определению его особенных качеств с последующим выделением некоего общего качества, которое и будет, якобы, сутью человека». С точки зрения А.П. Петрова, «чтобы соответствовать своей субстанциональной сущности человек должен (даже более резко – обязан) непрерывно осуществлять полный цикл отражения – от практики к познанию, от познания к практике – иначе он перестаёт быть человеком и переходит в разряд обычного биологического организма, на уровень второй формы

субстанционального движения. В этих циклах «мышление как деятельность сознания есть только момент, сторона сущности человека как субстанции. Другой стороной является его практическая деятельность, неразрывно связанная с мышлением и одновременно противостоящая ей. Человек возможен только как тождество бытия и сознания, практики и мышления».

Характеризуя творческую природу человека, В.С. Возняк в своем материале отмечает, что в условиях современной буржуазной по духу и целям цивилизации – это творчество попадает в режим «псевдо». Возникает паразитирование на творчестве, разрыв необходимейших связей человека с человеком (и с самим собой, со своей собственной глубиной), и в то же время присутствует сплошная эксплуатация этих связей, пользование их изумительной энергетикой и мощностью ради корыстного, частного, ограниченного и ограничивающего осуществления. В частности, В.С.Возняк в качестве примера указывает на реальный статус инноватики в этих социальных контекстах. В них инноватика предстаёт простым использованием энергетики со-творчества ради совершенно внешних и частичных целей.

В этой же главе присутствуют материалы В.А. Максимовича (г.Минск), М.Д. Мужиль (г. Усть-Каменогорск), В.Н. Суханова (г.Москва), Н.Е. Захаровой (г. Минск). В частности, в материале Н.Е.Захаровой рассматриваются проблемы сохранения сущностных свойств человека, включая гомеостатические, синергетические и эволюционные аспекты.

Во второй главе «Современные социальные трансформации как вызовы...» авторы исходят из понимания существенного отличия социального и социумного, где социумное это такой тип отношений, построенный на разделении деятельности, на отчуждении. Социальное же, напротив, реализует деятельностно-творческий потенциал человека в его отношениях с другими людьми, в отношении к обществу, к природе. Понимание этого отличия обуславливает возможность адекватной ориентировки даже в условиях современных социальных трансформаций, не допускающей смешения симулякров и подлинных ценностей в человеческом мироотношении.

В этом контексте дается анализ проблемы глобализации как объективного субстанционального процесса, заключающегося в становлении единого человечества (См.: А.П. Петров). При этом автор справедливо отмечает, что в связи с возникновением новых форм надгосударственного, транснационального капитала, существенно трансформируется и понимание глобализации,

глобальных процессов. Это происходит потому, что в этом случае речь уже идет о глобализации *собственно капитала, а не человечества* в целом. Но в то же время А.П. Петров показывает, что с этой формой процесс глобализации не заканчивается, он исторически неизбежно ведёт далее – к объединению человечества в единое сообщество. И определяться этот процесс будет тем союзом государств, который будет иметь бóльшую силу, как материальную, так и идеальную (знание – как понимание происходящих процессов, и идеологию – как использование этого знания в своих интересах). И хотя сейчас материальная сила пока на стороне Запада и глобализация имеет форму, соответствующую господствующим на Западе общественным капиталистическим отношениям, которые детерминируются, в свою очередь, надгосударственным финансовым капиталом. Но в перспективе форма глобализации может быть и другой, гуманистической, в интересах не исключительно финансового капитала, а всех людей, что зависит от того, какая доминирующая сила в дальнейшем будет определять направление и содержание процесса глобализации.

Далее во второй главе актуализируются и тщательно рассматриваются проблемы трансформации общества и культуры как проблемного поля социальной философии (О.А. Павловская); проблемы трансформации политических институтов под влиянием информационно-коммуникационных технологий (А.Т.Жиренова); проблемы трансформации рентного общества (С.Н. Некрасов); проблемы осмысления глобального мира, возникающие при осмыслении его с эмпирицистской традиции и попытки их преодоления с позиций диалектики (Е.Г. Рякова, Е.В.Савчук).

Особо необходимо подчеркнуть анализ войны с фашизмом в контексте современных социальных трансформаций, проводимый д.ф.н., профессором, Президентом Российского философского общества «Диалектика и культура» Г.В. Лобастовым. Существенную актуализацию получает рассмотрение трансгуманизма как цивилизационного вызова в материале В.В. Лимонченко.

Во втором томе «Мышление человека в контексте социальных трансформаций и перспективы образования» имеется две главы, как мы отмечали выше – третья и четвертая. Третья глава посвящена анализу рефлексивного опыта человека, в рамках которого рассматриваются стандарты миропонимания и особенности мыслительных процессов и научных исследований в контексте цивилизации и культуры (Н.В. Гусева); эволюция

мышления как форма развития человека и его деятельности (Ж.М. Абдильдин, Р.Ж. Абдильдина); проблемы и следствия замещения понятийного как способ закрепощения ума человека (В.С. Возняк).

В третьей главе также рассматриваются цивилизационные и культурные основания социальной реальности как источника образного и понятийного познания (А.И. Левко); дается анализ должного и сущего в человеческом разуме и анализ диалектики как гаранта человекосоразмерных действий (Т.И. Адуло).

Четвертая глава посвящена рассмотрению социальных трансформаций, которые проявляются в образовании, лишая его подлинно гуманистической ориентации, а также тому, что позволяет ослабить или даже исключить следствия негативного влияния внедрения социумных стандартов в образовательный процесс. В этом плане актуальным является представляемый анализ образовательных практик, анализ миссии гуманитарного образования в переходе к ноономике (С.Н. Некрасов) и анализ социогуманитарной технологии как инженерного феномена и понятийного конструкта (В.А. Белокрылова).

Актуальным является анализ статуса системы образования в условиях современных социумных реалий, осуществленный М.Б.Ширманом. В нем современная система образования характеризуется как одна из отраслей капиталистического производства, которая производит высококвалифицированную (интеллектуальную, «креативную») производственную способность, которую, как отмечает автор, «вполне точно – не метафорически! – называют человеческим капиталом». Личностное, собственно творческое развитие человека в образовательном процессе специально не присутствует в качестве цели.

В этом контексте возникает серьезная образовательная задача – задача теоретическая и практическая не потерять возможность осуществления развития обучаемого, а напротив, обеспечить ее решение в имеющихся условиях. Кругу вопросов этого плана посвящены материалы В.Г. Ермакова о методологических и методических аспектах цифровизации развивающегося образования; материалы Д.В. Ермолович, касающиеся содержания образовательной политики на фоне парадигмальных трансформаций общественного сознания; материалы Э.М. Сороко, касающиеся гармонизации процесса образования человека: идеала полноты и самодостаточности, а также материалы Н.С. Ильюшенко, в которых проводится анализ возможности повышения качества формального образования, совпадающий с анализом ведущих подходов к определению и

реализации такой стратегии. Важное место в данной главе занимают результаты обзорного исследования социально-гуманитарного образования в современном обществе, проведенного А.Л. Куиш и результаты исследования А.И. Левко, посвященного проблемам и перспективам современного образования как оборотной стороны методологии и методики его организации.

В целом в данной коллективной монографии осуществлен серьезный подход к рассмотрению проблемы человека в современных социумных условиях и обозначена перспектива бытия человека, как по негативному, так и по позитивному «сценарию». Коллектив авторов надеется, что результаты их исследований будут полезны для более адекватного понимания процессов социальной трансформации и принятия решений, направленных на сохранение и развитие современной культуры, цивилизации и человека.

Н.В. Гусева

**Глава 1. ЧЕЛОВЕК КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА:
ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ**

1.1. Развитие человека и отчуждение

Ж.М. Абдильдин

На ранних этапах истории человеческих объединений, в условиях родового строя производительные силы находились на низком уровне развития. Точно так же отношения людей друг к другу на ранних стадиях истории являлись простыми, поскольку отсутствовали частная собственность, государство, законы, люди в родовом коллективе отличались друг от друга лишь своими природными качествами. Члены рода объединенно занимались собирательством, охотой, и каждого человека отличали по его личным качествам. С этим связаны, в частности, говорящие имена, которые давались членам рода: «Соколиный глаз», «Быстроногий олень» и т.д. Вождь в родовом племени – это лучший среди равных, который в своих физических и интеллектуальных качествах превосходил других членов рода, в связи с чем пользовался в родовом коллективе заслуженным авторитетом. Авторитет вождя в первобытном обществе был подлинным, обретенным его личными заслугами, члены рода были ему преданы, готовы были за него умирать, они не были «героями лести», могли прямо высказывать ему свои мнения и пожелания. Шаманы представляли собой наиболее смысленных людей, носителей необходимых для выживания племени знаний, в этом обществе выделялись также авторитетные воины, охотники.

Поскольку производительные силы в первых родовых коллективах были неразвитыми, следовательно, все, что добывалось племенем, распределялось между членами рода. Все члены рода были социально равными, отсутствовало государственное управление, отношения между людьми регулировались естественными нравственными законами. Индивид в таком обществе еще не выделился из рода, субъектом выступал род в целом, индивид же представлял собой его органическую составную часть. Роды воевали между собой за землю, благоприятную среду обитания, где можно было прокормиться, и когда один из родовых коллективов побеждал, то членов соседнего рода либо убивали, либо превращали в членов своего рода.

В родовом обществе, таким образом, господствовали нравственные отношения. Для понимания сущности отношений на ранних этапах развития человеческого общества, поскольку достаточно достоверными сведениями об этих этапах мы не располагаем, представляют образы героев гомеровской эпической

поэмы «Илиада», отличающиеся своими превосходными личными качествами: Ахиллес – в природном отношении исключительный человек, непобедимый сын аргонавта Пелея и морской нимфы Фетиды, Гектор – отважный сын троянского царя Приама, хитроумный Одиссей – царь Итаки. Эти люди свободно распоряжаются своей судьбой, жизни без чести предпочитая достойную смерть. Это цельные, нравственные личности, здесь продукт человеческой деятельности еще не отделен от самого человека, человек сам владеет продуктом своей деятельности.

С течением времени человеческие орудия труда все более совершенствуются, развиваются производительные силы общества. Непрерывное совершенствование орудий труда связано с тем, что первобытный человек жил в полуголодном состоянии, постоянно думая о том, как улучшить свое положение. С началом использования металлов, прежде всего железа силы и возможности человека колоссально умножились. До этого такое же грандиозное значение в развитии человека, коренной трансформации его способа жизни имело открытие огня. Использование железных орудий труда повлекло за собой развитие земледелия, скотоводства.

Но, как это всегда бывает в человеческой истории, непонятая форма является всеобщей формой деятельности. Благодаря новым железным орудиям труда, жизнь человека облегчилась, производительность человеческого труда возросла, труд стал более эффективным и производительным, но все эти несомненные достижения привели к появлению излишков труда, которые кто-то должен был присвоить, а, следовательно, к возникновению частной собственности. Первыми, кто стал присваивать возникшие излишки труда, были, разумеется, самые авторитетные члены рода – вожди, шаманы, лучшие воины и охотники.

Разумеется, процесс социального расслоения родового общества был долгим и нелегким, сопровождался массой трагедий и недовольства, но история шла своим чередом, развивалась частная собственность, в связи с чем постепенно стали изменяться все взаимоотношения людей внутри родового строя. Если раньше воевали за землю, благоприятную для охоты и собирательства, и при захвате чужой территории побежденных убивали, то теперь пленных стали превращать в рабов, более того, войны стали специально развязываться с целью завоевания рабов.

Использование рабского труда имело колоссальное значение для развития общества и начала процесса существенных изменений в жизни людей. Прежде всего, сформировался социальный слой, который мог себе позволить не заниматься физическим,

производительным трудом. Если раньше в родовом обществе человек выделялся и пользовался уважением среди соплеменников своими личными способностями, трудовыми навыками и умениями, храбростью и доблестью, то с того времени, как физический труд стал уделом рабов, он стал неуважаемым, более того позорным, даже самые бедные слои населения теперь не хотят им заниматься. Если прежде люди ценились и уважались за их личные качества, то теперь положение человека в обществе определяется наличием и размером его собственности.

Таким образом, социальное расслоение общества, возникновение неравенства привели к разложению родового строя и возникновению государства, внутри которого сложилось разделение на рабов – «говорящих животных», которых можно продать, убить, заставлять заниматься тяжелым материальным трудом, и свободных владельцев частной собственности. Владельцы частной собственности получили возможность иметь свободное время и заниматься искусством, религией, философией, политикой. С возникновением государства начали разрабатываться законы, защищавшие существовавшее положение дел. Правда, на ранних этапах формирования государства божественные, естественные законы и государственные законы действовали параллельно, как это прекрасно отражено в софокловской «Антигоне». В знаменитой трагедии показывается, что государство уже существует, оно наследственно, но божественные законы выше человеческих.

Однако такое состояние длилось недолго, уже в римском обществе государственный закон – знаменитое Римское право достигает кульминации своего развития. Нравственность в обществе, разумеется, никто не отменял, но господствующее положение и приоритетное значение в обществе имеют государственные законы. Человек в римском обществе теряет свою цельность, в обществе царствует закон, а для того, чтобы он хорошо работал, каждый человек должен быть абстрактным, подобно тому, как для обмена одного товара на другой необходим абстрактный человеческий труд. Чтобы получился эффективно работающий закон, на всех людей нужно смотреть только как на граждан, абстрагируясь от их личных качеств – храбрости, ума, благородства (к примеру, Ахиллеса, Гектора, Одиссея уравнивать невозможно). Человек в Риме – это гражданин государства, который должен безусловно выполнять государственные законы, отказ от их исполнения рассматривается как предательство государства.

Что же произошло в человеческой истории? В человеческом обществе произошло отчуждение: если цельный человек сам

господствовал над своими общественными отношениями и продуктами своего труда, то теперь то, что он создает, что сам изобретает вдруг становится над ним, причина и следствие меняются местами. Следствие – созданные людьми ради их собственного блага искусственные вещи для улучшения и совершенствования регуляции человеческих отношений отрываются от их создателей, обожествляются и теперь господствуют над ними.

К. Маркс процесс отчуждения прекрасно показал на примере возникновения денег и выделения золота из всех других товаров. Первоначально существовал натуральный обмен – простой обмен одного товара на другой товар, при котором функцию относительной стоимости и эквивалента выполняли разные вещи. Для удобства обмена из разных эквивалентов было выбрано золото в силу того, что оно сохраняет свои качества, не теряет своих свойств. Золото, таким образом, превратилось во всеобщий эквивалент, а затем это же золото было настолько обожествлено, что из-за него стали развязываться войны, люди стали мечтать о том, как бы побольше его иметь, ради золота стали убивать друг друга. То же самое произошло и с государством, и с другими общественными отношениями, такими как политика, религия и т.д. Созданные людьми для своего собственного удобства и блага они оторвались от своих создателей и встали над самими людьми, и теперь сами творцы стали терять понимание того, что они хозяева продуктов своей деятельности, их собственные отчужденные продукты стали господствовать над ними.

Само собой разумеется, что возникновение частной собственности, социальное расслоение принесло человечеству серьезный прогресс. Действительно, с появлением частной собственности связано формирование государства, религии как общественного института, развитие философии, искусства, культуры в целом. Использование труда рабов, превращение человека в говорящего животного в нравственном отношении было отвратительно, но дало возможность дальнейшего прогресса в развитии общества в целом. В Евангелии от Иоанна сказано: «если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода». Точно так же, умирая, родовой первобытный строй вызвал возникновение рабовладельческого общества, новой более развитой и совершенной культуры, то есть отчуждение в том числе является формой развития общества.

Дальнейшее развитие внутренних противоречий рабовладельческого общества приводит к тому, что рабовладение

погибает и возникает новый феодальный социально-экономический строй. Отчуждение развивается: на месте единой Римской империи возникает множество государств, множество королевств, усиливается христианская религия, объединяющая их между собой. Здесь не только выделяется божественный наследственный монарх, выдвигается определенная группа людей в его окружении – дворянство, появляются крепостные и свободные крестьяне, ремесленники, наряду с этими социальными слоями появляется новое сословие – христианское духовенство, посредником между верующим человеком и Богом выступает церковь, созданная самими людьми, но она возвышается над ними и становится самостоятельной и независимой.

Церковь от имени Бога отпускала человеческие грехи, обзавелась своей собственностью, стала самым крупным феодалом, что привело к возникновению новых противоречий в обществе. Ответом на обострение противоречий в политике римской католической церкви стал протестантизм, выступивший против посредничества церкви, объявивший Библию единственным аутентичным словом Господа и единственным источником христианских доктрин. Назревшие в обществе социальные противоречия, вызванные невыносимым гнетом крестьян, вылились в развернувшиеся в Центральной Европе Гуситские войны, Крестьянскую войну в Германии, участники которых в том числе были вдохновлены идеей евангельской свободы против человеческой тирании, тогда как римская католическая церковь с ее теоретическим обоснованием божественной природы власти, клеймила крестьянские восстания против власти как равносильные выступлениям против Бога.

В XVI–XVII веках в ряде европейских стран в результате буржуазных революций, являвшихся разрешением сильнейших противоречий феодализма, начинается строительство нового общества, в котором отменялось отчуждение в форме личной зависимости. Великая французская революция произошла под лозунгом: «Свобода, равенство, братство». Ее идеи в дальнейшем распространились повсюду, и в 1848 году буржуазные революции охватили всю Европу. Противоречия между новыми капиталистическими отношениями, зародившимися в недрах феодализма, и старыми феодальными порядками обострились настолько, что против королевской власти объединенно выступили низшие сословия, представлявшие собой народ: крестьянство, буржуазия, рабочий класс. Все три сословия выступили единым фронтом против власти короля, но в итоге вождем революции оказалась буржуазия с ее идеями, интересами, пониманием свободы, как свободы товарных отношений, свободы предпринимательства и т.д.

В результате буржуазных революций, борьбы за свободу и равенство родилось капиталистическое общество, которое, с одной стороны, освободило народ, все члены нового общества стали свободными товаропроизводителями, обрели юридическую, политическую свободу, отношения личной зависимости сменились отношениями вещной или экономической зависимости, но, с другой стороны, буржуазное общество представляло собой общество эгоизма, где царил «война всех против всех». Рабочие и крестьяне опять оказались не у дел, продолжилась их беспощадная эксплуатация.

На ранних этапах развития буржуазного общества рабочие трудились в ужасающих условиях мануфактурного производства, где рабочий превращался в частичного человека, выполнявшего лишь отдельные производственные функции и не понимавшего процесса производства в целом; затем стало развиваться машинное производство, где механизированные станки вытеснили труд многих рабочих, в результате фабричные работники стали ломать и портить оборудование, в лучшем случае превращались в «придаток» к машинам. Однако машинное производство одновременно развивало человека, со сложной техникой мог работать только квалифицированный и образованный рабочий.

Еще одной безусловно положительной чертой буржуазного общества стало становление демократических форм правления, при этом буржуазная демократия сама пережила серьезную эволюцию: от ограничения прав имущественным цензом, отсутствия избирательного права у женщин, до современной Всеобщей декларации прав человека.

Потребности развития производства, капиталистическая конкуренция, погоня за прибылью способствовали развитию научного прогресса, наука в капиталистическом производстве становится непосредственной производительной силой. В связи с НТП, возникновением современного механизированного, автоматизированного производства отношения города и деревни, инженерно-технического персонала, ученого и рабочего стали изменяться. Современные рабочие, инженеры, техники, контролеры, менеджеры, непосредственно работающие на капитал, являются нынешними пролетариями. Они борются за увеличение заработной платы, улучшение условий труда и т.д.

Прогресс в развитии капиталистического производства, в условиях и организации труда работников очевиден, однако отчуждение продолжает существовать, что означает, что продукты труда развитых, образованных людей господствуют над ними. В современном обществе возникают все новые и новые противоречия, поскольку продукт труда

сами его создатели не контролируют, хозяевами продуктов труда являются другие. Цель капитала – умножение прибыли, потому этические, экологические проблемы и мн. др. для него имеют мало значения. Вопрос обретает международное значение: на современном этапе в экономически менее развитые страны, где более дешевая рабочая сила, импортируются не только деньги, капитал, производство, масса государств превращается в сырьевые придатки, курортные места, которые не могут конкурировать с развитыми индустриальными странами. Таким образом, та же проблема отчуждения человека от самого себя в современном мире продолжается, она лишь видоизменяется.

В этих условиях не перестает быть актуальной проблема необходимости преобразований и изменений. В качестве одного из путей, как известно, в истории предлагалось революционное решение вопроса. Маркс и Энгельс считали, что по примеру буржуазной революции в наиболее передовых капиталистических странах произойдут социалистические революционные выступления, захват власти пролетариатом, а мирным путем власть к трудящимся может перейти в Англии, для которой характерна относительно слабая бюрократия.

Революционное решение проблемы, когда трудовой народ взял власть в свои руки, произошло в XX веке после Первой мировой войны в России. Партия большевиков выдвинула знаменитый лозунг, поддержанный трудовым народом: «Мир – народам, земля – крестьянам, фабрики – рабочим, вся власть – Советам!» Под этим лозунгом в России совершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. Большевики, воспользовавшись ослабленностью царизма, взяли власть в свои руки, но удержать власть и построить социалистическое государство было значительно труднее. Сразу после революции началась военная интервенция со стороны буржуазных государств, поддерживавшая белое движение, в стране началась гражданская война, в которой погиб тонкий слой развитого рабочего класса. Советы стали формой революционной диктатуры пролетариата, в стране была разрешена только одна большевистская партия, все другие политические партии были запрещены. В тяжелых условиях Гражданской войны и последовавшей разрухи большевики проводили политику «военного коммунизма», частью которой была продразверстка, в 1921 году продразверстку заменили продналогом, что положило начало к переходу к НЭПу. С середины 1920-х годов НЭП начала свертываться, страна пошла по пути планово-директивного развития индустриализации и коллективизации, который

сопровождался огромными жертвами и в то же время колоссальным вырождением самой большевистской партии и государства.

Поскольку развитый рабочий класс, составлявший костяк партии большевиков, погиб в горниле гражданской войны, а затем в первые годы строительства социалистического государства, продвинутых кулаков и капиталистов ликвидировали как класс, рабочий класс стали формировать из беднейшего крестьянства, социализм стали строить малокультурные крестьяне, вчерашние крепостные. Все это привело к тому, что строительство социалистического государства, которое должно было служить человеку, целью которого являлся рабочий человек, выродилось в совершенно другую форму, оно превратилось в настоящего Левиафана. Всех рабочих, крестьян, служащих обратили в рабов – они стали «приводными ремнями, винтиками и колесиками» государственной машины.

Цельным, целостным, самодостаточным стало само государство, все должно было служить ему, личное же достоинство человека, его интересы и цели превратились в ничто. Тот, кто становился во главе государства, сразу превращался в божественного человека, члены Политбюро ЦК КПСС возвышались над советским народом как небожители. Каждое их слово считалось абсолютной истиной. В государстве царили ложь, дезинформация, угнетение мысли, подавление всякого инакомыслия, репрессии – все это были страшные следствия деятельности Левиафана.

Опыт строительства социализма в СССР показал, что можно революционно взять власть в свои руки, но осуществить мечту, реализовать идеи и замысел теоретиков социализма с неразвитым рабочим классом, человеком, у которого отсутствует индивидуальность, личное достоинство, невозможно. В отсутствии этих атрибутов все права переходят государству и тем, кто стоит во главе. В советском государстве претворилось в жизнь известное замечание И.С. Тургенева: «у русских слабая воля, кто палку взял, тот и капрал». Внешне, по форме советское государство отвечало всем государственным параметрам: существовали советы – парламент, всеобщее *избирательное право, но все это на деле было бутафорией, показной формой, за которой скрывалось истинное внутреннее содержание – культ личности, преклонение перед стоящим во главе государства и господствующим вождем*. Вся собственность в стране была чисто государственной, а в итоге ничейной. В конце концов все это показало неэффективность советского строя, поэтому до зубов вооруженное государство, которое совершенно оторвалось от народа, рухнуло без единого выстрела.

Сегодня перед человечеством вновь стоит вопрос: куда двигаться? И здесь, как нам кажется, необходимо переосмыслить цель учения, которое сформулировал Маркс. Необходимо обратить внимание на то, что в СССР произошло извращение в понимании марксовского учения. Цель социализма, согласно Марксу, не общественная собственность, она должна быть только средством, главной целью социализма является создание всесторонне развитого, целостного человека. Если целью капиталистического общества является создание большей прибыли, в результате каждый человек оторван от продукта своего труда, то целью социализма является созидание такого общества, где целью является сам человек, его целостное развитие, снятие всех существовавших прежде форм отчуждения.

Сегодня даже в самых развитых странах, как отмечают М. Фуко и другие критики современного капиталистического общества, под видом защиты человека, обеспечения безопасности, его превращают в зависимого от государства, заставляют человека быть несвободным. В современном развитом демократическом государстве люди имеют право голоса, личную свободу, работает закон – и это, несомненно, огромные достижения, но вместе с тем, это государство манипулирует людьми, оно под видом их защиты делает людей бесправными. Государство должно обеспечивать безопасность граждан, защищать их от проявлений терроризма, различных форм экстремизма и т.д., оправдываясь этой благородной целью, государство постоянно растет, все больше наращивает силы, увеличивает налоги, растут амбиции руководителей, огромные средства отпускаются на военные нужды. Но все это в конечном счете происходит за счет самих людей. Следовательно, только тогда, когда люди осознают, поймут, что вся сила принадлежит им самим, что все общественные отношения и все вокруг есть продукт их труда, они должны не формально, а реально подчинить государство самим людям, в результате чего все должно быть направлено на их собственное развитие, развитие их мышления, индивидуальности, чувств и т.д., все тех атрибутов, которые делают человека цельным. Насильственная революция эту проблему не решит, добиться этой цели без развития самого человека невозможно.

Когда-то Платон полагал, что государством должны управлять философы, но произойдет это только тогда, когда будет построено идеальное государство, и люди станут нуждаться в мыслящем, нравственном руководителе. Если такого государства нет, то философ никогда не будет управлять государством. Испорченным

же, извращенным государством всегда руководят жулики и хитрецы. Поэтому пока само государство не будет нуждаться в философе, философы не смогут возглавлять государство.

Точно по этой же логике: всесторонне развитая личность возникнет только тогда, когда люди сами снимут отчуждение, когда они сами захотят руководить всеми своими общественными отношениями. В то же время, когда руководителем является всесторонне развитая личность, состоится общество, где будет расцветать богатая индивидуальность в условиях развитых общественных отношений. Насильственный захват власти, революционные перевороты возможны в неразвитых странах, где у человека отсутствует личная свобода, люди свободны лишь по форме. В этих государствах наличествует парламент, суд, исполнительная власть, но принцип разделения властей не работает, власти проводят все по форме, а внутреннее содержание совершенно иное. В таких государствах люди зачастую пассивны, поскольку лишены права нормально, законно влиять на смену власти. Та партия, которая захватила власть, не желает сменяться и под себя, при пассивности парламента, изменяет законы, проводит угодные ей преобразования.

Когда-то в СССР КПСС получала на формальных выборах 96% голосов избирателей, в настоящий момент компартия на постсоветском пространстве близко не располагает подобными цифрами. В то же время современные правящие партии в демократически неразвитых государствах захватывают власть и получают 99% голосов, разумеется, никакие оппозиционные партии в условиях административного контроля не могут сразиться с ними. В такой обстановке нет правовых гарантий, здесь возможны насильственные выступления людей. Таким образом, пока сами люди не разовьются в культурном отношении, не обретут высокий уровень самосознания в государствах Латинской Америки, Азии, Африки будут происходить аналогичные явления. Поэтому самая главная задача в тех странах, которые выбрали и движутся по пути демократии, – это развитие культуры людей, их личных прав, свобод, их подлинного человеческого достоинства.

Не следует забывать, первобытный строй человечества длился в истории десятки тысяч лет, рабовладение несколько тысячелетий, феодализм полторы тысячи лет. Маркс, Энгельс и их последователи мечтали о коммунизме и увидели его призрак в Европе уже в XIX веке. Следует понимать, что не мог исторически только что народившийся капиталистический строй, не достигнув своего расцвета, сразу умереть.

В «Капитале» К. Маркс вскользь определил социализм как «союз свободных людей». Для достижения этой цели, для того чтобы могла сформироваться по-настоящему свободная индивидуальность, потребуется еще много времени.

1.2. Развитие человека: актуальные и вневременные измерения¹

А.Г. Косиченко

Современный человек мечется в поисках основы своего существования. Деньги, слава, власть, удовольствия – что только не является стимулом, ведущим человека по жизни. Опыт прежних эпох отмечен, современный человек живет так, как будто не существовало нескольких тысячелетий истории, не порождались достаточно обоснованные ценностные системы и не формировались вполне оправданные смыслы жизни. Наша жизнь становится в высокой степени бессмысленной, прежние поколения такое существование и жизнь не называли бы. Куда движется человек и человечество? Похоже, в никуда. Каков человек сегодня? Культурное содержание минимально, истории он не знает, над духовным смеется, совесть стала рудиментом. И это состояние называется развитием? Может это не развитие, а деградация? Почему бы деградацию и не считать развитием? Если мы не знаем, куда и зачем развиваемся, если нет критериев развития, то чем развитие отличается от деградации? Нам ответят, что все зависит от системы, в которой мы ставим этот вопрос и от критериев внутри этой системы. В одном случае это будет развитием, в другом – деградацией. Но так не бывает. Так вообще легко уйти от любого ответа. Всегда можно сказать: то ли так, то ли этак. При этом забывают, что имеется истина, постигаемая все глубже и глубже. И временная относительность истины не означает, что можно утверждать что угодно, ссылаясь на относительность истины. Наряду и впереди относительной истины стоит истина абсолютная. Имеются несколько мировоззренческих систем, обладающих абсолютной истиной или стремящихся к ее обретению. К первым, например, относится религия, а ко вторым – философия. В этой статье мы прибегнем к религиозной системе (и, конкретно, к православию), и из нее посмотрим на соотношение актуальных и вневременных измерений в развитии человека.

¹ Статья подготовлена в рамках финансирования КН МОН РК (Грант №АР09260036 «Светские и религиозные ценности в современном Казахстане: взаимодействие и влияние на политику РК в сфере религии»).

Вневременные измерения развития человека связаны с вечностью, в которую входит человек в процессе обожения (как актуализации божественного в человеке). Вечность есть существенная определенность и вместе с тем прерогатива Бога. И по мере развития в человеке тех измерений, какими человек приближается к Богу, человек приобщается вечности. Здесь имеется глубочайшая логика, когда вечность, как одна из характеристик Бога, становится характеристикой человека в той мере, в какой он осуществляет божеский промысел о себе. «Человек есть существо самопреодолевающее, преобразующее себя самого – таково самое точное определение человека, усматривающее своеобразный признак, которым человек отделяется от всех других существ на свете... Только духовное начало в нем, принципиально отличное от всех эмпирических качеств (в том числе и интеллектуально-психических) и выходящее за пределы его эмпирической природы вообще, есть нечто присущее одному человеку и определяющее его подлинное своеобразие»². Добавим, что духовное в человеке (как дар Божий) вневременно (хотя постоянно погружено во время). Поэтому предельные (как должное) духовные характеристики человека имеют абсолютный характер, и в этом смысле вечны. Но их реализация соотносится с возможностями человека в тот или иной исторический период.

Тем самым в православной традиции мы обретаем критерий того, считать ли трансформацию человека то ли развитием, то ли деградацией. В том случае, когда человек актуализирует свою сущность (стать богоподобным), он развивается и обретает вневременные измерения своего бытия. В том же случае, когда человек остается в горизонте актуальных, помещенных во времени измерений своего, якобы, развития, он деградирует, так как не развивается к своей сущности – быть богоподобным, но «развивается» в установках своего времени и не может вырваться из суеты своего существования. Суета вообще является доминирующей формой жизнедеятельности современного человека, вне зависимости от того, чем человек занимается, к чему стремится и на что ориентируется. Находясь в суете, человек не способен «взглянуть со стороны» на свою жизнь, суета вынуждает человека все время пребывать в избранных им стереотипах существования. Суета, которая часто понимается как просто ускорение темпов жизни современного человека, на деле является формой закабаления человека и неизбежно ведет к его деградации. «Человек суете уподобился: дние его яко сень преходят» (Пс. 20:4). Вырваться из суеты – первейшая необходимость духовно развивающегося человека.

² Франк С. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. (Мыслители XX в.). – 511 с. – С. 76.

Развитие человека следует понимать как восхождение к сущности человека. То есть, развитие понимается как достижение должного, как реализация замысла о человеке. При этом развитие хотя и помещено во времени, но реализуется вневременная цель развития. Именно так и складываются вневременные измерения развития человека. Актуальное только тогда причастно сущности, когда оно соотнесено с вечными измерениями сущего. Вечные измерения получают свое осуществление посредством их представленности в актуальном; через актуальное бытие реализуется и вместе получает воплощение вечное. Собственно только поэтому можно говорить об актуальных смыслах чего бы то ни было – они, эти актуальные смыслы, высвечивают вечную сущность бытия. Абсолютные измерения и их содержание, уже в силу своей абсолютности, выступают пределом временного. В абсолютном раскрывается смысл временного, но сквозь актуальное нелегко рассмотреть абсолютное, вневременное; такие попытки могут быть даже вредны. «Рассказывают, что авва Антоний, будучи однажды приведен в недоумение глубиной домостроительства Божия (управления миром) и судов Божиих, помолился и сказал: «Господи! Отчего некоторые из человеков достигают старости и состояния немощи, другие умирают в детском возрасте и живут мало? Отчего одни бедны, другие богаты? Отчего тираны и злодеи благоденствуют и обилуют всеми земными благами, а праведные угнетаются напастями и нищетою?» Долго был он занят этим размышлением, и пришел к нему глас: «Антоний! Внимай себе и не подвергай твоему исследованию судеб Божиих, потому что это – душевредно!»³.

Сущность человека вневременна, актуальные его проблемы и формы бытия – только преформирование этой сущности. Об этом надо помнить, когда нам навязывают то одно, то другое в качестве актуального содержания сущности человека. Историю человечества можно так и понимать: как развертывание сущности человека в актуальных (доминирующих в наличной реальности формах бытия человека) формах. Человека все время втягивают в социально-значимые на данный момент формы организации общества. Лучше всего эту ситуацию демонстрирует теория общественных формаций, сменяющих друг друга в ходе исторического процесса. Человек, в самом деле, присутствует в этих исторических формах общественного развития; гуманистически ориентированные мыслители даже говорят, что именно человек и является источником этих исторических форм общества. Но при этом, не подлежит сомнению, что человек в этих формах не раскрывает всего своего содержания, так как эти формы не нуждаются в

³ Святитель Игнатий Брянчанинов. Творения: Отечник, или избранные изречения святых иноков и повести из жизни их. – М.: «Лепта», 2002. – 860 с. – С. 48.

актуализации сущности человека в ее полноте, им нужны то одни, то другие качества и способности человека, и человек сводится к ним на всяком этапе истории. Человек оказывается всякий раз богаче своих проявлений в исторических формах общественного развития.

Итак, в актуальных формах своего бытия человек раскрывает свою сущность лишь в незначительной мере. Но и вневременная сущность его, если говорить строго, представляет собой только потенцию, эта сущность никогда не проявляется в достаточной полноте. При этом развитие актуальных форм его существования малопродуктивно, это развитие осуществляется в горизонте наличного бытия, ограниченного потребностями сегодняшнего дня и исторически ограниченными установками, сформированными опять-таки под актуальную проблематику существования человека и общества. Вневременная же сущность человека (как ее понимает православие) предзадана, не детерминирована, но именно предопределена божественным провидением и смиренным восприятием человеком этой благодати. То есть, к вневременной сущности человека ему надо восходить (потребно усилие со стороны человека), но без благодати Божией это усилие бесплодно. В этой связи возникает вопрос: можно ли именовать реализацию сущности человека, осуществляющуюся им во времени, развитием человека. На наш взгляд, вполне можно и даже нужно. Это и есть истинное развитие. Нельзя же, в самом деле, считать развитием человека его изменения в неизвестном направлении с непредсказуемыми результатами, что зачастую и именуется развитием. Конечно, надо признать, что некоторая неопределенность входит в содержание понятия развития, потому наше предложение понимать развитие как осуществление сущности, как движение к сущности вступает, по видимости, в противоречие с классическим понимаем развития как свободного, ничем не предзаданного развития сущностных сил человека.

Самое главное и подкупающее в развитии – возникновение нового, ранее не бывшего. Как оно рождается из предшествующих форм, из предыдущих состояний? В этом суть развития, этим ценна категория развития. Но раскрывается ли сущность такого развития даже и в диалектике, которая делает развитие своим центральным предметом? Нет, не раскрывается, сущность развития не показана, не обоснована. Вместо раскрытия внутренних процессов развития, нам дается схема, а еще точнее сказать, описание процесса развития: то переходом количества в новое качество, то через отрицание отрицания, то снятием противоположностей в третьем. Это только описание, и мы согласны с этим описанием, потому, что оно вроде что-то объясняет. Но

объясняет оно нечто только в том случае, когда мы уже заранее готовы принять такое объяснение.

В качестве некоторого отступления заметим, что развитие – весьма спорная и неоднозначная категория. Мы согласны с ее присутствием потому, что, как нам кажется, развитие присутствует повсюду: все вокруг меняется и развивается. Да, формы сущего меняются. Но возникает ли при этом новое, не просто видоизмененное, но принципиально новое? И вот если мы поставим вопрос таким образом, то развитие, понимаемое как развитие к предзаданной сущности, уже не покажется нелепостью. Через посредство временных измерений бытия человека развитие к его вневременным измерениям – вот в чем состоит, повторим еще раз, сущность развития.

Но развивается ли современный человек в том смысле, какой мы только что обозначили? Надо признать, что человек становится все более примитивным. Предельно узкая специализация в образовании и профессиональной деятельности, акцент на формировании «компетенций» возводят в норму, за которой следует утрата человеком даже того минимума, который еще недавно соотносился с профессией. Ранее рост профессионализма предполагал не только повышение квалификации, но и некоторое общее развитие человека (за пределами профессии). Компетенции же начисто отрицают необходимость такого общего развития. Более того, компетенции считают общее развитие вредным, опасным для статуса «компетенции». Человека учат набору навыков, умения вести себя в профессиональной среде, научают деловой активности, но сознательно вымывают из него все, что связано с собственно человеческими качествами. Человеческие качества уже давно мешают управленцам нового мирового порядка, сегодня эти качества унифицируются и начисто устраняются.

Человек явно деградирует. Но не сам по себе, над деградацией человека как над наиважнейшей задачей современности работают мощные, хорошо финансируемые силы. Глобализация вошла в новую фазу, вместо унификации финансов и технологий, торговли и национальных законодательств (задачи уже вполне выполненной), целью глобализации на современном этапе стала унификация человека. И целью «гибридных» войн является не овладение природными богатствами или подавление суверенитета государств или разрушение их традиционных культур. Все это – промежуточные или побочные результаты «гибридных» войн. Глубинной их целью является сведение сущности человека, как творца своей действительности, к субъекту прав и свобод, причем прав и свобод, схоластически оторванных от содержания личности человека и его укорененности в традиционных системах ценностей.

Гомосексуальные отношения, эвтаназия, браки лесбиянок-епископов Англиканской церкви в Великобритании – это совсем не реализация прав человека, нет, это настоящая война против человека. Какие там права человека, кого из власть придержащих эти права интересуют? Права человека – это удобный аргумент, это только прикрытие, только отвлекающий маневр для осуществления целей унижения человека, и в первую очередь, его духовной сущности. «Воплощение в жизни общества идеи о "правах человека", превращенной в правовую догму и не уравновешенной – ни нравственно, ни юридически, – идеей "естественных обязанностей", свойственных каждому гражданину, ведет ни к чему иному, как к неизбежной деградации общественной морали и нравственности...»⁴, пишет митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев). И дальше: «Придавать формальному праву самодовлеющее значение – гибельная ошибка! Еще хуже, когда говорят, что право должно фиксировать существующее положение вещей, "естественные" человеческие запросы. Таким образом подспудно признается законность, легальность страстей, греховных язв, равно губительных для духовного здоровья личности и основ государственной безопасности. "Настроив" правовую систему определенным образом, можно исподволь и незаметно, действуя полностью в рамках закона, развалить изначально прочную страну, растлить здоровый и нравственный народ. Такова реальная цена "правового идолопоклонства", являющегося одной из основополагающих черт демократической квазирелигии»⁵.

Совість человека замутняется, человек уже мало способен различать добро и зло, сострадание считается слабостью, любовь к ближнему – патологией, жертвенность – болезнью. О духовном развитии и говорить не приходится. Духовное развитие и вообще духовное содержание личности человека входят в противоречие с навязанными современному человеку ценностями, абсолютно чуждыми человеку. Остается всего один шаг к полной утрате представлений о сущности человека. Еще немного, и человека превратят в робота. К этой цели нас подвигают различными путями: и через пересадку и замену органов, и через «расширение» представлений о пределах и возможностях человека, и через сплошную «цифровизацию» всего и вся. Не случайно роботизация становится задачей развития государств. Человек-робот и просто робот сближаются по содержанию. «Люди становятся похожими на роботов.

⁴ Митрополит Иоанн. Самодержавие духа // Митрополит Иоанн. Русская симфония. Очерки русской историософии. Санкт-Петербург: «Царское дело», 2004. – 494 с. – С.343.

⁵ Там же. С.344-345.

Теряют способность к суждению. Через несколько лет рассуждать смогут только те, чья профессия связана с исследованием. Остальные станут как машины»⁶. Роботу не свойственна личностная специфика, она ему ни к чему – таким и хотят сделать человека. Но человек не может начисто утратить личностное духовное содержание. Этим противоречием и объясняется то чудовищное давление на современного человека, которое оказывают творцы нового мирового порядка в стремлении уничтожить человеческое в человеке.

Стало очевидным, что события в мире нарастают в ускоряющемся ритме, они напластовываются таким образом, что на них уже трудно, почти невозможно реагировать по-человечески. Реальность человека рассыпается, она подменяется пост-гуманистическими реалиями; в этом же ряду стоит и так называемая «цифровая экономика», сути которой люди не знают. Разве что она проявляется в переводе человеческой индивидуальности в «цифру», в электронные носители полных данных на человека, что тоже плохо, ибо является признаком апокалипсических времен.

* * * * *

Какие практические выводы из всего сказанного необходимо сделать в адрес человека, желающего остаться человеком и не утратить окончательно проблесков человечности? Выводы таковы: надо ясно осознать, что духовное содержание человека составляет сущность человека, в горизонте духовного и происходит развитие человека как обретение им вневременных измерений своего бытия; далее надо трезво оценить, кто ты и кем являешься на самом деле, а не в представлении о себе; исходя из этого, надо осознать чего ты хочешь по-настоящему, что бы ты хотел сделать, с чем ты себя соотносишь в последнем пределе; и, осознав все это, надо делать то, что ты хотел бы оставить по себе, причем делать на пределе своих возможностей; надо поменьше любить себя и побольше любить людей. В вечность войдут немногие из дел человеческих. Войдут только те из дел, какие пропущены через горнило ответственности, жертвенности, любви и милосердия. Содержание же самих дел не столь важно; можно делать, казалось бы, самые незначительные дела, но делать как должно, и эти дела войдут в вечность, а можно заниматься самым «возвышенным» и остаться ни с чем.

Массовая подавленность, как доминирующее мировоззрение нашей эпохи, имеет исток в предчувствии неизбежного наказания за измену сущности бытия, за измену свободе, за предательство очевидному смыслу. Радость бытия утрачивается при размывании смысла жизни, при полном растворении человека в обыденности, при

⁶ Афонские старцы о спасении и современном мире. – М.: Святая Гора, 2016. – 144 с. – С.32.

всецелом погружении в суету. В этих условиях крайне затруднительно одухотворять жизнь, религия в этом случае мало влияет на социум в духовном отношении. Как уже говорилось, потребно усилие для противостояния суете, надо держаться, удерживать смысл, видеть ценность духовной жизни. Надо удерживать в качестве важнейшей ценности смысл жизни и соотносить его с вечностью. Не поглощаться каждодневностью. Уметь находить в повседневности вечные смыслы, держаться этих смыслов, актуализировать их в повседневности. Такая позиция не признак элитарности, ставшая изгойной, но истинное бытие, к сожалению, утраченное сегодня абсолютным большинством.

Известно, что в античности героем признавался человек, мужественно следующий своему року. А мы мечемся, никак не можем найти своего места. Аристотель говорил, что предмет находится в состоянии движения до тех пор, пока он не обретет свойственного ему места. И тогда перестает двигаться и успокаивается. А покой – наилучшее состояние. Вот и нам надо найти свое место, и мы перестанем суетиться. Нахождение своего места, в первом приближении, и есть осуществление своей сущности (на данном этапе своего развития).

Следует также помнить, что ответственность есть центральное ядро личности человека. Ответственность наряду со свободой и жертвенностью образуют систему ценностей и одновременно понятий, в которых можно говорить о сущности человека. Мы утратили верное понимание жертвенности. Она есть не потеря, как это представляется сегодня, а приобретение, есть духовный рост личности, развитие способности человека осуществлять свою сущность. Жертвенность расширяет пространство бытия человека, связывает свободу и ответственность – возникает адекватная проблеме понятийная система духовности. Но о жертвенности современный человек и слышать не хочет. Он и так страдалец, это не он должен нечто людям, это ему все должны. Эгоизм, гордыня и ориентация на потребление во все возрастающих масштабах очень способствуют укоренению такого мировоззрения. Вместе с тем без жертвенности сегодня ничего хорошего создать невозможно, жертвенностью прорывается горизонт внешней необходимости, личность выходит на осмысленное бытие.

В статье мы прибегали к религиозной аргументации в отношении понимания актуальных и вневременных измерений человека. Нам могут возразить: хорошо, так говорит религия, но в какой мере сказанное относится к людям неверующим или безразличным к религии? Что говорит, к примеру, о предмете нашей статьи философия? Современная философия в своих основных формах не религиозна. Но современная философия и не оказывает заметного влияния на наших

современников, на общество и на господствующие ныне взгляды. Нашему современнику в массе безразличны проблемы соотношения вечного и временного в человеке. Но отсюда совсем не следует, что эта проблематика не интересна для самой философии и для хотя бы изредка задумывающихся о смысле жизни людей.

Нерелигиозность современной философии преходяща, философии внутренне близка духовная проблематика, а, следовательно, и религия. Вот, что по этому поводу пишет Н. Бердяев: «Философия станет тем, чем она была в древности, станет священной, вновь соединенной с тайнами жизни. Всего менее это значит, что философия должна стать прислужницей теологии... Философия должна быть органической функцией религиозной жизни, а не прислужницей теологии – это разница огромная. Философия не может и не должна быть богословской апологетикой, она открывает истину, но открыть ее в силах лишь тогда, когда посвящена в тайны религиозной жизни, когда приобщена к пути истины»⁷. Как известно, многие собственно философские проблемы получают углубленное решение в том случае, когда философия имеет в виду религиозное истолкование этих проблем. Философия обогащается религиозной или, иначе, богословской интерпретацией стоящих перед философией проблем. Именно в этом смысле и говорит о связи философии и религии Н. Бердяев. Так что религиозное прочтение проблематики актуальных и вневременных измерений человека, осуществленное в статье, не ограничено лишь сферой религии. К тому же надо отметить, что только в религии достигается истинное понимание сущности духовного. «Духовное порождается и реализуется в процессе восхождения человека к Богу, есть содержание процесса воссоединения человека с Богом. Дух – источник и энергия этого процесса, религия – пространство такого воссоединения, человек духовен лишь в той мере, в какой он осуществляет этот процесс. Таково религиозное (у нас – христианское) понимание сущности духовного. Такое понимание представляется нам истинным, ибо никакая другая сфера бытия, кроме религии, не делает духовное своим предметом, не делает духовное настолько обязательным для человека, что вне духовного в человеке нет и самого человека. Кроме того, и это намного важнее, религия ясно указывает на Бога, как на источник духовного в человеке, т.е., мы имеем в религии четкое указание на происхождение духовного, его исток, человек же духовен только в связи с Богом»⁸.

⁷ Бердяев Н.А. Спасение и творчество (Два понимания христианства) // Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. – Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 688 с. – С. 40.

⁸ Косиченко А.Г. Религия как истинная сфера духовного развития // Косиченко А.Г. Религия: сущность и актуальные проблемы / под. общ. ред. З.К. Шаукеновой. – Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2012. – 220 с. – С.9.

1.3. О сущности человека¹

А.П. Петров

Диалектический взгляд на человека как на саморазвивающуюся субстанцию даёт возможность логическим путём выяснить его сущность как сущность этой субстанции, не прибегая к эмпирическому определению его особенных качеств с последующим выделением некоего общего качества, которое и будет, якобы, сутью человека.

Субстанциональность всех живых субстанций, заключается в тождестве материального и идеального как сторон субстанции и их опосредствованности через особый орган субстанции – орган отражения. Но этого общего положения явно недостаточно для характеристики человека, обладающего к тому же ещё и собственными, родовыми качествами, особенным.

Таким особенным субстанциональным качеством в отношении человека является наличие *самосознания* и соответствующей ему формы мышления – диалектического мышления – выделяющей человека в особую форму субстанционального движения, поскольку только человек способен отчуждать в мышлении идеальное природы, внешнее ему, и свободно действовать с ним соответственно всеобщему принципу диалектичности (понимаемого как саморазвитие, в основании которого находится *внутреннее* противоречие), даже не осознавая этого. Результатом внутренне диалектического процесса действий с идеальными предметами мышления является постижение сущности явлений природы (пусть даже неполное, внешнее, но и это уже огромное достижение) и появление, т.о., возможности обращаться с природными процессами и вещами сообразно их *сущности* и, действуя таким образом, применять их к собственным потребностям, создавать искусственное внешнее окружение.

Феномен осознания себя (самоосознавания, самосознания) есть момент возникновения отрицательности человека по отношению к внешнему ему миру, установление границы с ним, самоопределение себя и, как следствие, появление противоречия между человеком и внешним миром.

Отмеченный феномен самосознания не оставляет противоречие между самоосознающим себя человеком и внешним миром во

¹ Данный текст основан на анализе и выводах, изложенных в книге: Петров А.П. «Субстанциональный монизм как диалектика материального и идеального и основополагающий принцип саморазвития реальности». – М.: Онто-Принт, 2018.

внешней человеку *онтологической* форме. Мышление переводит его в *гносеологическую* форму – идеальную форму, в которой сторонами противоречия становятся категории, понятия. Такое противоречие также способно к развитию и разрешению и как таковое обладает потенциалом дальнейшего движения.

Поскольку это противоречие имеет место внутри человека, в его мышлении, то оно может разрешаться (сняться) только в мышлении. Но это снятие не остаётся замкнутым в мышлении, в-себе – внешним результатом такого снятия являются действия самого человека в отношении внешнего мира – источника противоречия мышления. Идеальное мышление переходит в материальное внешнего мира – в практику. Самоосознающий себя человек становится полностью самостоятельным в своих действиях. Более того, возникшее противоречие императивно (как и всякое внутреннее противоречие) – оно *необходимо* требует своего разрешения в мышлении и последующих действиях. *Возникает новое качество человека – уже сугубо человеческое качество, не свойственное ни одной другой субстанциональной форме – способность к активному преобразующему действию в окружающем мире.*

Мышление как деятельность сознания есть только момент, сторона сущности человека как субстанции. Другой стороной является его практическая деятельность, неразрывно связанная с мышлением и одновременно противостоящая ей. Человек возможен только как тождество бытия и сознания, практики и мышления.

Человек как субстанция существует только в *диалектическом* единстве этих сторон, их непрерывном взаимодействии, переходе друг в друга, в их противоречии и снятии этого противоречия – т.е. только в движении, развитии. Суть этого процесса заключается в движении от отражения внешнего мира и представления его в форме идеального содержания сознания и последующих действий мышления со своими идеальными предметами (процесс познания) – к практическому воплощению знания, материализации (процесс практики) – и затем снова к отражению в сознании сущности полученного практического результата и дальнейшей работы с новыми идеальными предметами. В целом – это активная, *преобразующая* внешний мир, деятельность, конечным результатом которой является *создание искусственного мира*, приспособленного к человеку.

Таким образом, *сущность человека как субстанции (субстанциональная сущность человека) состоит в целостности его жизнедеятельности как постоянно возобновляющегося циклического*

процесса отражения, – идеализации материального и материализации идеального, – которая (жизнедеятельность) предстаёт как единство (тождество) взаимодействующих обоюдонаправленных процессов, – единства познания (идеализация материального) и практики (материализация идеального),² – имеющих итогом приспособление внешнего мира к человеку, а не наоборот. Результатом является создание искусственной среды обитания, искусственной природы, посредством которой человек формирует условия своего дальнейшего саморазвития.³

При этом *субстанциональность человека проявляется и в индивидуальной форме, и в форме сообщества* (другими словами, субстанционален и отдельный человек, индивид, и его группы (сообщества, развивающиеся по своим внутренним правилам), и общество в целом). Однако, и индивид, и группы (сообщества) индивидов могут обрести именно *человеческую субстанциональность* как способность создания искусственного мира только в обществе как целом. В этой противоречивой тождественности общество – всеобщее, группы индивидов (сообщества, классы и т.п.) – особенное, индивиды – единичное. Поскольку материальный процесс развития каждого общества исторически конкретен (индивидуален) и снимается в его конкретном же идеальном (качествах, свойствах), то *каждое общественное образование несёт на себе печать (родовые качества, если угодно) истории именно своего общества как целого, всеобщего, а индивиды также и особенного – своего социального слоя.*

Исходя из определённой выше сущности человека можно сделать самый общий вывод: полное и свободное развитие человека как субстанции и в форме индивида, и в форме общества возможно только при отсутствии ограничений такому развитию, т.е. при наличии (вернее, при создании самим человеком) таких условий, которые позволяют раскрыть *все* потенции человека как *саморазвивающейся субстанции* – и как личности, и как сообщества

² «...Свободная сознательная деятельность как раз и составляет родовой характер человека» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - Т. 42. С. 93); «...именно в переработке предметного мира человек... действительно утверждает себя как родовое существо.» (Там же. С. 94)

³ Хотя и в другом контексте, и другими словами, но фактически то же самое сказал Э.В. Ильенков: «Логические — диалектические — законы и суть не что иное, как законы процесса “обмена веществ” между человеком (обществом) и природой, законы превращения объективного в субъективное и обратно. Законы процесса циклического, точнее, спиралевидного, с каждым циклом расширяющего свои масштабы. Поэтому законы диалектики (логики) и связывают в одно целое и природу, и общество, и “мышление” (познание, понимание). Это именно законы связи, взаимоперехода одного в другое, формы их реального конкретного тождества, законы процесса отождествления, понимаемого как превращение одного в другое, непосредственно естественно природного в общественное, историческое бытие человека» (Ильенков Э.В. Искусство и коммунистический идеал. Избранные статьи по философии и эстетике. – М.: «Искусство», 1984. – С. 101).

личностей, всех без исключения. Следовательно, необходимо наличие вполне определённых материальных и идеальных условий, не только не ограничивающих ни с одной из сторон (материальной либо идеальной) развитие человека, но и способствующих такому развитию.

Очевидно, что этот вывод следует ещё раз подчеркнуть – *сама субстанциональная сущность человека необходимо диктует ему условия его развития* – полное освобождение человека (и в форме индивида, и в форме сообщества) от всех моментов, сковывающих и ограничивающих его само-деятельность, отчуждающих его от свободной творческой деятельности. *Полностью свободная деятельность – вот субстанциональная сущность человека* (и индивида, и общества в целом). Цель этой деятельности – познание и изменение внешнего мира в интересах человека.⁴

Эти условия может создать только сам человек и только *сознательной* деятельностью, спонтанно они не возникнут. Отсюда следует второй вывод – на каком-то уровне своего развития человек должен перейти к *осознанному управляемому саморазвитию*. И ещё один вывод – при полном удовлетворении материальных потребностей человека (другими словами, при создании искусственной природы, полностью удовлетворяющей материальные потребности) главным направлением его деятельности становится всемерное развитие сферы идеального как полное познание себя и природы (в том числе искусственной) и совершенствование искусственной природы на основании этого знания. Постигание истины и есть пресловутое познание необходимости как условие перехода к полностью управляемому развитию.

Процессы познания и практики могут существовать только в тождестве как их неразрывности в различии. В основании этого единого движения находится феномен отражения, проявляющийся: в узком смысле как познание (снятие материального в идеальном, идеализация материального); в широком смысле – это весь процесс как повторяющаяся циклическая деятельность познания-практики, их взаимовлияния и перетекания друг в друга, взаимодополняющие друг друга процессы идеализации материального и материализации идеального, являющиеся сторонами целостного движения субстанции человек.

Отсюда ещё один вывод, уже по отношению к собственно

⁴ Впрочем, нельзя исключить возникновения в отдалённом будущем цели и более высокого – космического – порядка: осуществление космических антиэнтропийных процессов. Субстанциональная сущность человека не только не налагает на подобные действия никаких ограничений, но, напротив, способствует этому.

человеку: чтобы соответствовать своей субстанциональной сущности человек *должен* (даже более резко – *обязан*) непрерывно осуществлять полный цикл отражения – от практики к познанию, от познания к практике – иначе он перестаёт быть человеком и переходит в разряд обычного биологического организма, на уровень второй формы субстанционального движения.

1.4. К вопросу об основаниях творчества

В.С. Возняк

Для адекватного понимания творчества и его природы следует обратиться к сущности собственно человеческого *способа бытия*. А здесь самое существенное – тот факт, что индивид присваивает *опыт других, опыт рода* сверхбиологическим способом, присваивает как **культуру**, оказывается способным *нести в себе опыт рода* не в генофонде, не через природные механизмы, а совсем иначе – в сознании, *сознанием*. Собственно, последнее и означает – *со-знание, совместное знание* как моя индивидуальная способность. Форма, схема совместно-разделённой (то есть – конкретно-всеобщей) деятельности присваивается индивидом как собственная способность, как единственно возможный способ его, индивида, отношения к миру и к самому себе.

Филогенетически поворот к человеку начинался с *ухода внутрь*, в «самость», иначе говоря – с «интериоризации» схем внешне-предметной коллективной (совместно-разделённой) деятельности. С чего начинается человек? – *С другого человека*. Ф.Т. Михайлов *начало человека* непосредственно связывает с феноменом «*обращений*»: «Нерасчленимый атом духовно-практического бытия людей – это не что иное, как сохраняющее и изменяющее их жизнь обращение друг к другу и к себе самим. Субъективно целеустремлённое обращение к субъективности друг друга»¹. Именно в таких обращениях – происходит «акт рождения в человеке осознаваемого объективного мира, а главное – это акт рождения реально-идеальной сути его тождества со своим родом – с человечеством»². Именно в *сплошности подобных обращений* и зарождается способность «*ухода внутрь*», *впускания в себя других, рода, человечества*. Кстати, способность к подобному «*впусканию вовнутрь*», принятию и есть, собственно, *душа, душевность*. Михайловское «*обращение*» глубже просто

¹ Михайлов Ф.Т. Э.В. Ильенков: диалектика как логика // Ильенковские чтения. Тезисы выступлений. – М.: Микрон-принт, 1999. – С. 73–81. – С.79.

² Там же. С.80.

отношения, связи, взаимодействия, ведь оно идёт из самой субъективности – к субъективности другого: «<...> возникновению и развитию духовной сущности своей психики каждый индивид Homo sapiens обязан лишь своему собственному субъективному устремлению <...> к полному сроднению с субъективностью других людей. И прежде всего – с эмоциональными переживаниями каждым из них своей способности суждения о... совместно творимом их общем будущем»³. А посему: «Порождающим и сохраняющим человека отношением было, есть и навсегда останется отношение к субъективности других людей, ищущее со-чувствия, со-мыслия (сознания) и со-гласия в со-действии с ними, формирующее мотивацию их и его поведения, способное обеспечить расширенное воспроизводство средств к жизни и главных его условий: самоорганизующейся общности людей, креативной и когнитивной духовной и духовно-практической его продуктивности. Порождающее отношение, как и всякое отношение чего-то к чему-то, включает в себя не два, а три активно “действующих лица”: то, что относится, то, к чему оно относится, и само связывающее их отношение – связку. В этом смысле всякое (тем более порождающее) отношение обратимо: все его три элемента с равной необходимостью порождают своё единство, свою целостность»⁴.

Иными словами, человеческое бытие изначально, субстанциально общественно. Зачастую само «общественное» представляется обыденным (и не только) сознанием как «всемство», как «социальное», как сугубо внешняя связь между человеческими индивидами, как абстрактная противоположность «индивидуальному». Вот почему следует обратиться к понятию «соборность».

Соборность противостоит ассоциации как механическому сообществу индивидов-атомов и представляет собой особенный тип человеческой общности, который характеризуется взаимопроникновением «элементов» и их свободным самостоятельным существованием («положительное всеединство» у В.С. Соловьёва). *Соборность* отличается от западного понимания «кафоличности», которая трактуется как повсеместность, всемирность. На Востоке же кафоличность характеризуется не в смысле внешнего распространения, а в измерениях некоей внутренней настоящести, истинности. Иными словами, в латинском варианте «католикос» приобретает значение *абстрактно-общего*, а в

³ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. – Т. 42. – М.: Политиздат, 1974. – С. 41–174. – С. 67.

⁴ Михайлов Ф.Т. Философия образования: ее возможности и перспективы // Михайлов Ф.Т. Избранное. – М.: Индик, 2001. – С. 452–512. – С.500.

православном «кафолический» понимается *конкретно* (если категории «абстрактное» и «конкретное» брать по-гегелевски), как определенная *действительная конкретность*, как внутренний универсализм, где целое равно части и часть никак не меньше целого.

Согласно С.Л. Франку соборность является *органически неразрывным единством «я» и «ты»*, вырастающим из первичного единства «мы». «При этом не только отдельные члены соборного единства («я» и «ты» или «вы») неотделимы друг от друга, но в такой же неотделимой связи и внутренней взаимопронизанности находятся между собой само единство «мы» и расчлененная множественность входящих в него индивидов»⁵. Единство «мы» не противостоит здесь как внешнее, трансцендентное начало множественности, а имманентно присутствует в нем и изнутри ее объединяет. «А это значит: не только отдельный член единства, будучи неотделим от другого, тем самым неотделим от целого, не только “я” немислимо вне объемлющего его единства “мы”, но и наоборот: единство “мы” внутренне присутствует в каждом “я”, есть внутренняя основа его собственной жизни.<...> В отличие от внешнего общественного единства, где власть целого нормирует и ограничивает свободу отдельных членов и где единство осуществляется в форме внешнего порядка, разграничения компетенции, прав и обязанностей отдельных частей, единство соборности есть свободная жизнь, как бы духовный капитал, питающий и обогащающий жизнь его членов»⁶.

Для понимания оснований творчества принципиальное значение имеет мысль К. Маркса о том, что если животное тождественно своей жизнедеятельности, то человек отличает себя от своей жизнедеятельности и способен самое свою жизнедеятельность делать предметом воли и сознания⁷. Человек способен *стать в отношении к своей жизни*. Творчество же как таковое обусловлено именно этой человеческой способностью *делать для себя предметными* свое собственные *формы активности* тем самым изменять, *преобразовывать* их. Однако такое преобразование может происходить в различных «режимах». Инновации, проективность, *креативщина* – это такой режим пере-осуществление схем и форм активности, в котором субъект полностью обеспокоен реализацией исключительно **своей** (субъективной, партикулярной,

⁵ Михайлов (1999).

⁶ Франк С.Л. Духовные основы обществ. – <http://predanie.ru/frank-semen-lyudvigovich/book/128116-duhovnye-osnovy-obschestva/#toc9>

⁷ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: изд. 2-ое. – Т.42. – М.: Политиздат, 1974. – С. 41–174. – С.93.

корпоративной) цели и совершенно равнодушен к логике и онтологии целого. Именно здесь творчество и выступает в *превращенных* (извращенных, обеднённых, редуцированных, неистинных) *формах*.

Г.С. Батищев пишет: «Творчество начинается воистину по ту сторону всякого своемерия. Привнесение готового, априорного мерил в креативную атмосферу было бы недостойной грубостью, отзвуком низших уровней бытия»⁸. Творчество в своей истине есть *со-творчество*, равно как и человеческое *субъектное бытие* всегда по самой своей природе, имманентно, в самих глубинах своих *со-субъектно* (термин В.А. Лазуткина). В концепции «позднего» Г.С. Батищева «творчество» и со-творчество» относятся к универсалиям «глубинного общения», причем именно **со-творчество** раскрывает истинную природу как творчества, так и человеческого призвания в бытии. Творчество, согласно Г.С. Батищеву, является *свободным даром встречи*, даром межсубъектности, и связано оно со сдвигом порога распредмечиваемости, с расширением и углублением креативности за прежние пределы. Однако такой «сдвиг» гармоничен лишь при условии, когда субъект сам становится *достойным* его, когда «большее богатство ценностных адресатов оправдывает также и большие силы и способности у него, т.е. когда у него есть *чему и кому* посвятить свое творчество»⁹. Вот именно на таком уровне углубления становится ясно, что творчество в своей истине всегда есть со-творчество.

Следующая мысль Г.С. Батищева тоже весьма интересна. Русский философ полагает, что подобно тому, как нельзя понять *развитие* с позиции не-развития, как нельзя понять *становление* с точки зрения ставшего бытия, точно так жеи еще гораздо более серьезной степени верно то, что «творчество может вступить в адекватную ему самому *встречу* лишь с родственным ему бытием, а поэтому раскрыться постижению *исключительно и только для ТОЖЕ творчества*»¹⁰. Необходима внутренняя *со-причастность* творчеств, их сущностная *взаимность*, их бытие ради друг друга, их *посвященность* и *адресованность* друг другу¹¹. Поэтому истинное творчество есть «в каждом дыхании его – со-творчество, постоянно озабоченное тем, чтобы быть всегда сгармонизированным со все дальше простирающимися смысловыми ориентирами его деяния: и чтобы вновь и вновь начинать свое деяние не со своего мерил, но с более истинного, более богатого, более мудрого: чтобы судить не со своей,

⁸ Батищев Г.С. Диалектика общения. – <http://mixdreams.com/ru/library/batishev-relation.html>

⁹ Там же.

¹⁰ Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. – СПб.: РХГИ, 1997. – 460 с. – С. 113.

¹¹ Там же. С.115.

якобы единственно возможной, вершинной точки зрения ни не своим “закрытым” судом, но непрестанно видеть и судить себя глазами других; чтобы высоко и бережно нести свою все возрастающую ответственность перед всей беспредельной объективной диалектикой. И самому быть не кем иным, как живым Ответом ей»¹². Диалектика со-творчества именно такова, что глубины и богатства неисчерпаемого бытия даются только навстречу бескорыстному отношению, «парадигмально непредвзятому исканию и вопрошанию». Значит, человеку в такой ситуации очень важно не просто ощущать и осознавать себя творящим, но и очень остро и сознательно переживать себя как наследника универсального бытия («беспредельной объективной диалектики»), в том числе – наследником опыта рода человеческого, наследником всех поколений людей. И лишь тогда достижимо «единение человека с человечеством как претворение глубочайшей со-причастности судьбы каждого судьбе всех и зависимость судьбы всех от судьбы каждого»¹³.

Любое творчество «в себе» есть со-творчество, ибо в его основании непременно лежит именно *соборность (подлинная общественность)*.

Момент со-творчества редко проступает наружу, он эмпирически почти не виден, а посему имеет *трансцендентальную* природу. Здесь вполне уместно вспомнить слова К. Маркса: «Общественная деятельность и общественное пользование существуют отнюдь не только в форме непосредственно коллективной деятельности и непосредственно коллективного пользования <...>. Но даже и тогда, когда я занимаюсь научной и т.п. деятельностью, – деятельностью, которую я только в редких случаях могу осуществлять в непосредственном общении с другими, – даже и тогда я занят общественной деятельностью, потому что я действую как человек. Мне не только дан, в качестве общественного продукта, материал для моей деятельности – даже и сам язык, на котором работает мыслитель, – но и мое собственное бытие есть общественная деятельность; а потому и то, что я делаю из моей особы, я делаю из себя для общества, сознавая себя как общественное существо»¹⁴. Как известно, *трансцендентальное* противоположно эмпирическому, а трансцендентное – имманентному (по Канту). Трансцендентальное воистину имманентно человеку. У Канта под именем «*трансцендентального субъекта*» скрывается родовая, всеобщая,

¹² Батищев. Диалектика общения.

¹³ Там же.

¹⁴ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С. 118.

общественная сущность человека. Именно такое трансцендентальное основание делает творчество возможным.

Таким образом, творчество лежит в самом основании человеческого бытия и предстает *всеобщим* способом собственно человеческого бытия. Человек обречен на творчество – если его лишить возможности творить, то он будет *вытворять*, как равным образом человек обречен на свободу, обречен на развитие (ведь деградация является также формой развития, его «своим иным», точнее – «своим чужим», но – своим). На что только человек не обречен – и на смерть также. Вот только *быть человеком* он не обречен. Человеку человеком нужно *становиться*, и весьма часто он так и не становится им (т.е. личностью как высшей нормальной формой осознанного способа существования и осуществления универсальной субстанции), – не становится, если останавливается в своем самостановлении, затормозит в тупой гордыне – «я уже человек!».

Обычно творчеству как *продуктивному* процессу противопоставляют простую *репродукцию*, деятельность по схеме, шаблону, алгоритму. Действительно, историческое разделение труда обрекает большинство людей именно на такую – *использующее-приспособительную* – деятельность, противоречащую человеческой природе. Но ведь подобные функции неизмеримо лучше, быстрее и точнее человека выполняет всевозможная техника. Однако настоящему творчеству противостоит и другое – его весьма распространенный (и ныне очень уважаемый и *высокооплачиваемый*) *симулякр*: инноватика, креативизм, связанный с экспансией *проективного мышления*, рассудка. В.П. Зинченко назвал проектирование еще одним СПИДом XX века. Погоня за новизной, поклонения новизне – продукт современной *буржуазной* цивилизации. Мих. Лифшиц писал: «Новизна становится главной ценностью, а столкновение нового с устаревшим стандартом быта – формальной схемой жизни»¹⁵. Логика отрицания старого становится «логикой дьявола»¹⁶ вместо того, чтобы служить ступенькой к более высоким формам человеческой жизни. Всё это так или иначе является «бредом тёмного обывательского сознания, охваченного манией разрушения во имя нового»¹⁷. И в таком пункте невозможно не согласиться с Мих Лифшицем: «Но почему, собственно, необходимо сказать обязательно *новое* слово? Мало ли всяких бедствий вышло из неистового новаторства былых времен, например в агробиологии? Как не вспомнить здесь Щедрина: “Боже мой!

¹⁵ Лифшиц Мих. Почему я не модернист? Философия. Эстетика. Художественная критика. – М.: Искусство–XXI век, 2009. – 606 с. – С.105-106.

¹⁶ Там же. С.306.

¹⁷ Там же. С.68.

Сколько же есть прекрасных и вполне испытанных старых слов, которые мы не пытались даже произнести, как уже хвастливо выступаем вперед с чем-то новым, которое, однако, и не можем даже определить»¹⁸. На вопрос «Что такое творчество?» обывательское сознание сразу же отвечает: «Созидание чего-то *нового, ранее не бывало*». Блестяще, буквально наотмашь сказано Мих. Лифшицем: «Неопатия, погоня за новым – это болезнь современного обывателя, всегда способная сделать его предметом любых расчетов»¹⁹. Критику погони за новизной можно встретить и у Хайдеггера: «Когда истина превращается в достоверность знания обустроивающего и обеспечивающего себя человечества, начинается та история, которая в историческом исчислении веков называется *Новым временем*. Это словосочетание означает больше того, что обычно под ним подразумевают. Оно говорит о том существенном, что отличает эту эпоху. Поскольку истина, в которой пребывает человечество, требует обеспечения безусловного господства человека, такая ее сущность ввергает человека и его действие в неизбежную и непрестанную заботу о том, чтобы, непрестанно добиваясь **новых** успехов и совершая **новые открытия**, постоянно достигая чего-то **самого нового**, осуществляя все **новые завоевания**, шествуя от одного **небывало** к другому в своих переживаниях, он мог повышать возможности своего обеспечения и затем снова использовать их в борьбе со вновь возникшими угрозами (выделено жирным курсивом мной – В.В.)»²⁰. На одной из конференций долго спорили вокруг определения того, что есть «инновация». Одна дама в конце-концов не выдержала и заявила: «Инновации – это то, за что сейчас платят». Сказано откровенно и совершенно точно...

Таким образом, *креативщина, инноватика* в условиях современной буржуазной по духу и целям цивилизации – это творчество в режиме «псевдо», **паразитирование на творчестве**, разрыв необходимейших *связей* человека с человеком (и с самим собой, со своей собственной глубиной), и в то же время – сплошная эксплуатация этих связей, *пользовани*е их изумительной энергетикой и мощью ради корыстного, частного, ограниченного и ограничивающего. Инноватика предстаёт простым *использовани*е *энергетики со-творчества* ради совершенно внешних и частичных целей.

¹⁸ Лифшиц Мих. А мире эстетики. – М.: Изобраз искусство, 1985. – 320 с. – С.115.

¹⁹ Лифшиц Мих. Почему я не модернист? С.68.

²⁰ Хайдеггер М. Ницше [пер. с нем. А.П. Шурбелев]. Том II / М. Хайдеггер. – СПб. : Владимир Даль, 2007. – 457 с. – С.373.

1.5. Творческий потенциал личности и коммуникативно-диалоговые стратегии в формировании и идентификации поэтических образов и картин

В.А. Максимович

Творческий потенциал личности, несомненно, можно отнести к особому социальному феномену, главные характеристики которого напрямую сопряжены с активно преобразующим отношением к миру, с готовностью творить духовное пространство своего бытия, генерировать нестандартные идеи и подходы к решению задач, требующих особой внутренней сконцентрированности и сосредоточенности. Совершенно понятно, что формирование внутренних духовно-творческих интенций и качеств не происходит самопроизвольно, хаотично. Творчески-интеллектуальная составляющая предполагает наличие определенных мировоззренческих и духовно-нравственных доминант (в том числе генетически, психологически заданных параметров), которые получают свое развитие, самосовершенствуются в ходе индивидуального и исторического становления, духовного роста, в процессе социальной коммуникации, неразрывно связанной с усвоением духовных атрибутов предшествующих поколений и актуальной современности. В процессе духовного становления человек овладевает миром культуры, при этом социальное окружение выступает необходимым условием и предпосылкой структурирования определенного культурного континуума.

Благодаря целеполаганию человека мыслящего, креативно-творческого и формируется истинное содержание культуры. Интеллектуалы, внутренне мотивированные на совершенствование условий существования, имеют дело не с усредненностью коллективного труда, а, прежде всего, с единичными и уникальными явлениями культурогенеза. В данном случае разговор идет не только о степени и уровне социально усвоенных (и присвоенных) общественных норм, канонов, стандартов, традиций, которые отнесены в разряд системоцентрирующих, а о необходимом обновлении их качественных характеристик, более того, формировании принципиально новых явлений, структур, отдельных артефактов с содержательно и качественно новыми характеристиками. Строго говоря, творчество как реализация интеллектуального и духовно-нравственного потенциала самым непосредственным образом связана с созиданием, с творением, с возможностью выхода в новое социокультурное, ценностно-

духовное измерение. Причем творчество в этот смысле понимается как особого типа деятельная активность, обусловленная внутренним интеллектуальным потенциалом пассионарного типа личности, движимого собственной природой и субстанциальной сущностью, заложенной в его генезис в качестве феномена особой – культуротворческой – действительности. Иными словами, оно, творчество, является не только условием и, одновременно, промежуточным результатом антропокультурогенеза, но и достаточно продуктивной формой обнаружения, раскрытия генетически продуцированных предрасположенностей, способностей, таланта. В этой связи процесс интериоризации, усвоения социокультурных моделей, образцов предполагает, как его закономерный и потенциально возможный результат, и изменение или приращение ценностно-смысловых рядов и семантических полей культуры. Это представляется возможным в случае не механистического, на уровне подсознательных рефлексий и восприятий, а достаточно рационального, критического осмысления базового тезауруса культуры и вступления с ним во взаимообогащающий диалог, представляющий собой одну из форм саморазвития культуры.

Особую значимость в этой связи приобретают собственно «продукты» художественного творчества, культурные артефакты, характеризующиеся особой смыслопораждающей и семантико-смысловой наполненностью, ведущей к созданию принципиально новых, в границах устоявшегося историко-культурного тезауруса, значений и ценностей. При этом, что важно отметить, не происходит размывания базисных, аутентичных смысловых структур, форм, матриц национального семиозиса. Та же потенциально возможная интериоризация суперстратных культурных доминант несколько не свидетельствует о полном вхождении субстратной культуры (традиции) в ценностно-смысловое поле близкородственных или иных каузуальных пограничных культур, не подчеркивает их маргинальный, второстепенный характер. Процесс обживания инокультурного контекста, как правило, происходит в большей мере по принципу взаимодополнения, взаимообогащения посредством постановки и решения насущных проблем общественного и культурно-исторического развития. Именно внутренняя диалогичность, как ее понимал М. Бахтин, становится предпосылкой обогащения и развития единого культурно-исторического интер- (гипер-) текста, что является важнейшей составляющей и феноменологии, и социодинамики культур.

Все отмеченное выше имеет отношение и к процессу создания поэтического образа, природа которого принадлежит к наиболее сложным вопросам поэтики, до конца не разрешенным проблемам эстетики вообще. Образ прежде всего предстает как художественная форма воплощения определенного события, процесса, явления, значимых для созидающего (творящего) сознания. Автор, в данном случае поэт, переводит изображаемый им предмет или событие из внешнего мира во внутренний, или, наоборот, «опредмечивает», «овеществляет» перипетии внутренней жизни, придавая условно-метафорический, типизирующий характер личностно переживаемому. Сказанное необходимо дополнить указанием, что образы поэзии воспринимаются и трактуются не только с учетом их условно-метафорического наполнения, но и эмоционального «тона», ритмической и звуковой окраски, иных лингвистических и экстралингвистических факторов. Как правило, образ закреплен в некоторой словесной «картинке», обладающей способностью к визуализации при восприятии. В образе зафиксирован эмоциональный, чувственный и интеллектуальный облик значимых для автора событий (реальных или воображаемых). В определенном смысле образ уподобляется понятию как словесному представлению о явлении, т.к. для субъекта оперирование чувственными образами сопряжено с мыслительной процедурой, которая обретает новое качество на понятийном уровне. Механизм создания образа многомерен, но и в известном смысле статичен, инвариантен, так как смена словесных диспозиций может привести к разрушению поэтического образа.

Посредством предметно-образных смысловых словоформ, характеризующихся определенной степенью выраженности эмоциогенных маркеров, представленных в поэтическом языке, в стилистике, ритмике и строфике, художник создает свою версию образа мира, выражает собственное отношение к действительности. Обнаруженное в тексте присутствие условного плана, символических диспозиций является сигналом, который обеспечивает продвижение субъекта интерпретации от объективной реальности (текстовых первичных номинаций) к субъективной (подтексту) и дальнейшему выходу на содержательно-концептуальное извлечение внутренне запотенцированных смыслов. Иными словами, рецептивное постижение заложенных в глубинной структуре текста идей и смыслов напрямую зависит от степени и уровня представленности (оригинальности) интерпретационных стратегий. В данном случае мы становимся свидетелями процесса расширения авторской культуросозидательной стратегии: одна ее часть связана с

чувственно-эмоциональной сингулярностью (эмоциональное переживание, реакция на внешние раздражители, душевное возбуждение, состояние души), а другая – с когнитивно-смысловыми мотивационными структурами, которые сигнализируют о рациональной заданности художественных картин и образов как средоточия субъективно-оценочного отношения к миру, итога художественной рационализации собственного самосознания. Художественная субъективация в данном случае представляет собой удвоенный процесс декодирования, связанный как с раскрытием внутренней эмоциональной реакции на отображаемое, так и с выражением своего рационально-логического отношения к нему, своей оценки моделируемого художественного континуума. В текстах, где доминирующим представляется субъект-субъектный нарратив, в большей степени открывается возможность для разговора о специфике процесса организации самосознания автора, особенностях его мировоззрения и стратегии авторского преломления аксиологического, экзистенциального, миропознавательного компонента в смысловой структуре представленного дискурса.

С учетом вышесказанного следует, что творчество представляет весьма сложный процесс, возникающий на основе взаимодействия чувственно-эмоционального восприятия и логико-дискурсивного мышления, вбирает в себя разнообразные влияния и предполагающий, как его следствие, создание артефакта, характеризующегося образно-смысловой выразительностью, эстетической завершенностью с учетом тесной коррелирующей связи со смысловым контекстом культуры. В противном случае речь может идти о десемантизации вновь создаваемых культурных артефактов, имеющих весьма условную связь с актуальными культурными концептами вследствие редукции, ослабления культурной памяти, частичной утраты семиотических значений языка. К сожалению, все более очевидным становятся тот факт, что «культурный концепт начинает частично или полностью терять свое значение. происходит «демонтаж» ассоциативных связей культурного концепта, утрата его функционально-эстетического потенциала»¹. Кстати сказать, это взаимообусловленный процесс: обеднение, упрощение, сужение смыслодержательных значений языка напрямую влияет на образную палитру художественного произведения, которое, в свою очередь, перестает быть источником пополнения, обогащения языка.

¹ Дичковская Е.А. Десемантизация как базовый концепт эволюции культурных процессов // Вести Института современных знаний. – 2018. – С. 85-91. – С. 89.

Творческая личность перманентно находится в поле действия некоторого смыслового проблемного поля, которое вызывает определенно окрашенные рефлексии, настраивает на определенную культуросозидающую волну. По большому счету, творчество – экзистенциально-чувственная самопроекция художественно одаренной личности, способной к перманентному расширению, обогащению своего познавательного, эвристического горизонта, придавая ему новые смысловые коннотации. Любые движущие творческим субъектом побуждения нравственного, этического, эстетического плана заставляют его переплавлять их в горниле собственного мировидения, выявлять свое отношение к ним. Но это не значит, что автор обязан найти и продекларировать единственно верную, правильную мотивацию, дать исчерпывающий ответ на возникающую художественную коллизию. Отнюдь нет. Прямое декларирование, дидактика категорически противопоказаны. Как правило, во внутреннем монодиалоге, в невидимом вопрошании естественным образом трансформируется смысловое поле обыденных представлений, восприятий, ощущений, – более того, ставится под сомнение их «онтологический» характер, константная заданность.

Раскрытие внутренних задатков личности, имеющих явно выраженную творческую доминанту, напрямую связано с обнаружением и использованием нестандартности и нетривиальности самого способа мышления, восприятия, смыслообразования, выбивающихся из системы типичных культурных стереотипов. Вот почему отличительной чертой творческой интеллектуальной элиты является ее «инокомыслящее пограничье», стремление к созданию поля вариативных возможностей. Рожденные в зоне обозначенного пограничья «инновации способны более или менее радикально изменить облик актуальной культуры, а вслед за тем и актуальность социума, способствовать их прогрессивному развитию (созданию новых ценностей и отношений, обогащению социокультурных форм и наполнению их новыми смыслами и значениями)»². Творчество открывает потенциальную возможность превращения общепринятого в проблемное, эксклюзивное, исключительное, рассмотренное под нестандартным, нетривиальным углом зрения. В творчестве как ни в одном из видов общественной практики субъект получает возможность проблематизировать отношение к реалиям природного и общественного плана, к себе самому. В процессе

² Кондаков И.В. Интерсубъективность культуры Человек как субъект культуры. – М.: Наука, 2002. – С.152 – 178. – С.164.

художественного переформатирования, реструктурирования устоявшегося, обыденного рождаются новые смыслы, обладающие эстетической ценностью и жизненной актуальностью. Это касается, по большому счету, и всей сферы деятельности, связанной с культуротворчеством. В этой связи Б.Л. Губман подчеркивает, имея в виду специфику культуротворческих составляющих: «Проблематизируется не только сфера сущего, но и ценностно-значимого, должного. Культурное творчество сопряжено с переоценкой ценностей, нормативов должного. Созидающий культуру субъект ставит под вопрос ценности и нормы своего бытия в природном окружении и социальной системе. Те ценности и рациональные стандарты, что превалируют в экономической, социальной и политической сферах, становятся предметом переоценки наравне с религиозными, нравственными и художественными ориентирами его жизнедеятельности. Саморефлексия делает проблемой любые виды инструментального отношения к миру, предлагающие воздействие на него, вопрошает о фундаментальных устремлениях практического разума, эстетических и художественных перспективах раскрытия возможностей субъекта»³.

Преобразующая направленность культуротворчества напрямую связана с его коммуникативно-диалоговой природой, с перманентным извлечением новых смыслов, с выдвижением вопросов, требующих ответов. В своей работе «Эстетика словесного творчества» М.М. Бахтин в этой связи сделал ряд наблюдений. В частности, исследователь утверждал: «Смысл потенциально бесконечен, но актуализироваться он может, лишь соприкоснувшись с другим (чужим) смыслом, хотя бы с вопросом во внутренней речи понимающего. Каждый раз он должен соприкоснуться с другим смыслом, чтобы раскрыть новые моменты своей бесконечности (как и слово раскрывает свои значения только в контексте). Актуальный смысл принадлежит не одному (одинокому) смыслу, а только двум встретившимся и соприкоснувшимся смыслам»⁴. В диалоге с другими и с самим собой проясняется собственная позиция, более контрастно обнаруживают себя глубинные ценностно-мировоззренческие основания, которые содержат в себе некоторую невидимую, сокровенную часть присутствия самого творца в окружающем мире. Красноречивым подтверждением тому могут служить слова упомянутого выше М. Бахтина: «Само бытие человека (и внешнее и внутреннее) есть

³ Губман Б.Л. Современная философия культуры. – М.: РОССПЭН, 2005. – 536 с. – С.306.

⁴ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 423 с. – С.350.

глубочайшее общение. Быть – значит общаться... Быть – значит быть для другого и через него – для себя. У человека нет внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит в глаза другому и глазами другого... *Жить – значит участвовать в диалоге*: вопрошать, внимать, ответственность, соглашаться и т.п.»⁵. Исходным для исследователя является убеждение в том, что личностное бытие человека раскрывается лишь в диалогических отношениях – «только в общении, во взаимодействии человека с человеком раскрывается и “человек в человеке”, как для других, так и для себя самого»⁶. По утверждению П. Горохова, «диалог для М. Бахтина является подлинным “событием бытия” и выступает как изначально-фундаментальная экзистенциально-онтологическая категория»⁷.

«Диалогичность как отличительная черта культурного творчества побуждает к поиску способа решения проблем, который был бы взаимоприемлемым для партнеров по коммуникации, обнаруживая не только расхождение, но и “стыковые точки” их подходов»⁸. Присутствие другого создает эффект перманентного продуцирования, расширения смыслового дискурса. В этом заключается потенциальная интертекстуальная воспроизводимость, живучесть художественного дискурса, служащего необходимым условием постоянного смыслового обогащения культурной реальности, ее наполнения новым содержанием экзистенциального опыта.

Свою неоспоримую действенность межличностная коммуникация проявляет в художественном творчестве, природа которого подразумевает, прежде всего, внутреннее, «сердечное» осмысление процесса коммуникации, пропускание его через себя, конструирование образа и смыслообраза посредством рефлексии, сопереживания, вчувствования. По мнению исследователей, культурное творчество немислимо «без самопревосхождения субъекта, стимулируемого коммуникацией с другими и импульсом, исходящим из жизненного мира. Именно жизненный мир является полем тематизации теоретического и практического разума, эстетической способности субъекта, из него черпается исходный материал для созидания культуры. В рационализации жизненного мира заложено основание культурного многообразия»⁹. Категория

⁵ Там же. С. 285, С. 312.

⁶ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Советская Россия, 1979. – 320 с. С.294.

⁷ Горохов П.А. Социально-фантастическая проблематика прозы А.Н. Толстого. – <https://cyberleninka.ru/article/v/sotsialno-filosofskaya-problematika-fantasticheskoy-prozy-a-n-tolstogo>.

⁸ Губман Б.Л. Современная философия культуры. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. – 536 с. – С.307-308.

⁹ Губман. Современная философия культуры. С.308.

«жизненный мир», которая была введена в философский оборот в ее сегодняшним наполнении основоположником феноменологии Э.Гуссерлем, утвердилась в качестве основополагающей для характеристики процессов, реалий, действий, с которыми постоянно сталкиваются люди, принадлежащие к определенной культурной общности, в своей повседневной жизни. Жизненный мир, по убеждению исследователя, обладает уникальными свойствами и наполнен для каждого соучаствующего в нем знакомыми вещами и людьми. Руководствуясь ценностно-нормативными представлениями, заключенными в том числе и в знаково-символических формах культуры, представители одного культурного мегаполиса постигают жизненный мир как нечто непреложное, органичное, повсеместно сопровождающее их и формирующее их константную ментальную устойчивость. Структура жизненного мира, как отмечает Ю. Хабермас, полагает формы возможного intersubjectивного взаимопонимания. Бытие культуры напрямую зависит от органичного усвоения окружающего (жизненного) мира, творческого отношения к многоликим и пестрым его проявлениям. Культура как багаж знания, опыта, обеспечивающих коммуникацию, невозможна без своеобразной «подпитки» со стороны постоянно возобновляемого, рационализируемого жизненного мира, выступающего в качестве неисчерпаемого источника творчества. Жизненный мир трактуется немецким исследователем как своеобразный резервуар, пополняющий и поддерживающий продуктивные возможности культуры и благодаря своей знаково-символической универсальности способствующий конвенциональному истолкованию многообразных явлений природного и социального плана¹⁰.

Жизненный мир, таким образом, имеет пространственно-временное измерение, обретая реальные формы воплощения. «Растворяясь в нем, продукты культуросозидающей деятельности субъекта становятся достоянием всех живущих в данном сообществе и получают понятное всем смысловое наполнение. Силуэт храма, скульптура, ставшая неотъемлемой частью городского ландшафта, сад, выращенный сообразно со стилистикой определенной традиции, хрестоматийный литературный образ, известный любому, наполняют жизненный мир, сливаясь воедино и создавая привычный фон деятельности человека»¹¹. Именно в границах жизненного мира становится возможной художественная

¹⁰ См.: Habermas Y. Theorie des kommunikativen Handel. – Frankfurt am M., 1988. – В. 2, В. 107.

¹¹ Губман Б.Л. Современная философия культуры. – С.311.

реставрация той ситуации, когда человек обретает способность ощутить свое собственное бытие и бытие других людей, свою причастность к их бытию и радость от осознания этой причастности.

Благодаря субъективированию и субъективности акта коммуникации, который выходит за рамки простого речевого диалогизирования, а также художественному постижению жизненного мира появляется возможность, на что уже обращалось внимание, не только для коннотативного приращения смысла, но и для его субъектного расширения и контекстуального изменения. Именно творческая интенция, эксклюзивное восприятие предметов, слов, действий, установка на извлечение нестандартного, нетривиального смысла из любой коммуникативной ситуации, широта собственного внутреннего диапазона обогащает художественный замысел, ведет к уникальной образной перекодировке (овнутрению) смысла предметно-визуализированных картин и образов. В случае усвоения, признания, одобрения субъектами, принадлежащими к данной культуре, они становятся интегральной частью объединяющего символического универсума, воспринимаются в качестве способа мирозидения, напрямую влияя на формирование смыслового контекста их собственного жизненного мира.

Возможность дискурсивного декодирования возникает в процессе коммуникации посредством установления универсальной связности, смыслового коррелирования наличных интерпретационных практик при условии консолидации всех поливариантных прочтений, понимания собственно механизма смыслотворчества. Трансубъектный характер функционирования дискурса становится основополагающим моментом для декодирования заключенного в дискурсе смысла (смыслов). Наличие разнообразных смыслопораждающих проекций и отношений позволяет расширить проблемное смысловое поле представленного дискурса и открывает путь к многочисленным интерпретациям его контекстуальной, внутритекстовой матрицы, к выявлению парадигмальной иерархии художественных смыслов. «Дискурсивная практика требует многократного прочтения/письма и каждое повторное знакомство с внутренней сущностью и наличной структурой расценивается только лишь как ценностный опыт-эмоция с приращением к текстовому массиву, к смысловому полю, к акту со-творчества. <...> Смысл, таким образом, складывается из максимального разнообразия конфигураций текстовых фрагментов, их саморегулирования. Диалог текстов

создает “ситуацию семантического интердискурса”, наполненного комбинаторной возможностью языка. При такой постановке проблемы подчеркивается амбивалентность текста, в котором повествующий выполняет важную роль – становится создателем полифункциональной модели. В то же время текст, являясь промежуточной стадией дискурса, видится уже не как объективная данность, а как трансвербальная инстанция»¹². Благодаря художественному дискурсу открывается возможность формирования многомерной смысловой парадигмы, расширения континуальной смысло-сферы. И в этом случае дискурс воспринимается как «процесс создания текста и одновременно с этим формирования перспективного поля смыслов, условных и уловимых формул, по которым требуется воспроизводить инвариантную структуру»¹³. Взаимопроникновение различных дискурсов и дискурсивных практик воплощает идею интердискурсивности, «которая является и признаком, и движущей силой культурного изменения»¹⁴.

Возможность продуцирования определенного спектра смыслов становится возможным благодаря тому, что в художественном дискурсе, как правило, воспроизведен особый мир, представленный в заведомо многомерном, многоуровневом, полифункциональном воплощении. Образы и картины, характеризующиеся вербальной условностью, метафоричностью, являют некоторую смысловую целостность, завершенность, континуальность и, вместе с тем, открытую концептуальную форму, способную к художественно-дискурсивному обогащению семиотического континуума. Экзистенциальная ситуация, вербально развернутая в них, может быть спровоцирована самыми различными обстоятельствами, имеющими особую природу и причинную обусловленность. Но при всем при том, как думается, исключен разговор о тотальной множественности смыслов, значений, ценностей, имеющих самую различную, включая противоположную, гносеологическую и аксиологическую направленность, так как при этом могут теряться смысловые константы, гуманистические основания и витуалистские перспективы, способствующие укреплению личностной самоидентификации, самоидентификации. В любом случае пульсация смыслового наполнения дискурса должна быть напрямую соотнесена с миром, созданным творческой фантазией

¹² Безруков А.Н. Язык художественной литературы: метасемный статус художественного дискурса // *Lingua mobilis*. Научный журнал. – 2015. – №2 33). – С.11.

¹³ Там же.

¹⁴ Йоргенсан М., Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2004. – 336 с. – С.214.

его автора и отвечать, по возможности, устоявшимся сценариям жизнедеятельности, а культурно-художественные рефлексии – коррелировать с национальными образцами художественной традиции, которая воспринимается большинством не только в качестве ментально устойчивой, но и обладающей статусом подлинности и особой ценности.

От того, как именно протекают процессы коммуникации, как реализуется право человека на творчество, в том числе духовное творение, в немаловажной степени влияет на формирование ценностей поведенческого плана, на гуманистические установки, на личностный и общественный статус субъекта. И более того, эти процессы необходимо рассматривать во взаимосвязи. Именно в нашем глобально-сетевом обществе творчество и коммуникация – это две стороны одной медали. Сам процесс со-общения, сотрудничества, созидания во все времена имел и имеет неоспоримое значение для налаживания межличностного и межкультурного диалога, выступающего в качестве базовой структурообразующей составляющей социокультурной сферы, действенного инструмента влияния на все сферы социокультурной деятельности, основополагающего субстрата формирования культурной матрицы цивилизационного развития. В эпоху перманентной нестабильности и транзитивности именно коммуникативно-творческие интенции отражают и фиксируют наиболее существенные связи и отношения в культурной реальности. Идентификационный фактор тоже во многом зависит от характера и состава культурной среды – своеобразной институционально-организационной сферы и важного мотивационного стимула национально-культурного позиционирования и самоопределения субъекта. При этом коммуникативная компетентность и коммуникативный опыт субъектов информации представляет собой важную сферу влияния на сознание человека, на мотивацию его действий и поступков, помыслов и желаний. В ситуации смены мировоззренческих оснований, девальвации традиционных ценностных ориентиров идентификационный фактор и культурная среда во многом определяют механизм трансляции и социализации социокультурного опыта, обладают мощным рекреационным потенциалом, позволяющим толерантно относиться к культурным универсалиям человечества, к культуросозидающему началу. Не случайно уже в самом начале XX в. К. Ясперс сделал коммуникацию одним из ключевых понятий своей философской системы: «Мы являемся тем, что мы являемся, только благодаря общности взаимного сознательного понимания. Не может существовать

человек сам по себе, просто как отдельный индивид... Всё то, что есть человек и что есть для человека... достигается в коммуникации», более того, «коммуникация в сфере духа есть создание из общественной субстанции идеи целого...», а разум, связь всех модусов, «требует беспредельной коммуникации, он сам – тотальная воля к коммуникации»¹⁵. Известный американский философ Дж. Дьюи утверждал, что «люди живут в сообществе благодаря тому общему, что есть между ними, а общение – тот способ, благодаря которому они обретают это общее»¹⁶.

Коммуникацию в сфере духовных практик можно отнести к наиболее значимым стимулирующим механизмам художественного творчества. Нет сомнения в том, что потенциальные творцы (креаторы), созидатели, обладающие творческими задатками, способны состояться как личности только в коммуникативном пространстве, полагаясь на базисные, онтологические основания культуры, перенимая опыт предшественников и генерируя новые креативно-коммуникативные стратегии. Прежде всего с творчески мотивированной личностью как носителем живой активности и субъектом осознанной деятельности связана перманентно воссоздаваемая сущность культуротворчества, позволяющего ему реализовывать свой внутренний потенциал и способствующего полноценному выражению внутреннего самоощущения и самопознания. Благодаря своей коммуникативной природе (способности передавать духовный аспект жизненного опыта) художественное творчество приобретают качество одного из важнейших инструментов постижения мира, становится предпосылкой успешной социализации субъекта в рамках конкретной культуры. Это в очередной раз подчеркивает идею пассионарного (в понимании Л. Гумилева) начала творческого акта, что напрямую связано с пониманием личности как субъекта культуры, имманентно осваивающего, расширяющего и преобразовывающего духовно-творческим актом границы культурного созидающего пространства по законам гармонии и красоты. Художник руководствуется желанием нарисовать эстетически совершенную и, по преимуществу, будоражащую чувства картину (образ, систему образов), способную вызвать сопереживание, внутреннее соучастие и дать возможность получить то же эстетическое, в первую очередь, удовлетворение от прочитанного, суггестивно воздействуя на реципиента. Именно в

¹⁵ Ясперс К. Смысл и назначение истории: разум и коммуникация : пер. с нем. – М. : Политиздат, 1991. – 543с. – С.441-442.

¹⁶ Дьюи Дж. Демократия и образование. – М. : Педагогика-пресс, 2000. – 362 с. – С.165.

зоне красоты, прекрасного, гармоничного рождается ощущение полноты бытия, всплеск мгновений необычайного внутренней эйфории, окрылённости чутко настроенных струн души, потаенных чувств. В такие моменты так важно обнаруживать присутствие вечности в мгновениях бытия, во временном потоке жизни, осознавать свою сопричастность с миром. Упоительное переживание полноты и значимости бытия, непреходящей новизны и ценности каждого момента, вдохновляющее слияние с Целым, сакральное переживание момента Абсолютности, открытие самодостаточности того мгновения, в которое погружён человек, по убеждению В.Ф. Мартынова, и есть момент эманации истинной красоты. «Чем глубже индивид способен осознать значимость явленного, абсолютность мгновения, тем ближе он к красоте, добру, творческому отношению к жизни. Ибо приобщение к красоте есть ни что иное, как максимальное расширение локального сознания и формирование в личности всеохватывающего менталитета, прораствание в ограниченном существе космической одухотворённости, делающего каждого гражданином не только своего государства, но и Мироздания. <...> И в этом смысле красота – это гармоническое воплощение уникальных проявлений всеобщей одухотворённости. Без глубокого осознания Вселенской всечувствительности бытия невозможно постигнуть сущность прекрасного как феномена свечения этой всепроникающей одушевлённой энергии, наиболее ярко и полно преломляющейся в человеке»¹⁷, – констатирует автор. Если отталкиваться от признания целостности объективного мира, единства Вселенной и человека, лежащего в основе философии космизма, то собственно становление духовного мира активно и творчески ангажированного субъекта следует признать центральным звеном всего процесса раскрытия и постижения сущности бытия.

Таким образом, творческий потенциал личности и коммуникативно-диалоговые стратегии в формировании и идентификации поэтических и шире – художественных образов и картин является важным основанием бытия культуры и культуротворчества. Значимые артефакты художественного творчества, органически вписанные в ткань культуры, придают ей неповторимый облик, своеобразие, особую знаково-символическую ауру, тем самым способствуя созданию символического универсума. Они транстемпоральны, интерсубъективны, семантически многомерны, т.к. могут обрести иное измерение в процессе творческого синтеза с учетом

¹⁷ Мартынов В.Ф. Философия Красоты. – Минск : Тетрасистемс, 1999. – 336 с. – С.80.

исторической традиции и новых транскультурных реалий. Все это свидетельствует об открытости культур и литератур, их причастности к единому цивилизационному пространству, что способствует их взаимообогащению, направляет на путь универсализации через приобщение ко всему богатству общечеловеческой культуры.

1.6. Проблема перспективного развития человека в процессе музыкальной деятельности

М.Д. Мужчиль

Современный человек находится под массивным воздействием того, что называют эстрадой, шоу-бизнесом, популярной, легкой, массовой музыкой. Каждое из данных понятий акцентирует разные характеристики, грани одного и того же феномена.

В контексте данной статьи нас интересует обозначение этого феномена как массовой музыки. В понятии массовой музыки зафиксирован объектный статус человека, на которого направлены музыкальные воздействия. Специфика массовой музыки состоит в том, что это музыка, не творимая массами, а предлагаемая им, изготовленная для них. Как пишет Х. Ортега-и-Гассет, человек массы – это человек, не способный к творчеству, тот, «кто не ощущает в себе никакого особого дара или отличия от всех, хорошего или дурного, кто чувствует, что он – «точь-в-точь, как все остальные», и притом несколько этим не огорчен, наоборот, счастлив чувствовать себя таким же, как все»; «кто снисходителен к себе, доволен собой, кто живет без усилий, не стараясь себя исправить и улучшить, кто плывет по течению»¹.

Главная функция массовой музыки – отключение от серых будней реальности, но чтобы попасть в этот праздничный мир не требуется ни подготовки, ни каких-либо душевных усилий, потому что обращена она к низшим, готовым, сформированным природой содержаниям человеческого существа, к физиологическому уровню его проявлений.

И если собственно человеческая реальность у всех людей разная, поскольку формирование ее пространства находится в зависимости от пути, пройденного индивидом совместно с другими людьми, – и в этом корень отличия различных музыкальных культур, – то

¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. – 1989. – № 3. – С.119-154. – С. 121.

биологическая, физиологическая основа едина. И поэтому массовая музыка, базирующаяся на физиологической основе, является областью унифицированных, шаблонных, стереотипных реакций. Как справедливо замечает Дж. Михайлов: «Массовая культура, вне зависимости от места, где ее производят, является индустрией стандартов выражения и болванок эмоциональных моделей. Не обладая подлинной этической ценностью, она разрушает традицию, принося взамен шаблон и стандартизацию эмоционального строя»².

Массовая музыка является своеобразным зеркалом современного индивида, в силу отрыва от других людей и самозамыкания на собственной самости превращающегося в существо, лишенное своего лица, собственной индивидуальности, человека-толпу, человека-массу. По существу она является свидетельством человеческой деградации, формой расчеловечивания человека, погружения его в стихию «животного активизма». Являясь проявлением человеческой частичности, для индивида, замкнутого ее рамками, она становится заслоном на пути к высшим уровням человеческого бытия, создавая иллюзию полноты, свободы и яркости существования.

Учитывая, что вступающий в жизнь индивид оказывается под тотальным воздействием именно такой музыки, то социализация в этих условиях есть проявление конформистской позиции, принятие эстетических (точнее сказать, антиэстетических) норм за единственно возможные, что означает воспроизводство этих норм в своем собственном существовании и участие в разрушительном, анти-культурном процессе. Конструктивная же позиция может быть выражена как преодоление этих норм, как прорыв к иным, собственно человеческим горизонтам существования. Такой прорыв становится возможным на пути музыкального просвещения широких масс, приобщения их к серьезной, классической музыке, в которой сконцентрирован чувственный, эмоциональный опыт человечества во всем его разнообразии, тонкости и глубине.

При этом нельзя отождествлять музыкальное просвещение с информированием о музыке и музыкантах. Такое отождествление встречаем, например, у С.П. Полозова, для которого «просветить» или «информировать» означает «сообщить кому-либо знания, распространить достижения культуры», что делает человека образованнее»³. Сходным образом понимает просвещение как

² Очерки музыкальной культуры народов тропической Африки. – М.: Музыка, 1973. – С.3-29. – С.25.

³ Музыкально-просветительская работа в прошлом и современности (к 90-летию учреждения Г.Л. Большевцевым «Народной консерватории» в Курском крае): Материалы международной научно-практической конференции. – Курск: Изд. Курск. гос. ун-та, 2010. – 451 с. – С. 62.

«процесс распространения в социуме феноменов музыкальной культуры» Н.Л. Савельева»⁴.

Основой обозначенного понимания является контекст разделенной деятельности, при которой имеется группа людей, ставящих цели, и группа людей, выполняющих волю тех, кто осуществляет целеполагание. Критерием успешности понятого таким образом просвещения становятся формальные моменты - объем функционирующей в обществе музыкальной информации, количество охваченных концертами людей, концертных залов, звуковоспроизводящей аппаратуры, звукозаписей и т.д. При этом в обществе может существовать сколько угодно самых передовых знаний и технологий, прекрасных музыкальных произведений, о которых человек может информироваться, но которые могут не быть им адекватно воспринятыми в силу отсутствия личностных смыслов, мотивации в их освоении и т.д.

Именно в этом корень того положения дел, о котором говорит В.И. Петрушин: «Одной из парадоксальных ситуаций, сложившейся к настоящему времени в области музыкальной жизни, является то, что, с одной стороны, мы имеем большую армию высокообразованных музыкантов, готовых предложить своим слушателям массу музыкальных впечатлений самого высокого уровня, а с другой стороны, большое количество потенциальных потребителей музыки не особенно озабочены повышением своей музыкальной культуры и удовлетворяют свои музыкально-эмоциональные потребности музыкой невысокого, мягко говоря, художественного качества»⁵.

Совершенно иное значение просвещение приобретает в контексте целостной деятельности, где ставят цели и достигают их одни и те же люди или группы людей. Просвещение тогда становится процессом и условием становления, самосозидания человека через его собственное волевое усилие, контекстом формирования человека как субъекта, его внутреннего, личностного роста как микрокосма, становящегося равнозначным и равномогущим космосу большому – тому общественно-природному целому, которое породило те или иные культурные явления.

Именно такое понимание встречаем у И. Канта, писавшего: «Просвещение – это выход человека из состояния своего

⁴ Савельева Н.Л. Музыкальное просветительство в деятельности концертно-филармонических организаций: теория, история, практика: диссертация ... кандидата искусствоведения. - Саратов, 2013.- 363 с.

⁵ Петрушин В.И. Музыкальная психология: учеб. пособие для студентов и преподавателей. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 384 с. – С. 329-330.

несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несоввершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Несоввершеннолетие по собственной вине – это такое, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. Sapere aude! – имей мужество пользоваться собственным умом! – таков, следовательно, девиз Просвещения»⁶. Результатом просвещения для И. Канта является критически, самостоятельно мыслящий человек.

Подобным же образом понимал просвещение М. В. Ломоносов. Он считал, что цель просвещения – научное образование человека, которое подводит к пониманию главенства общественной пользы над личными интересами. По убеждению М.В. Ломоносова, развивать следует не просто разум, а пытливый ум, ориентированный на творчество⁷.

Главная забота просветителя – не навязывание каких-либо партикулярных взглядов и мнений, а утверждение идеалов Истины, Добра и Красоты. Э.В. Ильенков пишет о философах французского Просвещения, которые «стали рассматривать Человека как «высшую цель», как «самоцель» и отбросили взгляд на него как на «средство» осуществления каких бы то ни было «внешних» и «посторонних» целей, какими бы высокими и благородными они ни казались. Человека не следует рассматривать как игрушку, как орудие, как марионетку в руках кого-то вне его находящегося – будь то папа или король, владелец власти или имущества, золота или знаний»⁸.

Среди основных характеристик музыкально-просветительской деятельности необходимо отметить следующие.

Во-первых, эта деятельность связана непременно, принципиально с высокими образцами, накопленными в человеческой культуре, с сохранением этих образцов и их актуализацией в жизнедеятельности тех, к кому они обращены. Ведь сама этимология слова просвещение связана со словом свет. Просвещение – это приобщение к высшему началу, к Свету, который должен пройти через души слушателей. Именно так понимали и понимают просвещение великие просветители современной эпохи А. Швейцер, Л. Бернстайн, Э.Вилла-Лобос, З. Кодай, К. Орф, Ш. Сузуки, Д. Кабалевский, В. Медушевский, Д. Мацуев, Ж. Аубакирова и др. И эта деятельность всегда предполагает

⁶ Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. – Т. 1. – М.: ЧОРО, 1994. – 544 с. – С.127.

⁷ Антология педагогической мысли России XVIII века. – М.: Педагогика, 1985. – 480 с.

⁸ Ильенков Э.В. Искусство и коммунистический идеал: Избр. статьи по философии и эстетике. – М.: Искусство, 1984. – 349 с. С.125.

значительные усилия со стороны устремленных к Свету. Как писал Л. Бернстайн, человек следует великой традиции «проникать тьму посредством разума, биться головой о каменные стены, чтобы иногда уловить отблеск света»⁹.

Во-вторых, это деятельность эстетическая. Эстетическое – сфера собственно человеческой чувственности, осмысления мира с точки зрения прекрасного, безобразного, возвышенного, низменного, трагического, комического и т.д. В музыке воплощено огромное разнообразие идей, человеческих эмоций и характеров. Научиться их осмысливать, лучше понимать себя и других людей, читать книгу жизни во всем ее разнообразии и многомерности – важнейшая задача эстетического воспитания.

Многие исследователи, говоря о специфике музыкально-просветительской деятельности отмечают, что это такая форма общения музыкантов и слушателей, в котором наряду с эстетическим компонентом важную роль играет познавательный компонент. Знать о композиторах, вехах их творческого пути, датах написания произведения, количестве частей в них и т.д., безусловно, необходимо для грамотного человека. Но, тем не менее, знания о музыке и музыкантах – не главное, что должно быть сформировано в результате музыкально-просветительской деятельности. Результатом музыкально-эстетической деятельности должно стать прежде всего формирование эмоционального интеллекта.

О значении последнего В.И. Петрушин пишет: «Без развитой сферы чувств, включающей переживания других людей, личность не может быть признана гармонично развитой. Более того, такой человек рискует стать психологическим инвалидом, которого не могут спасти никакие бы то ни были академические или профессиональные успехи»¹⁰. И музыкальные занятия – совершенно уникальный, ничем не заменимый контекст формирования гармоничного человека с развитой не только интеллектуальной сферой, но и чувственной.

Таким образом, мы выявили два подхода к осмыслению феномена музыкального просвещения.

Первый подход, обусловленный контекстом разделенной деятельности, связан с рассмотрением последней как деятельности по передаче готового знания, не затрагивающей личностных смыслов тех, на кого эта деятельность направлена.

⁹ Бернстайн Л. Музыка – всем. – М.: Искусство, 1978. – 258 с. С.13.

¹⁰ Петрушин В.И. О развитии эмоционального интеллекта в процессе музыкальных занятий. – Музыкальное искусство и образование. Вестник кафедры ЮНЕСКО. – 2016. – №2 (14). – С.68-82. С.82.

Второй подход, обусловленный контекстом целостной деятельности, связан с пониманием феномена музыкального просветительства как процесса самосозидания и самостановления индивида. Важнейшей задачей музыкально-просветительской деятельности в таком случае становится создание условий для того, чтобы культурные достижения человечества стали живым, актуальным состоянием каждого отдельного человека.

Одним из важнейших условий этого процесса является встреча с Личностью, человеком, который аккумулирует в себе достижения культуры, в процессе совместной деятельности с которым происходит не просто обмен информацией, а подлинное духовное общение. Такое духовное общение имеет место далеко не во всякой музыкальной деятельности, даже и основанной на самой высокохудожественной музыке. Сами по себе серьезная, классическая музыка и деятельность, с нею связанная, не являются гарантом эмоционально-нравственного развития человека. В этом плане просто говорить о совместной музыкальной деятельности как контексте гармонизации человеческих отношений, без учета способа ее осуществления, представляется достаточно абстрактным.

Так, представитель феноменологического направления в музыкальной педагогике Дж. Смит, утверждает, что совместная музыкальная деятельность поможет людям преодолеть социально-психологический «недуг» изолированности и отчуждения. «Семья из четырех человек, – пишет он, – в каждодневной жизни должна вести себя более или менее наподобие квартета, играющего Моцарта... все же общество сходно с большим оркестром или хором»¹¹.

Однако помимо выяснения чрезвычайной важности вопроса – какого рода, качества поются песни хором, необходимо различать, какой тип общественной связи реализуется в процессе исполнения – либо заинтересованно-личностная связь осуществляющих взаимное духовное восхождение индивидов, либо внешнее взаимодействие равнодушных и чуждых друг другу функциональных единиц, исполняющих свои роли, связь, где есть победители и побежденные, лидеры и аутсайдеры.

В последнем случае совместная музыкальная деятельность не может стать контекстом, в котором снимается отчуждение, как не может она спасти и от духовного обнищания, от абстрактности, ущербности, частичности мироотношения. В плане иллюстрации этого положения крайне показателен рассказ П. Зюскинда «Контрабас», герой которого признает, что «музыка – это всегда человечность», однако в отчаянии от того, что ему не хватило

¹¹ Цит. по: Матонис В. Музыкально-эстетическое воспитание личности. – Л.: Музыка, 1988. – 88 с. – С.29.

таланта играть на скрипке, сочинять, дирижировать, а выпала доля «пилить» на ненавистном контрабасе. Ведь «оркестр, – как он говорит, – это копия человеческого общества. И там и там тех, кто и так вынужден выполнять грязную работу, презирают к тому же за это другие. Он даже хуже, чем человеческое общество, оркестр, поскольку в обществе я бы имел – позволю себе помечтать – надежду, что когда-нибудь поднимусь по иерархической лестнице вверх и однажды с вершины пирамиды взгляну на тех, кто пресмыкается внизу»¹².

Очень близкий пример зависимости социального статуса музыканта от роли, которую играет инструмент в воссоздании музыкального целого, можно привести и из восточной музыки. Исполнители на инструменте тонбак – иранском барабане в форме кубка, выполняющем по преимуществу аккомпанирующую функцию, – всегда считались второсортными, низшим классом и были вынуждены терпеть оскорбления и унижения от других музыкантов

Приведенные примеры являются яркой иллюстрацией того, что организация музыкальной деятельности является своеобразной проекцией организации общественного пространства и отражает особенности его устройства.

В условиях разделенной деятельности, господствующей в современном обществе, более очевидными и естественными видятся внешние музыкальные воздействия на человека, приобретающего статус объекта.

Целостная деятельность, всегда являющаяся основой диалога и сотворчества, становится контекстом снятия отчуждения и реализации человеком личностной, субъектной позиции. Целью такой деятельности становится не воспроизводство потребляющих развлекательные музыкальные продукты масс, а формирование сообщества уникальных личностей, осуществляющих совместное становление в соответствии с творческой сущностью человека.

В глобальном плане перспективное развитие человека в процессе музыкальной деятельности возможно лишь в результате коррекции общественных связей.

¹² Блюз Сонни: Повести и рассказы зарубежных писателей о музыке и музыкантах. – М.: Музыка, 1991. – 320 с. – С. 68.

1.7. Гомеостатические, синергетические и эволюционные аспекты сохранения сущностных свойств человека

Н.Е. Захарова

Понятие «гомеостаз» (от древнегреч. *одинаковый, неподвижный*) в большинстве словарей и энциклопедий означает саморегуляцию, способность любой открытой системы сохранять и восстанавливать внутренне динамическое равновесие, воспроизводить себя и преодолевать сопротивление внешней среды. Американский физиолог У. Кеннон впервые использует этот термин для «координированных физиологических процессов, которые поддерживают большинство устойчивых состояний организма». Но в дальнейшем понятие гомеостаза стало широко применяться для трактовки любых живых систем, для жизнедеятельности которых необходимо поддержание внутренней среды в допустимых пределах. Понятие гомеостаза применяется и в экологии, для характеристики устойчивости различных систем – биоценозов, геобиоценозов, и т.д. На уровне экосистем гомеостаз проявляется в наиболее устойчивых формах взаимодействия между видами, что выражается в приспособленности к особенностям среды и поддержании циклов круговорота биогенов¹.

Если гомеостаз клетки определяется специфическими физико-химическими условиями, отличными от условий внешней среды, то гомеостаз многоклеточного организма обусловлен поддержанием постоянства внутренней среды в ее сложности. Гомеостаз популяции включает уже поддержание пространственной структуры, плотности популяции, ее генетического разнообразия. Можно рассматривать даже гомеостаз биосферы, в которой взаимодействие разнообразных организмов поддерживает постоянство газового состава атмосферы, состав почв, состава и концентрации солей Мирового океана и др.

Гомеостаз поддерживается механизмами нескольких уровней, как это обычно свойственно иерархическим системам, к которым относятся все живые организмы. При отклонении избранного параметра от средней линии в сторону верхнего или нижнего предела в организме или биоценозе сразу же включаются компенсационные механизмы, которые гасят это отклонение. Собственно это и будет называться *регуляцией* гомеостаза как устойчивого состояния, а поскольку процессы автоматизированы за счёт отрицательных обратных связей, то данное явление можно назвать *саморегуляцией*.

¹ Савченко В.К. Геогеномика: Организация геносферы. – Минск: Белорусская наука, 2009.

Самоорганизация, присущая в первую очередь биологическим системам, описывается синергетикой как движение от хаоса к порядку и не отражает собственно эволюцию и развитие. Тем не менее, термин «гомеостаз» в данном контексте вполне применим, поскольку он отражает относительное динамическое постоянство состава и свойств внутренней среды и устойчивость жизнеспособности. Таким образом, саморегуляцию (самоорганизацию), описываемую законами синергетики, можно связать с понятием гомеостаза, поскольку он является процессом упорядочения элементов одного уровня за счёт внутренних факторов, без внешнего специфического воздействия². Результатом такого воздействия может стать появление единицы следующего качественного уровня.

«Поскольку колебание гомеостатической константы допустимо в определённых пределах, то за счет автоматического гашения отклонений гомеостатический параметр настойчиво возвращается к средней линии. В идеале данный механизм стремится минимизировать колебания гомеостатического параметра вокруг средней линии. Чем лучше работает этот механизм, тем меньше будут колебания»³.

Универсальный график поддержания гомеостатического равновесия

При выходе гомеостатического параметра за определённый верхний или нижний предел допустимых колебаний, можно ожидать включения гомеостатических механизмов второго порядка, которые и возвращают параметры организма или популяции в заданные

² Бекиш Я.Л. Медицинская биология. – Минск: Ураджай, 2000; Гладков Л.А., Курейчик В.В., Курейчик В.М., Сороколетов П.В. Биоинспирированные методы в оптимизации. – М.: Физматлит, 2009.

³ Сазонов В.Ф. Механизмы гомеостаза // Кинезиолог, 2009-2014. – <http://kineziolog.bodhy.ru/content/mehanizmy-gomeostaza>.

пределы. Если происходят какие-либо более мощные изменения и достигаются пределы более широкой амплитуды, то подключаются механизмы гомеостаза следующего уровня и так далее.

При длительном или постоянном смещении гомеостатического параметра от средней линии к одному из пределов (верхнему или нижнему) включаются компенсационные процессы по гашению процесса смещения, т.е. для возврата параметра к средней линии. Это хорошо видно из рисунка, приведенного Н.Н. Сазоновым⁴.

Гомеостатические реакции, противодействующие отклонению гомеостатической константы, различаются в зависимости от времени и глубины структурных изменений. Это могут быть обратимые кратковременные функциональные изменения, обратимые долговременные изменения, и необратимые долговременные изменения. Необратимые долговременные структурные изменения могут сопровождаться кратковременными поведенческими реакциями, долговременными поведенческими изменениями, наследственными изменениями. Это может приводить также к изменениям образа жизни, изменениями популяции и биологического вида.

Применительно к философской антропологии понятие гомеостаза очень близко понятию сущности человека. Как у индивида, так и у родового человека много разных свойств, как функциональных, так и атрибутивных, задающих эту сущность. Наличие атрибутов как неотделимых от существования и сохранения человека свойств выражается в понятии его природы. «Под человеческой природой, – пишет П.С. Гуревич, – чаще всего в философской антропологии понимается совокупность стойких, неизменных черт, общих задатков и свойств, выражающих особенности человека как живого существа и присущих человеку разумному во все времена независимо от биологической эволюции и исторического процесса»⁵.

Для сохранения природы человека в ходе своего исторического развития ему необходимо поддерживать био- и социокультурные константы себя как сущего – так, как поддерживаются гомеостатическое равновесие организма и определенные параметры среды его обитания. С точки зрения бесконечности и вечности бытия в нем никто никуда не исчезает. Все это вписывает проблематику сохранения биологических, экологических и социокультурных констант как борьбу человека за выживание вообще. Конечно, мы не отрицаем логику конечности не только человека и человеческого

⁴ Там же.

⁵ Гуревич П.С. Философская интерпретация человека. – СПб.: Академия, 2013.

рода, но также и мира, Вселенной, ее схлопывание или рассеивание, новые циклические круговороты вещества. Подобным образом диалектика рассуждает относительно любой отдельно взятой вещи, о любом нечто: «Достойно гибели все то, что существует».

По сути, философия киборгизации организма, усиления каких-то свойств человека и замена других, формирование «хомолюденов», в выражении своей сверхцели есть не что иное, как попытка «остановить время», сохранить молодость и здоровье, т.е. овладеть вечностью и бессмертием. Это мировоззрение *сопротивления времени*. Оно всегда было присуще природе человека и мышлению человека: желание жить, продолжаться, влечься к другому как представителю великого целого, размножаться, чувствовать, переживать, постигать новое как часть этого бесконечного. Все остальные его цели производны от этой.

Таким образом, традицию человеческого бытия ни в коем случае не следует «усовершенствовать», изменять, ее надо бережно культивировать. Если противники изменения смысла жизни человека выступают за сохранение человека как личности и частично как актора, что позволяет избежать его перерождения в бессубъектный фактор-агент, то трансгуманисты готовы превратить человека в питательную среду для технологии, раствориться в ней и служить пищей появлению новых машин. Таким образом, сохранить традицию, т.е. свою антропологическую природу и значит выступать с позиций гуманизма, пишет В.А. Кутырев⁶.

Перспектива преодоления (нарушения) анатомо-физиологического гомеостаза природы человека открывается при переходе на другой способ жизнедеятельности. Эксперименты по выращиванию отдельных органов, «стволовых клеток» приветствуются как панацея от неизлечимых недугов и старения, они ведутся открыто, в отношении целостного человека балансируют на грани легальности, учитывая, что в большинстве стран приняты приостанавливающие их законы. Общественное мнение расколото на сторонников и противников клонирования человека, но уровень понимания и обсуждения этих проблем далек не только от этических оценок, но и сколь-нибудь просчитанной прогностики.

Одним из первых философов, который сознательно объявил природу «нашим общим врагом», и стал фактически гениальным провозвестником нового направления развития человечества, был русский философ Н.Ф. Федоров. С точки зрения трансгуманизма, в его

⁶ Кутырев В.А. Последнее целование. Человек как традиция. – СПб.: Алетейя, 2015.

идеях приветствуется именно отвержение смерти. В философии Н.Ф. Федорова отвергается смерть, поскольку всех можно будет воскресить. Однако жизнь и смерть, говорил он, две стороны одной медали и обе укоренены в сексуальности. Половое размножение, признавал Н.Ф. Федоров, это гигантская сила, на которой стоит вся природа: возможно, это и есть «сердцевина ее». Противостояние полов, естественный половой отбор, половое соперничество, смена поколений служили биологическим механизмом развития человеческого рода. Но «должно наступить время, когда сознание и действие заменят рождение», писал Федоров⁷. Примечательно, что Н. Федоров нигде не пишет о воскрешении женщин. Но дело не в «отцах», религиозном воскресении или плохом отношении к женщинам. Новые существа вообще не будут живыми, хотя будут разумными. «Это ликвидация тела и функциональная трактовка жизни, а фактически разума на новой, не биологической субстратной основе: «кремний против водно-углеродного шовинизма»⁸.

В эпоху, когда компьютерные роботы с искусственным интеллектом стали реальностью и стремительно совершенствуются, Н.Ф. Федорова можно считать первым, по крайней мере, в русской культуре, идеологом «постчеловека» как искусственного субъекта. Со вступлением человечества в техно-информационную стадию развития, судьба телесности, пола и самой жизни зависит от возможностей взаимодействия живых естественных людей и биосферы как среды их обитания, с другим субъектом - искусственным разумом и ноосферой как средой его функционирования⁹.

Это манипулирование телесностью и духовностью человека в интересах прогресса, гуманизм которого сомнителен, а вред для антропологической безопасности очевиден. Как бы ни мотивировали умеренные техničесты отсутствие опасности, поскольку есть же ограничения, запреты, идут дискуссии, да и религии против, есть этические проблемы и нормы права, поэтому все это дело будущего, и коснется оно не всех, а по медицинским показаниям и т.д., - отмена самих принципов жизни, разрушение ее фундамента, «лишение кредита» специфического для человека способа его существования, с неизбежностью обрушивает любые человеческие отношения и «наступает буквальная атомизация общества»¹⁰.

⁷ Федоров Н.Ф. Сочинения. – М., 1982. – С.396.

⁸ Гуревич. Философская интерпретация человека С.87.

⁹ Федоров Н.Ф. Сочинения. – М., 1982; Федоров Н.Ф. Философия общего дела (отрывки) // Русский космизм: Антология философской мысли. – М., 1993. – С.69-89.

¹⁰ Кутырев В.А. Последнее целование. С.80.

Фактически вся философия – это поиски ответа на вопрос, что есть сам человек, какова его природа и в чем заключается его сущность. Интегративные тенденции в развитии научного знания также иллюстрируют изменение направленности любопытства человека с природы на самого себя. Вместе с тем на рубеже XX-XXI вв. отчетливо наблюдаются уход от гармонии человека с самим собой и окружающим миром в условиях тотальной дихотомичности тела и духа, человеческого бытия и его смысла, целей человеческого развития и содержания социального прогресса. Современные формулировки человека все более технологичны, отсюда же и идеи грядущей киборгизации, появления человека-манипулятора и человека манипулируемого, возможностей продления жизни средствами технологий.

Современные дискурсы о человеке являются мощным фактором изменения культуры и социума. Во многих из них человек предстает как некая абстракция, как результат определенных биополитических стратегий, выстраивающих, достраивающих человека в соответствии с идеалами общественно-политического, экономического, и культурного развития. Онтология же человека практически не рассматривается, как и ряд параметров, собственно его и характеризующих как человека. Ценится и оценивается только его функциональность. Из подобных абстракций и появляется «сверхчеловек» и «недочеловек». Это тоже абстракции, содержание которых жестко детерминировано запросами политических и экономических субъектов.

Традиционные опасения вызывает сама перспектива интеграции технических составляющих в физиологию и биологию человека. Однако перед тем, как приступать к формированию нового человека, необходимо понять сущность человеческого. Нужно определить онтологическую структуру человеческой целостности в его телесно-духовном единстве и выявить основные антропологические константы поддержания его гомеостатического равновесия в физическом и социокультурном плане.

В понимании места человека в Природе произошли парадигмальные сдвиги от исторического антропоцентризма в сторону эоцентризма. Если раньше человек был центром Вселенной, покорителем Природы, а Природа являлась подручным материалом и средством для удовлетворения потребностей человека, то современные инновационные представления ставят человека в один ряд со всем живым на планете. Складывается убеждение о необходимости синтеза представлений о человеке как социоприродном, космопланетарном существе, в котором в единое

целое объединены все стороны человека: космическая, биологическая, психическая, социальная и культурная.

В решении поставленной проблемы возможно наличие различных подходов к природе человека и его сущности. Эти подходы в самом общем плане могут быть классифицированы как четыре большие группы: реляционный подход, при котором сущность человека усматривается в общественных отношениях; креативный, при котором она осмысливается в творческой деятельности, направленной на освоение внешнего мира; акциденционный, когда сущность рассматривается через способности и потребности, свойственные человеку, и субстанциональный, при котором человеческая сущность определяется через внутренне противоречивое единство телесного, материального и духовного. Тогда онтологические основания природы человека выглядят следующим образом:

Уровень	Функция		
	Биологическая	Социальная	Духовная
Объективная реальность	Тело – вещь в мире вещей	Социальная роль	Психика
Субъективная реальность	Биологическая программа развития	Социальная программа деятельности	Душа
Трансцендентная реальность	Телесность Мудрость тела	Личность	Дух

Рассмотрение человека через единство всех выделенных уровней снимает выявленные односторонности и указывает на необходимость определения экзистенции и духовности как основополагающих факторов целостности человека. Духовность, понимаемая таким образом, является атрибутивной характеристикой человека. Тогда можно предположить, что потеря духовности (даже при наличии разума, интеллекта, сознания) – в итоге, приведет к потере самого человека.

Взаимопроникновение биологической и технологической составляющих – объективная реальность современного общества, поэтому задача философского анализа не в препятствовании этому естественному процессу, а в выявлении предпочтительных направлений. Если на протяжении всей истории развитие человека происходило как изменение окружающего мира, то использование средств технической адаптации и мощный рывок в их развитии ведут к перспективе трансформации собственной природы человека.

В то же время, если философии видится наука о человеке, ей не могут быть безразличны полученные результаты и данные других наук: биологии, психологии, социобиологии, биопсихологии, палеоантропологии, генетики и философии техники, если предположить и следовать тезису, что наука о человеке в полном смысле слова все-таки возможна. Ведь морфология, физиология, физиология чувств, психология и т. д. тоже занимаются человеком, но именно так, как это только и возможно для отдельной науки: исследуя определенные стороны этого самого сложного из всех предметов и по возможности отвлекаясь от остальных. Психологией обычно занимаются, не принимая во внимание языкознания, а оно в свою очередь даже усматривало преимущество в том, чтобы освободиться от психологических примесей. Категории же физиологии – это отнюдь не категории психологии мышления и т.д.

К сожалению, те этапы биотехнологического развития, которые мы видим в настоящем – биороботизация, возможность появления постчеловека, исследования по созданию организмов с заранее заданными свойствами, распространение функционально одномерных внеэкологических технологий продолжения жизни, социальные проекты гендерного отказа от сексуальности как части природы и культуры, не последние на пути истории человечества. Разрабатываются способы отказа от биологического человека как такового, от жизни как носителя разума, в пользу переступающих через жизнь форм его функционирования¹¹. Эта угроза залегает гораздо глубже ведущихся научных и политических дискуссий, она затрагивает сами основы жизни, гомеостатические, синергетические и социокультурные границы существования человека и сущности его природы.

1.8. Анализ художественных образов Ф.М. Достоевского в контексте логики становления субъективности

В.Н. Суханов

«Логика предугадает три случая, а их миллион!», – этими словами Ф.М. Достоевского начал свое выступление Г.В. Лобастов на VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием в г. Красноярске «Педагогика и психология: проблемы развития мышления. Развитие личности в изменяющихся условиях». Но раскрыть причину обращения к

¹¹ Юдин Б.Г. Что там, после человека? // Философские науки. – 2013. – № 8. – С.24-37. С.28.

классику российской и мировой словесности Геннадию Васильевичу не предоставилось возможности, ввиду удаленности региона, в котором находился профессор философии, и возникших по этой причине технических неполадок режима он-лайн. Конечно, это сильно огорчило участников конференции, и они будут с нетерпением ждать текста статьи. Но в сей бочке дегтя есть капля меда. На наш взгляд здесь стихийно сложилась напряженная педагогическая ситуация в отношении самих преподавателей, требующая самостоятельного анализа художественных образов Ф.М. Достоевского в контексте логики становления субъективности.

Утверждение, подвергающее сомнению всеобщность и необходимость логики, Достоевский не случайно вкладывает не в уста главного героя – Родиона Раскольникова, а влетает в монолог его друга – Разумихина, который «знает жизнь».

Раскольников осуществляет непрерывный мыслительный процесс в соответствии со своей логикой, в соответствии с этой логикой убивает старуху, в соответствии с этой логикой производит рефлексию содеянного, до последнего не впуская «миллион случаев» в себя. Поскольку, – миллион случаев, – это миллион логик. А если человек действительно думает, то он думает по единой логике. Это единство и ищет Достоевский. И находит его в любви. В эпилоге любовь и истина сходятся. Истина, как вычищенная до основания рассудочная логика Раскольникова, и любовь, как единое чистое начало.

Не апологией ли единому разумному началу служит сон Раскольникова в остроге? «Ему грезилось в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу. Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих избранных. Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселяющиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований. Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшестввовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нем в одном и заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали

друг друга в какой-то бессмысленной злобе. Собирались друг на друга целыми армиями, но армии, уже в походе, вдруг начинали сами терзать себя, ряды расстраивались, воины бросались друг на друга, кололись и резались, кусали и ели друг друга»¹.

Все действие романа подводит читателя к тому, что если уж и исходить из какой-либо логики, то из Логике, берущей начало в абсолюте, в безусловном. Кант в своей критике мышления, выходя в сферу безусловного, приходит к противоречию (антиномии). Достоевский в своем предельно критическом романе (и, в первую очередь, мышления главного героя) приходит к тождеству. Оба великих мыслителя, каждый своим путем, выводят нас на абсолютное основание, в котором тождество и есть противоречие, а точнее «совокупность всех отрицаний» (Гегель).

Раскольников (Достоевский) в своем нравственном поиске руководствуется априорно заданной идеей справедливости. Идеей, вырастающей из самой жизни Российской Империи середины XIX века. Поэтому, конечно, в его исканиях угадываются и Кант, и Платон. Можно сказать, что в эпилоге главный герой романа рождает в себе категорический императив Канта и максима его воли имеет силу всеобщего законодательства. Но также можно предположить, что более смелая эпоха жизни Достоевского вынуждает идти его дальше Канта. Отсюда и образ чистоты (чистой логической формы), представленный в лице второго главного героя, точнее героини – Сонечки Мармеладовой. Достоевский отождествляет Сонечку с Христом. Женщину с наиболее презираемой в обществе профессией. Конечно, в России того времени еще нет «всеобщей проституции» (Маркс) капитализма, но все к этому шло стремительными шагами, что прекрасно чувствовал писатель. Предельное унижение и предельная чистота. В эпилоге это противоречие разрешается в образ «Матушки Софьи Семеновны»: «Неразрешим был для него (Раскольникова) еще один вопрос: почему все они так полюбили Соню? Она у них не заискивала; встречали они ее редко, иногда только на работах, когда она приходила на одну минутку, чтобы повидать его. А между тем все уже знали ее, знали и то, что она *за ним* последовала, знали, как она живет, где живет. Денег она им не давала, особенных услуг не оказывала. Раз только, на рождестве, принесла она на весь острог подаяние: пирогов и калачей»².

Человек ничего особенного не делает, но все его любят. В Соню, словно в воронку всасываются вся человеческая боль, все страдания

¹ Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Библиотека всемирной литературы. Серия вторая. Том 83. М.: Изд-во «Художественная литература», 1970. – 528 с. – С.55.

² Там же. С. 504.

каторжан, все отношения жителей острога. «Но мало-помалу между ними и Соней завязались некоторые более близкие отношения: она писала им письма к их родным и отправляла их на почту. Их родственники и родственницы, приезжавшие в город, оставляли, по указанию их, в руках Сони вещи для них и даже деньги. Жены их и любовницы знали ее и ходили к ней. И когда она являлась на работах, приходя к Раскольникову, или встречалась с партией арестантов, идущих на работы, – все снимали шапки, все кланялись: «Матушка, Софья Семеновна, мать ты наша, нежная, болезная!» – говорили эти грубые клейменные каторжные этому маленькому и худенькому созданию. Она улыбалась и откланивалась, и все они любили, когда она им улыбалась. Они любили даже ее походку, оборачивались посмотреть ей вслед, как она идет, и хвалили ее; хвалили ее даже за то, что она такая маленькая, даже уж не знали, за что похвалить. К ней даже ходили лечиться»³.

Вся объективная действительность снята в точке Я Софьи Семеновны Мармеладовой. Но и чуда здесь Достоевский не видит никакого, Сонечка уже изначально была чиста, едина в своей любви со всем миром. Первое заочное суждение о Соне, услышанное Раскольниковым от ее отца, именно об этом. «Тридцать копеек вынесла, своими руками, последние, все что было, сам видел... Ничего не сказала, только молча на меня посмотрела... Так не на земле, а там... о людях тоскуют, плачут, а не укоряют, не укоряют!»⁴.

Предельно деятельный Христос, – таким видели субъекта революции и Достоевский, и Блок. Единое, всеобщее, деятельное начало, воплощенное в незаурядной личности, Творце. Поэтому Раскольников сразу разглядел в Соне родственную душу. Она тоже «право имеет». Правда без всяких «или». Ведь в вере в людей тоже есть своя логика. Поэтому Гегель справедливо считал родственными предметы философии и религии. «Философия стоит на той же почве, на которой стоит и религия, имеет тот же предмет: всеобщее, в себе и для себя сущий разум. Дух хочет усвоить себе этот предмет, подобно тому как это происходит в религии через благоговейность и культ. Но форма, в которой это содержание налично, отлична в религии от той формы, в которой оно налично в философии, и поэтому история философии необходимо отлична от истории религии. Благоговейность является лишь соприкосновением мышления с предметом; философия же хочет свершить это примирение посредством мыслящего познания, так как дух хочет принять в себя свою сущность. Отношение философии к своему предмету

³ Там же. С. 504-505.

⁴ Там же. С. 48.

приобретает форму мыслящего сознания, отношение же религии не таково. Но это различие двух сфер не должно быть понимаемо так абстрактно, как будто мыслят лишь в философии, а не в религии; в последней также имеются представления, общие мысли»⁵.

Но насколько замечательные «представления, общие мысли» великого русского писателя могут помочь педагогу здесь и сейчас в его каждодневной творческой практике? Ведь только воспитатель-творец обратится за помощью к Достоевскому, не ищущему человеку чужда мировая культура. Подавляющее большинство учителей увидят в романе ситуацию никаким боком не связанную с непосредственным педагогическим процессом. Петербург середины XIX века, грязные, вонючие дворы, полусумасшедший главный герой, проститутка Соня и ее алкаш отец, подробное описание убийства (этот момент вообще нужно изъять из прочтения, дабы не травмировать неокрепшую детскую душу), подробное описание смерти чахоточной Катерины Ивановны, самоубийство Свидригайлова и, наконец, острог. Разве весь этот бред воспаленного воображения писателя может помочь в воспитании детей? В становлении личности? А ведь именно такие вопросы возникают у большинства педагогов.

Лишь очень немногие учителя проникнутся очищающей способностью романа. Будут из них и такие, которые непосредственно воспримут «путь Сони» как руководство к действию, и если они читают Гегеля (почему бы и нет!), то наверняка не пройдут мимо суждений немецкого мыслителя о религии. «Религия не только обращается вообще к людям, стоящим на всех ступенях культуры («евангелие проповедуется бедным»), но оно должно в качестве религии определенно обращаться к сердцу и душе, вступать в сферу субъективности и, значит, в область конечного способа представления»⁶. Такие учителя будут любить своих детей, будут предельно внимательны к их позиции, их самочувствию. К сухому преподаванию будет добавлено развитие сердца, души. Это не только посещение церкви, но и музеев, выставок, театров. Все, что способно приблизить к образу Сони будет вплетено в эту деятельность. Душа должна быть чуткой, отзывчивой, а для этого нужно уметь не просто принимать мир, каков он есть, а воспринимать его во всей противоречивости. Поэтому, читающий Гегеля учитель подробно объяснит ученикам, что такое противоречие, чем отличается человек от собаки Павлова, которая впадала в кому при превращении эллипса в круг. Возможно будут и

⁵ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. – СПб.: Изд-во «Наука», 2006. – 349 с. – С. 118.

⁶ Там же. С. 124.

такие педагогические ситуации, которые модулирует профессор Шиян О.А., когда детям предлагается составить ряд рисунков о путешествии снеговика по временам года. Ребенок сам, в своей деятельности творит превращение времен года. Непосредственно постигает диалектику⁷. Главное для профессора О.А. Шиян, и это она отмечает во всех своих выступлениях, – признание ценности человеческой личности. Ну чем не «новая Соня»!

И только единицы увидят в Раскольникове себя. На конференции в РГГУ, где профессор О.А. Шиян делала доклад о снеговике, мною был задан вопрос Ольге Александровне: «А предлагались ли ребенку такие ситуации, когда был просто чистый лист, и рисуй что хочешь?». Профессор удивленно на меня посмотрела и ответила, что нет. Но ведь если мы противоречие будем творить во внешнем мире, с вещами внешнего мира, а сами в противоречии не будем изначально, то к чему мы придем?

Роман «Преступление и наказание» насквозь религиозен. Но Достоевскому чужда «вера в церковном смысле, т.е. отвержение разума в пользу внутреннего откровения, которое называют ... непосредственной достоверностью, или созерцанием, найденным в недрах души чувством»⁸. Раскольников ищет не в «недрах души», а в наличном бытии города. И не только города – всей мировой истории, но, несмотря на широту поиска, размышления главного героя предельно эмпиричны, поскольку именно само наличное бытие положено им в основание мысли и действия. И здесь снова, на наш взгляд, уместно обращение к Гегелю. «Истинное заключение от конечного и случайного к абсолютно необходимой сущности состоит не в том, чтобы заключать от конечного и случайного как от бытия, *лежащего и остающегося лежать в основании*, а в том, что (и это непосредственно присуще *случайности*) заключает от лишь надломленного (*fallenden*), *противоречащего себе в себе самом бытия* к чему-то абсолютно необходимому»⁹. Парадокс Раскольникова в том, что он усомнился, что он способен на великое, и стал способен на великое. Поскольку в его незыблемой рассудочной установке, в которой люди делились априорно на два типа, – способные на поступок («право имею») и неспособные («тварь дрожащая»), – произошел *надлом*.

⁷ Шиян О.А. Диалектические структуры в репрезентации процессов развития у старших дошкольников // Обучение и развитие: современная теория и практика: Материалы XVI Международных чтений памяти Л.С. Выготского. Москва, 16-20 ноября 2015 г. / Под ред. В.Т. Кудрявцева: В 2 ч. Ч. 1. М.: Левь, 2015. – С 157-160.

⁸ Гегель. Лекции по истории философии. С. 153.

⁹ Гегель. Наука логики. – СПб.: «Наука», 2002. – 799 с. – С.401.

Но насколько преступление Раскольникова имеет характер всеобщности и необходимости? Ведь роман Достоевского тем и велик, что убийство старухи-процентщицы – это не частный случай бульварного детектива. Гениальная интуиция художника выводит вдумчивого читателя на позицию, что действие, заключающее «от конечного и случайного как от бытия, *лежащего и остающегося лежать в основании*», – это всегда преступление. Преступление, которое, кстати, ежедневно, ежечасно, ежеминутно совершает современная школа. Достоевский потому и делает преступление Преступлением, чтобы видно было, чтобы обозначить границу дозволенного, выявляющее «предел преступности» эмпиризма, лишь выйдя за который придешь к истине, – отношению к себе.

Очевидно, под этим углом читал Достоевского выдающийся советский писатель Владимир Тендряков, описавший в повести «Расплата» ситуацию, подобную роману «Преступление и наказание». Только здесь действие разворачивается непосредственно в средней образовательной школе.

Сын убивает отца. Отца-пьяницу, постоянно жестоко избивавшего мать. И учитель сына разочаровывается в своем передовом методе нравственного воспитания. И мгновенно бросается в бой доказать его ошибочность... этим же методом. В конце повести учитель категорически требует у следователя предоставить ему трибуну, т.к. боится, что дети вырастут убийцами. «И не могу я говорить ученикам одно, когда остальные учителя – другое. Ералаш в головах учеников получится, а среди учителей разногласие, разброд, склоки. Действовать в одиночку?... Нет! Должен убедить ... Жизнь вычистить нам не под силу, Сулимов, но под силу будет показать, что такое хорошо, что такое плохо в этой еще не вычищенной до блеска жизни»¹⁰.

Учитель боится, что в головах учеников будет «ералаш», а при таком положении вещей и до скептиса недалеко... Нет! Нужна ясность! Но совсем недавно на малом педсовете Аркадий Кириллович каялся коллегам, что не знает, как воспитывать детей. И вот, – оказывается, – уже снова знает! Как он пришел к этому новому знанию? Или все-таки вернулся к старому, лишь «поменяв клеммы», – мол, одно дело в истории фюрера убили, другое дело, – сын отца. Но если отец – фюрер? Ведь именно так учителю и оппонируют ученики. Все как один. Вы нас такими воспитали! В чем мы неправы?! Какими еще должны быть дети, отцы которых убивали фашистов ради жизни? Убить фашиста на войне, абстрагируясь от того, что он

¹⁰ Тендряков В.Ф. Повести. – М.: Советский писатель, 1986. – 608 с. – С.602-603.

человек, – подвиг, героизм, а убить фашиста в мирной жизни – преступление. Почему? Что хочет доказать учитель своим ученикам, взойдя на трибуну суда? Скажет, что убивать плохо, а у самого после войны руки «по локоть в крови»?

Конечно, учитель расскажет ученикам про однополчанина киргиза, спасавшего пленного немца, и погибшего вместе с ним под обломками сгоревшего госпиталя. А ученики скажут, что Коля спасал маму от пьющего отца и бывшего ее каждый день ... Чей поступок нравственней? И вообще, чем мерить нравственность – ближайшее определение человека?

Такую мерку в повести, похоже, нащупал только один человек – Коля Корякин. Коля уже после убийства отца встретился с... отцом же, но в видении, – с добрым человеком. И этот вечный классический сюжет точно подмечен Г.В. Лобастовым. «Потому и снова и еще раз – что же надо воспитывать? Как же мы своим умом разгадаем эту загадку воспитания? Как же снять проблему «быть или не быть»? Или в более частной форме, как у Тендрякова, – убить или не убить?»¹¹.

Шекспир, Достоевский, Тендряков, – все великие писатели в кульминациях своих произведений в художественном образе дают подсказку ищущему педагогу. Внешне схожие «встречи с отцами», – у Шекспира в «Гамлете» и у Тендрякова в «Расплате», – и по логическому содержанию близки, если не тождественны. В обоих случаях художники фиксируют внутреннее противоречие, которое движет сюжет. Но у Шекспира это противоречие фиксируется в начале пьесы (встреча с Тенью отца), и оно жестко ведет повествование, не давая случайности отойти от сути, – Гамлет победит «эту машину». Внутреннее у Шекспира становится внешним в финальной сцене всеобщей гибели. У Тендрякова – наоборот – внешнее становится внутренним. И потому звучит несколько фальшиво «научное объяснение» учителя «неучу» следователю. «Наконец Сулимов хмуро поинтересовался:

– Так в каком же случае я прав?

– Правы в обоих случаях, – невозмутимо ответил Аркадий Кириллович.

– Ну, так не бывает.

– Так бывает всегда и всюду. О единстве противоположностей, надеюсь, слышали?

– Слышал, преподавали – почку губит распускающийся цветочек.

– Вот у вас тоже распускается цветочек.

¹¹ Лобастов Г.В. В пространстве противоречий воспитания // Экономические и социально-гуманитарные исследования №1 (17) 2018. – М.: МИЭТ, 2018. – С.160.

– Какой именно?

– Чувство ответственности за других, прощу прощения за избитость выражения»¹².

Как все просто с точки зрения «науки», которую «преподавали»! «А ведь целостность научного мировоззрения – это не догматичная картина устойчиво-покоящегося бытия. «Быть или не быть» – это не вопрос Гамлета, это вечный вопрос любой и каждой *человеческой личности*, ощущающей трагизм жизненного исторического процесса, личности, для которой ничего простого в этой жизни нет. И которая трагедию бытия в полной мере принимает на себя. Которая далека от сказочно-иллюзорных идеалов живых «кукол-барби» в человеческом обличье.

Нравственность внутренне сопряжена с мышлением. Но не с той рассудочной его формой, которая развернута формальной логикой. А с формой разума, которая обнаруживает себя в этом нравственно-интегральном отношении человека к человеку. Без всякого рассудочного размышления, но с полной опорой на *истину* бытия, вошедшей в меня через опыт моей жизни внутри человеческих отношений. Более того, я должен уметь сознающим себя мышлением обосновать свою нравственную позицию как истинную»¹³.

Упрощение диалектики, сведение ее к трем законам, сослужило недобрую службу Советскому Союзу. Вот и учитель в повести, «наученный» закону единства и борьбы противоположностей, рвется в бой, дабы обрести единство. Все по закону. Но что-то коробит в его действиях, – то ли излишняя пылкость, то ли абсолютная уверенность в правоте. А может ожидание совсем другого финала после сомнений в себе Аркадия Кирилловича на малом педсовете, после встречи Коли с отцом в «одиночке»...

Ведь если серьезно говорить о диалектике, то Тендряков сначала ее обнаруживает в представлениях различных героев, высказывающих противоположные суждения о поступке Коли. И эти представления вовсе не «оба правы», а скорее «оба неправы». И далее эти внешние рассудочные представления снимаются в рефлексии Коли. И позиция учителя здесь не совсем понятна. Ведь если учитель как учитель, ставший расти из зерна гибели героического киргиза, то почему он не видит зарождения подобного «зерна» в Коле? Почему не верит в своего ученика, не идет за ним? Уж если приходится на суд, то вовсе не затем, чтобы «лезть на трибуну». Посидеть, помолчать, взглянуть в глаза подростку...

¹² Тендряков. Повести. С.601.

¹³ Лобастов. В пространстве противоречий. С.158.

Здесь, очевидно, сказывается противоречие самого писателя, – замечательно описав зачатие содержательного момента личности Коли, перспективы развития главного героя Тендряков не показывает, поскольку, предположительно, не видит.

Но вернемся в «одиночку» к Коле Корякину в день после убийства. Разберем диалектический переход, произошедший с ним. Коля обучался по методу, которому учитель не изменяет до конца повествования. Аркадий Кириллович воспитывает «по Маяковскому», – во что бы то ни стало нужно доказать детям и коллегам, – «что такое хорошо, что такое плохо». Привести героические примеры. Создать условия, чтобы ученики совершали правильные, нравственные поступки, – защищали слабых, не пасовали перед сильными и жестокими. Правильная теория обретала в правильной практике свой критерий. И вот все разрушилось, – правильная практика в одночасье стала неправильной. Коля был всем – стал ничем. Убийство. И Колю не волнует мнение коллектива и его любимой девушки. Он – убийца, а значит ничто. Так решил он сам. Он сам себе высший суд.

Но несмотря на то, что непосредственность этого высшего суда не подвластна внешнему отрицанию, само это «ничто», тем не менее, опосредствовано всем предшествующим Колиным бытием. «*Нет* ничего ни на небе, ни в природе, ни в духе, ни где бы то ни было, что не содержало бы в такой же мере непосредственность, в какой и опосредствование»¹⁴. Оказывается, Колина практика все-таки подтвердила теорию. Но не ту, по которой его учили. Колино «ничто» так и осталось бы мертвым абстрактным отрицанием, требующим лишь формального исправления предшествующей педагогической теории, добавления библейского «не убий» в нравственную установку учителя, если бы не видение им в камере ожившего отца. Доброго отца, пожалевшего канарейку. Именно добрый отец смог отождествиться с «ничто» Коли. Бытие доброты отца и ничтожество дьявольского поступка сына обрели тождество. В одночасье подросток стал взрослым. Зародилась личность.

И почему-то спокойно за Колю после этого момента. Человек, сотворивший сам, в собственной рефлексии, внутреннее противоречие, не так уж слаб. И такого уже не поставить на колени. Даже в уголовной среде, которая, по сюжету повести, ждет парня.

Но что же коллектив? Любимая? Любимая и коллектив считают, что Коля абсолютно прав. Ведь он же мать защищал! Что может быть святее на свете? Как солдат Родину!! Ведь их же воспитывали на героических примерах – чем больше убил фашистов, тем более ты

¹⁴ Гегель. Наука логики. С. 56.

герой. Да что там дети в повести! – Вся страна и поныне гордится снайпером Павличенко Людмилой Михайловной, убившей 306 солдат и офицеров противника в Великую Отечественную...

«Так правильно сын убил отца?» – спросил меня мой друг-учитель, когда я пришел к нему в гости обсудить повесть Тендрякова и сопряженную с ней статью Г.В. Лобастова «В пространстве противоречий воспитания». Я сначала удивился вопросу, а потом понял своего друга, – мне-то можно подумать, поразмышлять, порефлексировать, а ему завтра в класс. И ему нужно твердо знать, – «что такое хорошо, что такое плохо». Я внутренне дрогнул и сказал неуверенным голосом: «Да, правильно... ведь он же мать защищал. Иначе бы манкуртом стал». Мы помолчали. И я начал осознавать, что если принять мой ответ, то повесть Тендрякова пустая, а детальный разбор Г.В. Лобастовым повести – блажь профессора. Но если не принять... оправдаем безнравственность.

Но может и не задаваться этим вопросом? Может именно в этом вопросе корень безнравственности? В обучении по принципу, – «или – или», – или хорошо, или плохо. Известна фраза: «Великие поэты и художники – всегда философы». Сила писателя, пусть даже и не изучавшего досконально философскую классику, в том, что в своих лучших творениях он интуитивно приходит к диалектическим началам творчества.

Коллектив, Колин класс, обрисован писателем весьма пунктирно. Но в точке предельной рефлексии сняты все деятельные отношения подростка. Повесть заканчивается тем, что любимая девушка Коли плачет на плече учителя, а тот, в свою очередь, говорит, что это расплата. Расплата за что? Это им еще придется понять...

Как и придется понять логику становления субъективности любому, берущемуся воспитывать ребенка. Понять становление этой логики у исторического человека. Осознать точки расхождения, не совпадения филогенеза и онтогенеза. Религия, конечно, выводит на абсолютные основания бытия, пробуждает человеческое отношение людей друг к другу, но этого мало, поскольку в религии выход в собственно человеческое происходит через веру. Если идти действительно этим путем, то ни о каком развитии мышления у ребенка речь не будет идти. Вера всегда будет дополнением к эмпирической позиции педагога, в которой все противоречия представлены внешним образом, – как это было у Родиона Раскольникова, у Коли Корякина, а внутренние противоречия зарождались у литературных героев лишь после убийства. И даже жесткое насаждение (или настойчивое мягкое) заповеди «не убий»,

картины мышления ребенка не изменит. Необходимо научить всесторонне продумывать свои действия до действия, исходя из абсолюта, в котором противоречивость ситуации уже заложена. С самых первых шагов жизни. Жизни, в которую младенец входит абсолютным ничто.

Здесь важно понять как значимость рефлексии первого круга – непосредственной первичной предметной деятельности малыша, так и необходимость рефлексии второго круга, – творчества в идеальной форме. Ведь труд, который исторически создал человека, не есть чистая орудийная деятельность. Уже с первых шагов становящегося человечка должна присутствовать свобода, которая «осуществляется только в труде как широко понятой категории, т.е. в общественной предметно-практической и духовной деятельности человека»¹⁵.

Именно здесь и нужно искать точки несовпадения филогенеза и онтогенеза. Исторически предчеловек делает шаг к свободе действительно с сохранения орудия в своей жизнедеятельности. Но когда же орудие становится орудием труда? Очевидно, когда обращение одного предчеловека к другому при помощи орудия войдет в привычку, станет постоянным. Но и это еще не труд «как широко понятая категория». Должна пройти всесторонняя орудийная рефлексия, понимаемая сначала как тождество, удерживающее сообщество предлюдей, потом внутри этого тождества появляются различия как обращения индивидов как с орудием, так и индивидов друг с другом при помощи орудия, «различие – отчасти как разность, отчасти как *противоположность*¹⁶. Но «лишь доведенные до крайней степени противоречия, многообразные [моменты] становятся деятельными и жизненными по отношению друг к другу и приобретают в нем ту отрицательность, которая есть имманентная пульсация самодвижения и жизненности»¹⁷. Рождается Человек. Противоречие первичной орудийной деятельности разрешается в основание.

Гегель абсолютно по праву категорию формы делает первой категорией, раскрывающей основание. «Форма есть завершенное целое рефлексии»¹⁸. Здесь момент тождества исторического и логического. Но здесь же и точка расхождения филогенеза и онтогенеза.

Первичная идеальная форма удерживает в снятом виде атрибутивное свойство человека, – отношение к противоречию. Противоречие орудийной деятельности представлено в первых

¹⁵ Лобастов Г.В. Философско-педагогические этюды. – М.: «Микрон-принт», 2003. – 328 с. – С.56.

¹⁶ Гегель. Наука логики. С. 406.

¹⁷ Там же. С. 14.

¹⁸ Там же. С. 407.

религиях, мифах. Это превращенные формы. Но, тем не менее, формы. А значит, в них присутствует абсолют, – *целое* как завершенность первичной орудийно-чувственной рефлексии. Как отмечалось 17.04.2021 на Михайловских чтениях в дискуссии по антропогенезу, антропологи тщетно ищут, раскапывая кости, переходную ступень между обезьяной и человеком¹⁹. Потому и не могут найти, что не там ищут. «Костяная логика», – саркастически пошутил профессор В.С. Возняк по ходу дискуссии. Действительно, искать нужно не в костях, а в историческом пространстве, где человека еще нет, но он уже есть, – в первичной орудийной деятельности.

Идеальная форма становится законом. Законом, порождающим *взаимопомощь* индивидов сообщества, утверждающим *целое* человеческого коллектива. Исторически первая идеальная форма – превращенная. Что это значит? В логическом ключе превращенная форма, – это форма как таковая, далее, по Гегелю, производящая из себя материю и содержание. В историческом действии так и происходит, – превращенная идеальная форма буквально производит из себя содержание человеческого бытия, – труд. Но что же здесь является материей, если мы примем это понятие, как его дает Гегель? «Материя есть ... простое лишенное различий тождество, которое есть сущность, с определением – быть иным формы»²⁰.

Очевидно, такой «материей» является непосредственная орудийно-чувственная деятельность. «Материя ... положена так, чтобы соотноситься только с самой собой и быть безразличной к иному; но *в себе* она соотносится с формой, ибо содержит снятую отрицательность и есть материя лишь через это определение. Она соотносится с формой как с *иным* лишь потому, что форма в ней не положена, что она форма лишь *в себе*. В ней в скрытом виде содержится форма, и лишь потому она абсолютная восприимчивость к форме, что абсолютно имеет ее внутри себя и что таково ее в себе сущее определение»²¹.

В деятельности предлюдей самой «деятельности» еще не было, поскольку *целое* человеческого коллектива еще не вошло «абсолютно внутрь» всех взаимоотношений первобытного сообщества. После разрешения противоречия первичного орудийного обращения такое *абсолютное овнутрение* происходит. Как в логике самого орудийно-чувственного процесса, так и в деятельности фантазии, помогающей создать содержательный образ, образ труда. Вся окружающая

¹⁹ Международная научная конференция «Загадка человеческого Я». 17.04.2021 – <https://youtu.be/0t0Q5tQ9b7g>

²⁰ Гегель. Наука логики. С. 408.

²¹ Там же. С. 409.

природа втянута в этот образ, все «разумное действительно» (Гегель), хотя разум здесь еще не обрел своей собственной формы.

Что и как формируется в этом процессе? – В первую очередь ум, универсальная мыслящая способность действия с вещью. В какой мере эта способность сформирована у человека, в такой степени он и свободен. Здесь и развивается способность до действия, в идеальной форме обсуждать, планировать, соотносить предполагаемые ситуации того или иного ответного отклика «вещи», прогнозировать свои ответные действия, представлять, творить новые орудия, которых в реальной практике еще нет. Миф абсолютно реален, поскольку его нельзя вычленивать из непосредственной орудийно-чувственной деятельности. Миф органически вплетен в процесс жизнедеятельности первых людей. Связанный незримыми узами с логическими формами непосредственной орудийной деятельности, миф формирует *общественность* человека, с первых шагов его существования понимаемую как *неэмпиричность*, поскольку в основание действия положена не сама конечная и случайная вещь, а *абсолют*, сотворивший род. С самого начала существования исторического человека индивид подчинен этому абсолюту, зависим от него. Свободное творчество обернулось зависимостью от Творца. Человек становится абсолютно зависим от сотворенного им самим. Как не раз отмечал В.С. Возняк, *человек обречен творить*. С самых первых исторических шагов.

В истории философии проблема снятия эмпиризма впервые была поставлена Юмом. Юм «непосредственно исходит из локковско-бэконовской философской точки зрения, согласно которой мы черпаем наши понятия из опыта, и его скептицизм простирается также и на берклиевский идеализм. Дальнейшее развитие мысли заключается в следующем: Беркли оставляет нетронутыми все понятия; у Юма же противоположность между чувственным и всеобщим стала чище и высказана резче, так как он определяет чувственное как совершенно не имеющее в себе всеобщности»²². Далее движение философской мысли через Канта и всю классическую немецкую диалектику привело к Гегелю, к *пониманию* человека как абсолютно общественного существа. Весь могучий круг человеческой истории представлен в «Науке логики» Гегеля, – от абсолютной зависимости от свободы, от растворенности

²² Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. – Кн. 3. – СПб.: Изд-во «Наука», 2006. – 582 с. С.433.

человеческого Я во всеобщем рода, от предельной подчиненности Творцу рода, до абсолютной идеи, которая и есть абсолютный субъект, *личность*.

Поэтому, если и говорить о методическом преобразовании работы школы, то это, в первую очередь, преобразование мышления самого учителя, освоение им исторически проработанных логических форм становления субъективности. Иначе школа будет витать в «представлениях» и «общих мыслях». Нам же нужно обнаружить *всеобщие основания* психолого-педагогической деятельности.

С чего же начинать педагогическое действие по формированию личности? Ведь исторический человек сам создает идеальную форму, разрешая противоречие первичной орудийной деятельности. И здесь моменты филогенеза и онтогенеза не совпадают, поскольку, когда рождается младенец, идеальная форма уже присутствует в его окружении, и все встречающиеся ему предметы, – это продукты труда. Действительного труда, вобравшего в себя как реальную, так и идеальную практику. Как здесь быть? Как сделать внешнее внутренним? По проблеме интериоризации написано море психологической литературы, но нам нужно вычистить этот «миллион случаев» до логической формы. До точки, где совпадает начало логики становления абсолютного субъекта и логики становления личности индивида. Точки тождества бытия и ничто, изначального тождества бытия и мышления.

Зафиксируем более четко проблему, – почему и как расхождение, и где тождество филогенеза и онтогенеза? Тождество – в том, что начало в обоих случаях в орудийно-чувственной деятельности. Различие – в том, что в онтогенезе младенец вступает в жизнь в уже сформированное трудом предшествующих поколений общество. И предметы труда, и идеальные формы уже присутствуют в этом обществе. Но и в младенце имеется в *возможности* способность взаимодействовать с орудиями и осваивать наличные, и создавать новые идеальные формы, присутствует творческое начало в виде его абсолютной беспомощности, генетической не закреплённости в организме механизма какой-либо особенной деятельности. Ребенок при рождении абсолютное ничто, поэтому он способен стать всем, благодаря развитию в себе универсальной мыслящей способности.

И здесь на первый план выходит проблема целеполагания. Как в деятельности с различными отдельными предметами человеческой

культуры вывести малыша на единое человеческое основание? Ведь, повторяюсь, в *возможности* это основание уже присутствует у младенца. Развитию этой *возможности*, очевидно, будет немало способствовать свободное экспериментирование с предметом. Маленький мальчик, к примеру, может построить свой дом. – Загрузить совочком в игрушечный грузовик песок, проложить на нем дорогу к стройке, привести песок на место строительства, начать строить дом, в котором он хотел бы жить ... Ну как здесь не вспомнить Канта? «Для того чтобы познать что-то в пространстве, например линию, я должен *провести* ее, стало быть, синтетически осуществить определенную связь многообразного, так что единство этого действия есть вместе с тем единство сознания (в понятии линии), и только благодаря этому познается объект (определенное пространство)»²³. Развивая мысль Канта, хочется предположить, что, пролагая дорогу к «стройке» на игрушечном грузовике, малыш удерживает в своем сознании не только образ дороги, не только образ всего своего «строительства», но и формирует всеобщую схему чувственного взаимодействия с вещами, – создает собственное *пространство* игры, абсолютно тождественной с его жизнедеятельностью. У Канта категория пространства задана априорно. Малыш в свободном экспериментировании с предметом «переворачивает Канта», творя, повторяюсь, не отдельный чувственный образ, а всеобщую схему действия, – впервые осуществляя *тождество субъективного и объективного*, – возможности самого предмета и собственной творящей способности. А это и есть исходная точка тождества мышления и бытия, у Гегеля, – первая логическая категория, – бытия, тождественного с ничто.

Хочет этого педагог-психолог или не хочет, но он обязан реализовать *возможность* ребенка стать «маленьким Марксом». «В марксовом анализе вещь в себе, бытие, развернуто в рамках предметно-преобразовательной деятельности – и только потому в мышлении, в кантовском – бытие разворачивается деятельностью сознания в его явлении, совпадающем с формами этой деятельности. Э.В. Ильенков как-то заметил, что Фихте есть перевернутый Спиноза. Напрашивается аналогия: Маркс есть перевернутый Кант»²⁴.

²³ Кант И. Критика чистого разума. – М.: «Эксмо», 2007. – 458 с. – С.132.

²⁴ Лобастов Г.В. Предисловие // Философия Канта в критике современного разума: Сборник статей. – М.: «Русская панорама», 2010. – С. 7-9. – С.9.

Именно находясь на позиции «маленького Маркса», то есть, творя в своей ранней предметно-преобразовательной деятельности образ *пространства*, малыш способен к вычленению и удержанию в *пространстве* своего *воображения* чистой формы дороги грузовика к «стройке» – линии. Линии, которую потом «мудрые преподаватели» тщетно пытаются «преподнести» на уроках геометрии как нечто бездеятельное и не имеющее реального бытия. А ученик брыкается и идет играть в футбол вместо выполнения домашних заданий по «проведению линий». Учитель его за это ругает, не понимая, что именно на футбольном поле воспитанник занимается геометрией сложнейшего уровня, ибо прежде чем работать ногами, он ежемгновенно прочерчивает, пересекает, соотносит прямые, выстраивает треугольники и т.д., которые – все эти движения и предваряющие их геометрические образные построения – следовало бы анализировать на уроках геометрии с выходом из планиметрии в стереометрию. Маленький футбольный «хулиган» занимается и физикой с кинематикой, ибо в игре важна скорость, сила удара, его особенность, связанная с направлением полета мяча. А ежемоментное разрешение противоречия между «Я игрока» и «Мы команды» к какому предмету отнести?

Большой круг человеческой истории (филогенез) задает вектор движения и малым рефлексивным кругам в процессе онтогенеза. Творя в *рефлексии первого круга* (непосредственная предметная деятельность) образ пространства, малыш впервые обретает тождество субстанции (объективной реальности), в котором мышление и бытие находятся в тождестве, содержащем различие, далее, саморефлектирующее Я должно выявить свое Я как чистое, а потому находящееся в разных (безразличных) отношениях с различием. Очевидно, это основная задача *второго круга рефлексии*, в которой абсолютно снята предметно-чувственная рефлексия.

Поэтому здесь вполне уместно и логично обратиться к творчеству исторического преемника Канта, считавшего себя его учеником. Фихте отбрасывает непознаваемую вещь в себе, утверждая новое понимание свободы, которое через Гегеля войдет и в марксистскую философию. Свобода не в непознаваемости, а в познаваемости мира! Гегель высоко оценил революционную роль в теории познания своего непосредственного логического предшественника. Именно непосредственного, поскольку понимание

природы как «застывшего интеллекта» у Шеллинга собственно логическим исследованием не было. «Самосознание мыслит, что оно есть самосознание; благодаря этому оно есть для себя, но оно есть для себя пока что еще в отрицательном отношении к другому. Это – бесконечная субъективность; последняя выступает перед нами отчасти у Канта – как критика мышления, отчасти у Фихте – как стремление к конкретному. Абсолютно чистая, бесконечная форма выражена как самосознание, «я»... Эта молния ударяет в духовную субстанцию, и, таким образом, абсолютное содержание и абсолютная форма оказываются тождественными – субстанция тождественна внутри себя с познанием»²⁵.

Именно это взрывное и одновременно объединяющее с субстанцией начало необходимо развить в маленьком человечке. Поэтому так важно не «предлагать задания» по путешествию снеговика по временам года, а положить перед ребенком чистый лист бумаги: «Рисуй что хочешь!». «Но это же будут каляки-маляки!», – скажет «продвинутый» психолог. Но это будут *его* каляки-маляки, *его* фантазия, снятие *его* собственной предметно-чувственной рефлексии. Это и будет превращенная форма, в которой представлено *в целом* все пространство человеческих смыслов. Форма, способная к превращению в логическую форму, ведь «линии» ребенок уже проводит, проводит их *сам* без какой-либо предзаданности сюжета, но, тем не менее, по *качеству* они отличаются от «линий», проводимых обезьяной. Обезьяну также можно *обучить* «проводить линии», но лишь человек способен *научиться* этому процессу.

У Фихте этот процесс представлен в чистом виде и имеет своим принципом «противо-толчок, *Gegen – Anstoss*, как преодоление данного»²⁶. Но в чем природа побуждающего импульса Фихте? Его природа в том, что в любом своем действии человек отталкивается от сделанного им самим, от не-Я. Следовательно, вся объективная действительность есть лишь не-Я, от которого Я способно оттолкнуться. А это и есть субстанциальный способ познания, отождествление Я-субъекта с субстанцией. Достоевский абсолютно четко фиксирует принцип Фихте в деятельности Родиона Раскольникова, – если бы не было Преступления, то не было

²⁵ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 3. – СПб.: Изд-во «Наука», 2006. – 582 с. – С. 569.

²⁶ Ильенков Э.В. Фихте и «свобода воли» // Ильенков Э.В. Философия и культура. – М.: Политиздат, 1991. – С. 108-115. – С. 111.

Наказания! Аналогичным образом и Ильенков «как на ладошке» раскрывает «понятие наукоучения». – «Ведь чтобы что-то проверить (верно или нет?) – надо сначала сделать? Иначе нечего проверять...»²⁷. Конечно, здесь Ильенков «обманчиво прост», ведь требуется еще и понять изначальную простоту педагогики.

Фихте как конечный человек умер в начале XIX века, но как *личность* он переживает сейчас вторую молодость. Неспособность сделать учение Маркса своим и родным, неспособность понять, что в культуре Я тождественно Мы, точнее, как и почему Я становится Мы, и почему Я всегда Мы, почему в родовом строе Я еще нет, а в предельно развитой коммунистической формации Я уже нет, но, тем не менее, во всем движении исторического человека Я есть, – привело к тому, что битву за человека, за человеческое Я, Советский Союз проиграл. И именно сейчас, в период реакции, как никогда злободневно звучат слова Иоганна Готлиба Фихте: «В особенности же я считаю нужным напомнить, что я не хотел всего сказать моему читателю, но стремился оставить ему кое-что также и для его собственного размышления. Есть целый ряд недоразумений, которые я, конечно, предвижу и которые я мог бы устранить двумя словами. Но я не сказал и этих двух слов, так как я хотел способствовать самостоятельному мышлению»²⁸.

Поневоле хочется поддаться на «провокацию» великого немецкого мыслителя и высказать пару «самостоятельных мыслей» по проблеме «модернизации современного образования».

1. Если говорить о деле современной теоретической педагогики, то оно идет из рук вон плохо. Неспособность не только практиков, но и теоретиков Учительствования войти в серьезные темы философской классики, сопряженные с проблемой личности, приводят к повальному эмпиризму как в умах, так и в делах учителей. Великое сражение с эмпирическим способом мышления, которое начал Кант, идет до сих пор, и, увы, не в пользу понимания личности учителем, а в пользу, как сказал на вышеупомянутой конференции в Красноярске Г.В. Лобастов, «ампутации ума». «Через простое соединение частей никогда не может возникнуть нечто такое, чего нельзя было бы найти в одной из частей целого»²⁹. Увы,

²⁷ Там же. С.109.

²⁸ Фихте И.Г. Сочинения в двух томах. Т. 1. Наукоучение. СПб.: Мифрил, 1993. – 687 с. С.71.

²⁹ Фихте И.Г. Сочинения. – СПб.: «Наука», 2008. – 752 с. С.36.

эти слова Фихте целиком про нашу педагогику. Мы все соединяем и соединяем «по-простому», а на выходе личности-то не получается! Почему? – «Соединение» это сплошь и рядом механическое, цель не тождественна понятию. *Целое*, весь человеческий род *в целом* должен быть представлен в начале вхождения ребенка в культуру. В виде чего? И Фихте дает нам подсказку – в виде абсолютной формы, формы, порождающей по Гегелю (и по Фихте тоже! – за что его высоко ценит Гегель) содержание. Единственная форма, которая может породить содержание человека, – труд, понимаемый как категория, – это форма Я. «Эта форма может подходить только к этому содержанию, а это содержание – только к этой форме»³⁰. В процессе онтогенеза акцент смещается, – насколько справедливо, что труд порождает человека, настолько же верно, что и *человек порождает труд*, – индивид, развивая свое творческое начало, становится человеком.

³⁰ Там же. С.43.

**Глава 2. СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ
ТРАНСФОРМАЦИИ КАК ВЫЗОВЫ: СОЦИАЛЬНЫЕ
ПЕРСПЕКТИВЫ И СОЦИУМНЫЕ ТУПИКИ**

2.1. Сущность и формы общественного генезиса¹

А.П. Петров

Процесс создания человеком искусственной природы, начавшись с возникновения земледелия и скотоводства, с самого начала зависел исключительно от внешних, географических и климатических условий и только с укреплением материальных возможностей человека началось расширение зон земледелия и скотоводства, их конвергенция, возникновение и развитие ремёсел (а затем и промышленности) и, как следствие, постепенное обретение относительной самостоятельности по отношению к природе.

Создание этих первичных рукотворных зон сопровождалось формированием общностей людей, связанных в целостный организм общей жизнедеятельностью на определённой территории – начался интенсивный процесс возникновения и формирования человеческих сообществ, называемый *этногенезом*, который можно определить как *процесс становления человеческих сообществ, объединённых общей жизнедеятельностью в конкретных географо-климатических условиях (в конкретном ландшафте)*, который представлял собой *тождество противоречивых процессов: создание человеком искусственной природы (антропогенного ландшафта) и одновременное приспособление человека уже к ней, а не к природе как таковой*.

До момента выхода человека из гомеостаза с природой его развитие определялось внутренним противоречием природа-человек, т.е. процесс *филогенеза* происходил у предчеловека в форме его *эволюционного приспособления к среде*, как у животных. Этот процесс оставил своим следствием *расовые* различия, возникшие у популяций, проживавших в разных географо-климатических зонах.

Новый процесс, процесс *этногенеза* детерминирован *новым внутренним противоречием*, сменившим прежнее, теперь уже *между человеком и создаваемой им искусственной природой*. Этногенез начался в условиях полного отсутствия антропогенного ландшафта и по этой причине *на формирование этносов и их качеств существенное влияние оказали природные условия, географические и климатические*. Поскольку процесс создания искусственной природы происходил под сильным давлением природно-климатических условий и в значительной мере определялся ими, то это проявилось в

¹Данный текст основан на анализе и выводах, изложенных в книге: Петров А.П. «Субстанциональный монизм как диалектика материального и идеального и основополагающий принцип саморазвития реальности». – М.: Онто-Принт, 2018.

форме возникновения у человеческих сообществ, обитавших в разных географо-климатических зонах, различных форм общественно-хозяйственных отношений, а также разных качеств, как индивидуальных, так и коллективных – т.н. этнических признаков.²

Затухающий процесс *филогенеза* сформировал те этнические качества, которые выступают как различные *морфологические* признаки этносов.

Пришедший ему на смену процесс *этногенеза* создал те качества этносов, которые предстают как их *этнические качества-культурные, этические, ментальные, хозяйственные (экономические) и социальные* – проявляющиеся в жизнедеятельности и отражённые и закреплённые в этническом сознании (и общественном и, как следствие, индивидуальном).

Таким образом, *расовые морфологические признаки есть результат эволюционного приспособления человека к природе* (в т.ч. и создаваемой искусственной), а *этнические признаки – следствие процесса создания искусственной природы и приспособления уже к ней, результат саморазвития субстанции³ человек в процессе создания им искусственной среды обитания.*

Как следствие, *филогенез в биологической форме прекратился, имея своим результатом закрепление расовых морфологических признаков.* (Остаётся открытым вопрос о возможных генетических изменениях человека в новых условиях – в условиях созданной им искусственной природы. Отрицать возможность таких изменений, значит сойти с позиций диалектики, поскольку искусственная среда также непостоянна, она изменяется, приспособливается человеком к своим нуждам. Очевидно, что такие изменения, облегчая жизнь человека, тем самым устраняют необходимость в некоторых защитных и приспособительных механизмах, появившихся в результате предшествующей эволюции. Одновременно возникают условия, с которыми человек не сталкивался в своём природном развитии. Как это сказывается на человеке – вопрос естественных наук и дополнительных исследований).

Как мы отметили, с началом создания искусственной природы развитие человека сменило свою форму и из формы *филогенеза* перешло в форму *этногенеза*, в результате которого появились человеческие сообщества, приспособившиеся к жизни путём создания искусственной среды обитания в конкретных географо-

² На основании огромного эмпирического материала процесс этногенеза в общем виде достаточно подробно исследован Л.Н. Гумилёвым. Несмотря на то, что его работы далеко не бесспорны, в них есть много рациональных моментов.

³ Вернее, субстанций – сообществ людей, занятых совместной деятельностью на определённой территории и отличающих себя от других сообществ.

климатических условиях.

То есть процесс этногенеза характеризует этнические сообщества со стороны их *внутренней тождественности*, общности, сформировавшейся под влиянием и внешних, и внутренних противоречий, которые возникали и разрешались в *особенных* для каждого этноса формах.

По этим причинам каждый этнос уникален, его этнические качества – это его *особенное*, заключающееся в особенностях жизнедеятельности по созданию конкретного антропогенного ландшафта (искусственной среды обитания, искусственной природы) в конкретных природных условиях, что имеет следствием конкретные же хозяйственные (экономические) и общественные формы. В процессе этногенеза материальная сторона жизнедеятельности отражается в самосознании этноса и т.о. формируется его этническое самосознание (т.е. идеальное, которое неотделимо от материального, условий жизни), в свою очередь влияющее на материальную деятельность этноса.

Этнос, сформировавшийся вследствие действия рассмотренных факторов, ощущает себя как *целое* и это ощущение (которое является следствием материально-идеальных процессов жизнедеятельности этноса, отражённых в сознании этноса и его членов) определяет границу, отделяющую его от других подобных человеческих сообществ.

Т.о. особенное этническое бытие – и материальное, и идеальное – объединяет этнос в единое целое, *отождествляет* его внутренние процессы и структуры и потому внутри этноса это особенное по отношению к нему самому выступает уже в форме всеобщего, характерного только для этого этноса. Такая этническая тождественность прочнейшим образом закрепляется в самосознании как этноса, так и его членов и противопоставляет этнос другим этносам.

Но процесс этногенеза как диалектически протекающий процесс внутри себя также и *отрицает* отмеченную тождественность, что проявляется в форме *внутренней дифференциации* этноса, как формирование групп людей, объединяемых общим участием в каком-либо внутриэтническом процессе (например, одной деятельностью). Вследствие наличия таких процессов этнос как общность внутри себя дифференцируется на группы людей (слои, классы, касты, сословия и т.п.), характеризующихся общностью деятельности и положением в сообществе.

Процесс внутренней *дифференциации* этноса есть уже процесс *социогенеза*, процесс внутреннего усложнения этноса и

возникновения его социально-иерархической структуры. Процессы социогенеза ускорились тем обстоятельством, что небольшие кровно-родственные общности были не в состоянии производить приспособительные изменения природы, масштаб которых постоянно возрастал и по этой причине человеческие сообщества стали увеличиваться численно.

Весьма важным является вопрос о соотношении этногенеза и социогенеза. До сих пор мы рассматривали эти процессы, в основном, со стороны эмпирии, явления и, прежде чем ответить на заданный вопрос, обобщим сказанное выше, для чего напомним какова сущность и соотношение категорий общего, единичного и особенного.⁴

«Всеобщее (общее) – внутренняя тождественность субстанции, снимающая в себе все определённости (отрицательности, противоречия) и выступающая как результат движения субстанции.

Единичное – внутренняя отрицательность субстанции, представляющая как иная, отрицающая сторона тождественности, побуждающая к изменению и возникновению новых форм субстанции...

Особенное – отношение опосредствования между всеобщим и единичным, между тождественностью и отрицательностью».

Таким образом, процессы отождествления, обобщения, становления есть процессы создания целого, в котором особенное и единичное, актуально существуя, детерминируются общим. Общее посредством особенного определяет, что из возникающего единичного жизнеспособно и допускается к существованию.

Процессы же, выражающие внутреннюю отрицательность субстанции, её способность к самодвижению, дифференцируют субстанцию, усложняют её внутреннюю структуру и внутренние процессы. Постоянно возникающее единичное пройдя сито отбора общим и особенным, дополняет и усложняет общее, которое, тем самым, также изменяется.

Процесс этногенеза, имеющий основанием процесс создания искусственной природы, представляет собой возникновение и движение целого, этноса. Он отождествляет (снимает) в себе внутриэтнические потенции и процессы и как таковой является детерминирующим фактором, стабилизирующим внутренние колебания процесса движения и объединяющим части в целое.

Процесс социогенеза как реализация потенции отрицания внутри процесса этногенеза имеет результатом внутреннюю

⁴Петров. «Субстанциональный монизм...». С.106-107.

дифференциацию, усложнение этноса, что, в свою очередь, влияет на этнос в целом.

Однако, истина заключается в том, что в действительности нет двух разных процессов. И процесс этногенеза, и процесс социогенеза это, по сути, *единый диалектический* общественный процесс, предстающий и в диалектике объективного (реальности), и, соответственно, в диалектике субъективного (мышлении) с разных своих сторон – тождественности (объединения частей в целое, становления общего) и отрицательности (дифференциации, внутреннего усложнения). Единство отмеченных сторон объясняется тем, что они могут существовать только как стороны одного целого – субстанционального процесса объективной действительности, развивающегося человеческого сообщества.

Итак, вопрос о соотношении этногенеза и социогенеза решается таким образом, что этногенез, представляющий процесс общественного развития со стороны тождественности, формирования целого является по отношению к социогенезу детерминирующим общим. Социогенез, представляющий собой внутреннюю дифференциацию общества (этноса), соотносится с этногенезом как особенное и единичное (что предстаёт в форме индивидов, а также небольших групп индивидов) с общим.

При рассмотрении соотношения всеобщего (общего), особенного и единичного также отмечалось, что «в иерархии субстанциональных форм всегда можно определить категории общего, особенного и единичного, которые, в зависимости от иерархического уровня меняют свою форму – из общих становятся особенными, из особенных единичными и наоборот».

Это значит, что, сделав, в свою очередь, процесс социогенеза предметом отдельного анализа в нём также можно определить общее, особенное и единичное, а, следовательно, тождественность и отрицательность как процессы становления целого и, одновременно, дифференциации, усложнения. Но не будем углубляться в эту весьма сложную тему.

Определив в общем, абстрактном виде соотношение процессов этногенеза и социогенеза конкретизируем формы, в которых они существуют.

Процесс этногенеза основан на создании искусственной природы (и неотделим от неё), которая, по мере её развития и усложнения и превращения природного ландшафта в антропогенный, оказывает, в свою очередь, адекватное воздействие на процессы этногенеза и социогенеза.

Во-первых, по мере развития и усложнения искусственной

природы она предоставляет человеку всё более и более возможностей для удовлетворительного, а затем и всё более удобного существования. По этой же причине человек становится всё более независимым от внешней природы. Как следствие потенциал внешних противоречий с природой и внутренних противоречий с искусственной природой ослабевает и процесс этногенеза замедляется, а на определённом уровне развития искусственной природы останавливается (или почти останавливается).

В-вторых, вследствие развития и усложнения искусственной природы происходит её унификация в зонах обитания разных этносов и, следовательно, этногенез в них также унифицируется и т.о. процессы этногенеза теряют свою *особенность* по отношению к разным этносам. Т.е. фактор создания искусственной природы на разные этносы начинает действовать одинаково и потому в качестве определяющего их разные качества может уже не рассматриваться.

Можно сделать общий вывод, что по мере развития и усложнения искусственной природы и создания человеком антропогенного ландшафта (ноосферы) эти факторы унифицируются и, как следствие, процессы этногенеза приобретают обратную тенденцию – к замедлению и полной остановке.⁵ Одновременно вследствие резкого роста численности этнических сообществ и, соответственно, появления в них новых видов деятельности и общественных функций значительно активизируются процессы внутренней дифференциации сообществ, то есть – процессы социогенеза.

Значительно усилившийся и ускорившийся процесс внутренней дифференциации сообществ как рефлексия их внутренней отрицательности должен диалектически дополняться процессом отождествления, становления целого. Логика же развития действительности, рассмотренная выше, показывает, что процесс отождествления в *форме этногенеза* практически завершился. Но процесс общественного развития не может осуществляться без постоянного становления целого и, значит, процесс отождествления, обобщения как таковой принципиально не может завершиться.

И этот процесс совершается, но уже в другой форме – в *форме*

⁵ Этот общий вывод, однако, не элиминирует того обстоятельства, что в условиях революционных изменений общества, которые могут привести к значительной деградации материальных условий его жизнедеятельности (т.е. резкому изменению одной из сторон противоречия человек-искусственная природа), способны возникнуть процессы, близкие по своей сути к процессу этногенеза. В этносах, входящих в общество, могут инициироваться парагенетические процессы, приводящие к определённому изменению этнических качеств, некоторому усилению или, напротив, ослаблению этноса. Парагенетическими эти процессы являются потому, что основной процесс этногенеза, сформировавший этнос, уже завершился. К тому же процесс этногенеза занимает длительное историческое время, а революционные процессы (и вызванные ими парагенетические процессы) исторически кратковременны.

возникновения наций как объединений разных этносов (условно можно назвать этот процесс *нациегенезом* или *нациестроительством*). В этих, теперь уже национальных сообществах, национальным (всеобщим) самосознанием обладает только этнос, являющийся *объединяющей* основой нации, *доминирующим* этносом. Этноты же, имеющие подчинённое по отношению к нему положение, сохраняют почти неизменным этническое самосознание. И это объяснимо – доминирующий этнос распространяет свою деятельность на *всю* подчинённую территорию, другие же этноты остаются, в основном, в прежнем ландшафте и в значительной мере сохраняют исторические формы своей жизнедеятельности.

По мере развития искусственной природы и распространения её на все географо-климатические зоны и на территории проживания разных наций искусственная природа всё более и более унифицируется и процесс отождествления, создания общего целого переходит в новую форму – *глобализацию*, становление единого человечества.

Скажем ещё несколько слов о глобализации.

Маркс исследовал высшую, каноническую, совершенную форму современного ему капитализма – капитализм частной свободной конкуренции. Но он уже отмечал дальнейшую трансформацию этой формы и зарождение новой формы капитализма – акционерного капитализма.

Акционерный капитализм достиг своего расцвета в конце 19-начале 20 века и совершенно неизбежно, в соответствии с диалектикой развития, конкретизированной в форме законов конкуренции и концентрации производства, перерос в новую форму, которую Ленин определил как государственно-монополистический капитализм, империализм – высшая стадия капитализма.

Государственно-монополистический капитализм достиг своего предела во второй половине 20 века и начался процесс перехода его в новую форму – *надгосударственный* транснациональный капитализм, что не совсем верно называют *глобализацией*.

Следуя принципу субстанционального монизма нетрудно увидеть, что *истинная* глобализация есть особенное, которое характерно для человеческого сообщества, по отношению к всеобщему – принципу субстанционального саморазвития, объемлющему всё сущее. С этой точки зрения *глобализация есть объективный субстанциональный процесс, заключающийся в становлении единого человечества*. Возникновение же новых форм надгосударственного, транснационального капитала есть форма

глобализации *собственно капитала, а не человечества* в целом. Но глобализация капитала оказывает сильнейшее воздействие на процесс глобализации человечества и это очень тревожный признак.

Принцип субстанциональности, проявляющийся в саморазвитии, осуществляемом через снятие предыдущего противоречивого состояния и возникновении качественно нового, также противоречивого состояния, имманентно предполагает действие законов концентрации и централизации в разных их формах (каждое снятие сохраняет в *новой форме* качественные и количественные стороны снимаемого и этот процесс продолжается далее), что необходимо имеет следствием соответствующие процессы в реальности.

Внутренние противоречия необходимо направляют развитие в сторону возрастания материальных и идеальных потенций сообществ – сообщества растут количественно и развивают свои материальные и идеальные (познавательные, культурные, нравственные и т.д.) возможности.

Внешние противоречия (к которым относятся, например, противоречия между разными странами) имеют своим следствием подчинение слабых сообществ более сильным, вхождение в сферу их влияния, либо уход таких сообществ с исторической сцены. В результате возникают региональные, а затем и глобальные сферы влияния наиболее сильных государств (либо их объединений, в которых обязательно есть всеми признаваемый лидер, главенство которого определяется как экономическими факторами (материальное), так и способностью навязать своё видение мира (идеальное) другим субъектам геополитики).

Но с возникновением сфер влияния процесс глобализации не заканчивается, он исторически неизбежно ведёт далее – к объединению человечества в единое сообщество. И определяться этот процесс будет тем союзом государств, который будет иметь бóльшую силу, как материальную, так и идеальную (знание – как понимание происходящих процессов, и идеологию – как использование этого знания в своих интересах). Причём роль идеального (и в форме знания, и в форме идеологии) в дальнейшем будет только возрастать.

Сейчас материальная сила пока на стороне Запада и глобализация имеет форму, соответствующую господствующим на Западе общественным капиталистическим отношениям, которые детерминируются, в свою очередь, надгосударственным финансовым капиталом. Но форма глобализации может быть и другой, гуманистической, в интересах не исключительно финансового

капитала, а всех людей, что зависит от того, какая доминирующая сила в дальнейшем будет определять направление и содержание процесса глобализации.

Западный финансовый капитал ещё не подчинил себе полностью все страны мира, хотя и обладает огромным влиянием на мировые процессы. Сопротивление ему нарастает, и это гуманистическое действие даёт оптимистическое основание надеяться, что ещё далеко не «конец истории». Тем более, что на наших глазах вырастает новый мировой лидер, Китай, который фактически уже на равных ведёт разговор с западным центром силы, более того, перехватывает инициативу в постановке повестки дня будущего, и к которому склоняется всё больше стран мира⁶.

Главные события, которые определяют судьбу человечества, впереди, а потому будем завидовать нашим потомкам и напутствуем их словами Ф.И. Тютчева – «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые! Его призвали всеблагие как собеседника на пир». Как со-беседника, как равного в деяниях, как *активногосубъекта*, постараемся же оправдать надежды всеблагих...

Подведём итог.

На основании проделанного анализа можно сделать обобщающий вывод – этническое, национальное, глобальное (и соответствующие формы сознания) по отношению к социальному, классовому, групповому (и их формам сознания) выступает как отождествляющее, объединяющее (общее) по отношению к отрицающему, дифференцирующему (особенному, ограниченному, а в отношении малых социальных групп и единичному).⁷

Т.о. анализ, проведённый с точки зрения субстанционального монизма, логически приводит к выводу, что с субстанциональной точки зрения человек как субстанция развивается посредством двух взаимосвязанных процессов:

– изменения внешнего окружения, создания и дальнейшего развития искусственной природы. Главным содержанием этого субстанционального материально-идеального процесса является возникновение человеческих сообществ, развитие которых проходит ряд форм – этногенез, нациегенез и глобализацию.

⁶ Надо отметить, однако, что противостояние Китая с Западом и стремление его к мировому доминированию не следует воспринимать с чрезмерным оптимизмом, поскольку декларируемый китайским руководством т.н. «социализм с китайской спецификой» слишком густо замешан на китайском этническом самосознании, высокомерно относящимся ко всему не-ханьскому. Афишируемые китайцами общечеловеческие интересы есть не более, чем средство достижения собственных целей, по крайней мере в ближайшей перспективе. Впрочем, не будем забегать впереди лошади истории.

⁷ Диалектическая связь между общим, особенным и единичным или, другими словами, между целым и частями определена так, что целое детерминирует свои части; части же, в свою очередь, формируют целое и потому, при определённых условиях, способны изменить целое.

– одновременным приспособлением человека и его сообществ к создаваемой искусственной природе посредством внутренней дифференциации и усложнения сообществ, что проявляется в форме социогенеза.

Главную роль в возникновении и развитии сообществ людей играют связи (отношения) между людьми, как индивидуальные, так и общественные (групповые), которые, в свою очередь, определяются формами жизнедеятельности, а также содержанием и формами отражения процесса жизнедеятельности в общественном и индивидуальном сознании, т.е. и общественным, и индивидуальным идеальным.

Во взаимодействии и взаимовлиянии этих двух процессов и происходит развитие субстанции «человек», которая на разных исторических этапах предстаёт в формах, соответствующих уровню развития процесса.

С гносеологической точки зрения такое саморазвитие есть результат существования противоречия между материальным (искусственной природой) и идеальным (отражёнными в индивидуальном и общественном сознании материальными формами деятельности и отношениями между людьми, а также между людьми и внешним миром), которое периодически разрешается в смене общественных форм, приходящих в адекватное соответствие с актуальными материальными возможностями и потребностями человека. В развитии и разрешении отмеченного противоречия нельзя априори однозначно выделить доминирующую сторону, оба момента активно влияют друг на друга, рассмотрение должно быть конкретным. Но бесспорно, что в активной, революционной фазе изменения общественных отношений, идеальное как понимание, осознание новых целей и видение путей их достижения, играет решающую роль. Овладевая массами это идеальное становится материальной силой. Указанное противоречие, рассматриваемое с деятельностной стороны, в марксизме предстаёт как противоречие между производительными силами и производственными отношениями.

Принцип субстанционального монизма настоятельно требует рассматривать человеческие сообщества как субстанции – саморазвивающиеся структуры, принципом движения которых является постоянное возникновение, развитие и разрешение противоречий между материальной и идеальной сторонами субстанции, между материальными условиями её жизнедеятельности и идеальным отражением этих условий в мышлении людей, что проявляется в возникновении объективного

идеального, т.н. общественного сознания, и формирования общественных отношений (которые должны соответствовать материальным условиям жизнедеятельности) в соответствии с этим идеальным.

Вывод из сказанного таков, что, во-первых, каждое общество, развиваясь в своих особенных географо-климатических условиях и конкретном окружении других обществ, необходимо имеет свои особенные и единичные условия жизнедеятельности и, соответственно, внешние и внутренние противоречия, которые формируются под влиянием отмеченного всеобщего принципа. Как следствие, каждое общество имеет не только общие для всех сообществ, но и свои особенные и единичные признаки – это необходимый результат процесса субстанционального развития обществ.

Во-вторых, как общее влияет на особенное и единичное, детерминируя в значительной степени процесс развития стран мира как процесс отождествления (глобализации), так и особенное и единичное (в виде суверенных государств) способно оказывать значительное влияние на общее (процесс глобализации), определяя формы, в которых последнее реализуется.

2.2. Трансформации общества и культуры как проблемное поле социальной философии

О. А. Павловская

На рубеже тысячелетий человеческое сообщество реально столкнулось с кардинальными изменениями общественного бытия и жизнедеятельности человека, ощутило как позитивные, так и негативные их последствия. Эти изменения коснулись практически всех областей жизни общества, в том числе и сферы социально-экономических отношений. В научных и политических кругах утверждается, что современный мир постепенно и неуклонно вступает в новую историческую эпоху, обусловленную современной научно-информационной революцией, активно обсуждаются проблемы перехода к новой формации (информационной или постиндустриальной), формирования новой цивилизационной парадигмы.

Понятия «трансформация», «социальные трансформации» возникли в связи с необходимостью исследования сущностных, коренных (фундаментальных) изменений в социальной системе, которые носят необратимый характер и формируют ее новое

качественное состояние. Эти термины активно используются как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе при анализе кардинальных социальных преобразований, возникших на рубеже XX-XXI вв. Особое внимание уделяется рассмотрению трансформаций общественной жизни, возникающих под воздействием глобализационных процессов, охвативших экономическую, политическую, культурную сферы, мир повседневности. Глобализация вносит существенный диссонанс в происходящие в обществе перемены: с одной стороны, обнаруживает себя стихийный, нелинейный, поверхностный характер изменений, радикальность способов и разбалансированность общественных связей, с другой – усиливающаяся потребность в самосохранении жизни стимулирует (подталкивает) общественное сознание к поиску путей противодействия рискам и вызовам, определения совокупности ценностей, отвечающих требованиям времени и задающих новый вектор социального развития и стабилизации.

Социальная динамика немыслима вне культуры, посредством которой раскрывается как аксиологическая природа и содержание этого процесса, так и контуры, направленность и приоритеты в определении его перспектив. В условиях глобализации остро ощущается необходимость смены культурных приоритетов. А. Турен особо подчеркивает, что вместо «старой» парадигмы, ориентированной на завоевание мира, формируется новая – культурная – парадигма, где в центре должен находиться самосознающий себя субъект, т.к. только он в состоянии осмыслить и понять значение добра и зла¹. По оценке В.С. Стёпина, на современном этапе в сфере культуры происходит своего рода разлом: с одной стороны, наблюдаются «мутации смыслов» существующих универсалий культуры, с другой – «наступает эпоха поиска новых мировоззренческих смыслов»². Акцентирование культуры как фактора глубоких социальных перемен послужило основанием для использования в философско-социологическом дискурсе понятия «социокультурные трансформации».

Среди авторов, посвятивших свои труды исследованию природы социальных трансформаций, механизмов их осуществления, культурно-цивилизационных оснований и специфики их протекания в различных регионах и в разные исторические периоды – Т.И. Адуло, К. Аннан, Е.М. Бабосов, З. Бауман, У. Бек, С. Бенхабиб, П.А. Водопьянов, П.С. Гуревич, Ч.С. Кирвель, Н.И. Лапин, К. Манхейм, Н.Н. Моисеев,

¹ Touraine A. New Paradigm for Understanding Today's World // Polity. – 2007. – November, 5. – <https://www.amazon.com/New-Paradigm-Understanding-Todays-World/dp/0745636721>

² Стёпин В.С. Цивилизация и культура. – СПб.: СПбГУП, 2011. – 408 с. – С. 76-77.

А.С.Панарин, Т. Парсонс, К. Поланьи, К. Поппер, А.И. Пригожин, В.С. Семенов, А.И. Уткин, В.Г. Федотова, С. Хантингтон, Ю. Хабермас, А.Н. Чумаков, А. Шафф, В.П. Штомпка, Ю.В. Яковец и др.

В настоящее время, говоря о перспективном пути развития социума, чаще всего склоняются к тому, что на смену индустриальному обществу (капиталистической формации) должны придти более совершенный способ производства и новая форма общественной организации. Конечно, в этой связи менее всего обращаются к проекту социалистического (коммунистического) переустройства общества, учитывая по существу провальную практику его реализации. По мнению многих аналитиков, современные социальные трансформации связаны с переходом к постиндустриальному (информационному) обществу, имея в виду, прежде всего, высокий уровень развития научно-технического знания, освоения информационных и иных передовых технологий. Разработка проекта постиндустриального (информационного) общества находится в центре внимания таких исследователей, как Д.Белл, Г. Бехманн, С.Д. Бодрунов, Дж. Гэлбрейт, П. Дракер, В.Л. Иноземцев, М. Кастельс, А. А. Лазаревич, Т. Стоуньер, О. Тоффлер, Ф. Уэбстер, А.Н. Швецов и др.

О трансформациях социального бытия речь идет не только с позиции формационного подхода, активно обсуждается эта тема и в рамках цивилизационной парадигмы. Основы цивилизационного подхода, которые были заложены в трудах Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А.Дж. Тойнби, получили свое развитие при создании ряда социально-философских, социологических, культурологических концепций. Получила широкий резонанс теория С. Хантингтона о столкновении цивилизаций. Выделяя основные типы цивилизаций по таким критериям, как история, язык, культура, традиции и, что самое важное, религия, Хантингтон по существу остается в пределах традиционного общества, что явно не согласуется с современной ситуацией научно-технологического прорыва. Глубокий и всесторонний анализ становления цивилизаций содержится в работах Б.С. Ерасова, который стремился связать в единое целое их универсальный характер и самобытную природу. «Цивилизационная парадигма, – пишет он, – подразумевает преодоление «линейной» истории и рассмотрение картины сосуществования различных обществ, имеющих в своей основе универсальные принципы устройства, но претворенные в определенной модели, присущей только данной социокультурной системе»³. В рамках цивилизационной парадигмы В.С. Стёпин рассматривает основные

³ Ерасов Б.С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. – М.: Наука, 2002. – 524 с. – С.10.

тенденции социокультурного развития в условиях глобализации. С одной стороны, это доминирование техногенной цивилизации, которая через процессы модернизации и распространения массовой культуры нивелирует императивно-ценностное содержание и самобытный характер традиционалистских цивилизаций. С другой – это необходимость поиска новых ценностных ориентиров и, соответственно, новых путей цивилизационного развития. «На смену односторонней трансплантации ценностей приходит диалог культур, предполагающий равноправие и уважение к культурным традициям»⁴.

В социальной философии активно используется понятие «транзитивное общество» (переходное общество, трансформирующееся общество, модернизирующееся общество), чтобы особо выделить вступление социума в новую фазу своего развития и обусловленное этим качественное преобразование его различных сфер. Говоря о состоянии транзитивности, как правило, подразумевается ломка старых, не отвечающих требованиям времени, социально-экономических устоев, смена политических режимов, кризис ценностно-мировоззренческих оснований человеческого бытия, но в этом случае, наряду с осознанием кризисности и упадка предшествующей фазы, еще четко не определены будущие социальные горизонты.

Переходное состояние переживают сегодня западноевропейские страны, где, по мнению многих исследователей, происходит трансформирование техногенной цивилизации. В обществе отчетливо наблюдаются кризис традиционных европейских ценностей, разочарование политикой мультикультурализма, обострение процесса общеевропейской интеграции, общий упадок морали и религиозности, рост социальной девиантности⁵. Среди ключевых факторов, которые порождают кризисные явления в обществе, называются язык, культура, религия и национальная идентификация, что связано с распространением этнокультурных ценностей, пришедших с потоками мигрантов⁶.

Транзитивное положение является характерным и на постсоветском пространстве и на территории бывшего социалистического «лагеря». Так, по словам В.С. Стёпина, осуществляется «переход от советского социализма ко второму российскому капитализму»⁷. Социальные перемены осуществляются на

⁴ Стёпин В.С. Цивилизация и культура. С.264.

⁵ David H. Bailey. Is modern society in decline? – <https://www.sciencemeetsreligion.org/philosophy/decline.php>.

⁶ Anfindsen O.J. The deep crisis of the West // Honest Thinking – http://www.honestthinking.org/en/pub/HT.2007.05.19.OJA.The_crisis_of_the_West.htm.

⁷ Стёпин. Цивилизация и культура. С.16.

наших глазах, поэтому с большой заинтересованностью и подробным анализом различных их проявлений освещаются в работах Е.М. Бабосов, М.Н. Горшкова, А.Н. Данилова, А.М. Ерохина, Т.И. Заславской, А.Г. Здравомыслова, В.А. Колпакова, С.А.Никольского, Н.С. Моисеева, М.Н. Руткевича, И.С. Семененко, Н.Д. Субботиной, М.П. Требина, В.Г. Федотовой, М.А. Шабасовой, С.А. Шавеля, И.Г. Яковенко и др.

Процессы кардинальных общественных преобразований и перемен в культурных парадигмах не только являются проблемным полем социогуманитарного познания, но и обуславливают глубокие трансформации в области самой философии. Большинство исследователей согласны с тем, что, наряду с классическим, существуют принципиально новые типы философствования – неклассический и постнеклассический. Для каждого из них характерны свои интерпретации природы человека и общественных процессов, состояния культурной среды и места в ней нравственных ценностей.

В общемировой культуре неклассическая философия представлена широкой палитрой направлений, школ, концепций, идей, сентенций, в которых в большей или меньшей степени нашли отражение драматичные коллизии своего времени, отчаянные поиски смысла жизни, оценка реальных состояний человеческого существования. Значительный акцент в философских концепциях был сделан на освещении проблемы человека, осмыслению его места в сложнейших, зачастую трагических, социальных обстоятельствах. Так, М. Хайдеггер определяет положение человека в мире как состояние «сущностной бездомности человека». «Повсюду человек, вытолкнутый из истины бытия, – пишет он, – вращается вокруг самого себя как *animal rationale*... Человек в своей бытийно-исторической сути есть сущее, чье бытие, будучи эк-зистенцией, состоит в обитании вблизи бытия. Человек – сосед бытия»⁸. Личные переживания и размышления философов в обстановке социального кризиса и военно-политических конфликтов и баталий XX в. не могли не сказаться на представлениях о человеке и оценке его места в социуме: Э. Кассирер определяет человека как «существо символическое» (*animal symbolicum*), Г. Маркузе пишет об «одномерном человеке», для которого характерно состояние «сублимированного рабства», Х. Ортега-и-Гассет рисует особый образ – «человек-толпа», А. Камю пишет о «человеке бунтующем», Г. Плеснер отмечает «эксцентричность человека», В. Франкл говорит о человеке в «экзистенциальном вакууме», Э. Фромм показывает

⁸ Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С.314–356, С.337-338.

человека в «экзистенциальном конфликте». Серьезное внимание уделяется рассмотрению отдельных психологических состояний человеческой экзистенции, таких как страх (С. Кьеркегор, М. Хайдеггер, К. Ясперс), скука (А. Камю), тревога (Ж.-П. Сартр), которым придается онтологический смысл: через эти состояния человеку открывается возможность погрузиться в «бездну бытия».

В контексте социокультурных трансформаций представляются интересными размышления советских ученых о сути идеальности, духовности, субъективности. На основе глубокого анализа превращенных форм в общественно-культурной деятельности, Э.В. Ильенков опровергает точку зрения, что идеальность есть своеобразная форма, свойственная лишь сознанию (психике) человека, он утверждает, что она является результатом «преобразующее-формообразующей деятельности общественного человека, его целесообразной чувственно-предметной активности»⁹. В духовности М.К. Мамардашвили усматривает теснейшую взаимосвязь стремления человека к истине, познанию мира и интуитивного ощущения им добра, красоты и других ценностей, закрепленных в народной памяти. Причем, отмечается то, что доминанта стремления к истине может обернуться для человека и человечества торжеством зла, если не будут приняты обществом сознательные меры – цивилизационные – для активизации и возвышения духовно-нравственных сил людей¹⁰. Исследуя философию и нравственность как формы общественного сознания, О.Г. Дробницкий логически доказывает их теснейшую взаимосвязь посредством активно-субъектного отношения человека к миру в материальной и духовной практике, при этом особо подчеркивает «способность человека быть субъектом в своих материальных и духовных акциях, в историческом развитии и в своем мышлении о мире».¹¹

Проблемы социального времени, генезиса общества и человека, сути и периодизации исторического процесса являются центральными в социальной философии, что сближает ее с такой областью гуманитарного знания, как философия истории. Среди достижений в этой области следует назвать «философию всеединства» Вл. Соловьева, теорию «смысла истории» Н.А. Бердяева, теорию «осевого времени» К. Ясперса, историю как «индивидуализирующую науку о культуре» Г. Риккерта, концепцию

⁹ Ильенков Э.В. Философия и культура. – М.: Политиздат, 1991. – 464 с. – С.268.

¹⁰ Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию: доклады, статьи, философские заметки. – М.: Прогресс, 1992. – 416 с. – С. 16.

¹¹ Дробницкий О.Г. Моральная философия. Избр. труды. – М.: Гардарики, 2002. – 523 с. – С.346.

«открытого общества» К. Поппера, концепцию «научной истории» (история как жизнь человеческого духа через самопознание) Р.Дж. Коллингвуда, теорию «история как наука о духе» В. Виндельбанда, метод «понимающей истории» М. Вебера, парадигму «человекомерности истории» М. Шелера.

В философии истории одной из главных является проблема смысла истории. В этой связи дискуссионным признается вопрос о прогрессивном характере исторического процесса. В условиях различных кризисов и угроз критически оценивается идея прогресса как о положительных гарантированных перспективах социального развития в будущем. В противовес этому, выдвигается идея персоналистического смысла истории, согласно которой историю следует рассматривать не как смену абстрактных теоретических конструкций, не как обезличенный процесс, а как общение прошлых и нынешних поколений, в котором каждый человек находит свой личный смысл, раскрывается как уникальная личность, обладающая чувством собственного достоинства. «Каждый человек, как таковой, – пишет Вл. Соловьев, – есть нравственное существо или лицо, имеющее независимо от своей общественной полезности безусловное достоинство и безусловное право на существование и на свободное развитие своих положительных сил»¹². Однако следует заметить, что акцентация персоналистического смысла истории не умаляет значения поиска и обоснования ее закономерного хода, о чем в свое время писали и А.И. Герцен, поднимая вопрос об исторической эмансипации личности, и Г.В. Плеханов в своей теории «монистического взгляда на историю», и К. Ясперс в определении духовных оснований «осевого времени». Эта проблема остается дискуссионной в социальной философии и приобретает особую актуальность в свете происходящих социокультурных трансформаций.

В рамках неклассической философии проблема соотношения общества и человека представляется как чрезвычайно обостренная, даже критическая. С одной стороны, общество, погружаясь в череду кризисов и социальных потрясений, теряет свои организационно-регулирующие возможности, утрачивает стабильность и безопасность, с другой – человек, ощущая себя «брошенным», «потерянным», в то же время по своей сути он всегда незавершен, в чем заключен мощный источник изменений. «Человек не может быть завершенным, – пишет К. Ясперс, – для того чтобы быть, он должен меняться во времени»¹³. М.М. Бахтин также обращает внимание на это

¹² Соловьев В.С. Оправдание добра или нравственная философия // Соч. В 2 т. – Т. 1. – М.: Изд-во «Правда», 1989. – С.345.

¹³ Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Республика, 1994. – 527 с. – С.411.

свойство человека: «Чтобы жить, надо быть незавершенным, открытым для себя во всяком случае, во всех существенных моментах жизни, надо ценностью еще предстоять себе, не совпадать со своей наличностью»¹⁴.

Новая волна трансформирования философии началась с последней четверти XX в. и продолжается в настоящее время – «философия постмодерна», «постнеклассическая философия», «философия транзитивного общества». Существуют самые различные оценки состояния философского знания нашего времени: от весьма категоричных суждений о «тупике философии», «смерти философии» до взглядов, выражающих надежду и оптимизм относительно дальнейшего конструктивного развития этой области гуманитаристики. Но, главное, что эти перемены в философии явились необходимым следствием происходящих в жизни мирового сообщества и жизни конкретного человека кардинальных социально-культурных трансформаций, связанных с массовым освоением новейших научно-технических достижений и очередным витком напряженности в системе международных отношений, которые по своему масштабу и результатам значительно превзошли все предполагаемые философами и политиками сценарии будущего. Для социальной философии эта ситуация осложняется еще и тем, что она, с одной стороны, в силу специфики своего предмета исследования призвана определять суть и характер кардинальных преобразований социума, с другой – в виду многоплановости теоретических позиций и недостаточной проработанности методологической базы не может пока представить целостную и достоверную картину современной жизни и ее перспектив.

На наш взгляд, в современном состоянии философского знания необходимо выделить две принципиально различные исследовательские позиции.

1. *Философия как форма фиксации кризиса человеческого познания.* Это стало возможным вследствие чрезмерной увлеченности неклассической философии «погружением» в сферу иррационального, присущей ей категоричной субъективированности, отстаивания позиций антиисторизма и антикультурализма.

Кризис философии явился необходимой составной частью в целом кризиса культуры западноевропейского общества. В свое время О. Шпенглер, представляя грядущий закат и упадок общества, считал, что это может произойти вследствие перехода культуры в цивилизацию, в которой сама культура постепенно застывает и

¹⁴ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с. – С.14.

умирает. Исторические реалии XX в. воочию показали уход культуры модерна от традиционных идеалов о разумном, добром и прекрасном. Эта тенденция отчетливо просматривается в искусстве постмодерна, где в самых вычурных и изощренных формах представлена, по словам М.А. Лифшица, «эстетика безобразного».

В философии постмодернизма за всевозможными «авторскими» нарративами и замысловатой терминологией: «ризома» Ж. Делёза, Ф. Гваттари, «симулякр» Ж. Батая, «симуляция» Ж. Бодрийяра, «письмо» Р. Барта, «диспозитив», «эпистема» М. Фуко, «габитус» П. Бурдьё – категорически отрицается все, что связано с жизнедеятельностью человека как разумного существа. Реальность заменяется симулякрами (внепонятийными средствами фиксации переживаний), рациональность – спонтанностью мысли, потоком сознания, субъектность – «торжеством» бессознательного. Что касается морали, то здесь четко проявляется позиция аморализма и цинизма, т. е. категорического неприятия (отрицания) любых нравственных императивов, откровенный релятивизм в суждениях и произвол в действиях. Во всем видится безысходность и разрушение, опустошенность и разочарование, провозглашаются: «смерть Бога», «смерть человека», «смерть субъекта», «смерть автора». Следует признать, что подобного рода теоретические «конструкции» философской мысли, погруженные в семантические и лингвистические «глубины», отличающиеся откровенным пессимизмом по отношению к человеку могут создать лишь «социальную мифологию» (Ж.Ф. Лиотар), и, конечно, практически не могут рассматриваться в качестве конструктивной методологической основы для исследования современных социальных реалий.

2. Философия как способ научно-методологического познания современного мира и человека. В контексте проблемы современных трансформаций следует остановиться на некоторых методологических подходах, в рамках которых обращается внимание на проблемы соотношения мира человека и мира культуры, их этического измерения, возникающих при этом противоречий и перспектив.

В контексте революционных по своей сути достижений в области современной физики, математики, биологии значительное распространение получает такое направление, как синергетика, в рамках которой разрабатывается своего рода «новое мировидение». Мир, с позиции синергетики, предстает как совокупность динамичных, самоорганизующихся систем природы, общества, разума, каждая из которых функционирует согласно собственным закономерностям, но в то же время взаимодействуют друг с другом.

Любая система, оказавшись в состоянии нестабильности и утраты равновесия, содержит в себе источник новых возможностей для своего изменения и развития: «конструктивный хаос», из которого рождается новый порядок. Синергетический подход, раскрывающий способность любой системы к самоорганизации, фиксирует как разбалансированность, кризисность ее структурно-функциональных частей (ситуацию нестабильности), так и заключенные в ней возможности, которые могут кардинально ее изменить (созидательный потенциал). В этих условиях особенно возрастает значение ответственности человека за свои действия, которые могут стимулировать проявление разрушительных тенденций либо, напротив, направлять развитие происходящих процессов в соответствии с заключенным в системе потенциалом.

Существенные результаты получены в ходе исследования кризисного состояния социальной реальности, которое стало возможным вследствие воздействия как экономических, политических, так и духовно-культурных факторов. По мнению Г. Маркузе, «мы сталкиваемся с одним из самых угнетающих аспектов развитой индустриальной цивилизации: рациональным характером ее иррациональности». Это проявляется в масштабном распространении современных технико-технологических средств на повседневную жизнь людей, что привело к чрезмерному росту материальных благ и их неумеренному (неразумному) потреблению: «Люди узнают себя в окружающих их предметах потребления, прирастают душой к автомобилю, стереосистеме, бытовой технике, обстановке квартиры». Это также просматривается в свертывании сферы личностного самосознания: «индивиды обнаруживают, что их жизнь формируется окружающими их вещами», «технологическая реальность вторгается в личное пространство и сводит его на нет»¹⁵.

XX век со всеми присущими ему социально-антропологическими катаклизмами оставил весьма неприглядную картину положения человека в современном мире. В различных концепциях представлен широкий перечень описаний современного человека. Х. Ортега-и-Гассет определяет новый тип человека – «массовый человек» – «это любой, кто не мерит себя особой мерой, ощущает себя, как все, и не удручен по этому поводу»¹⁶. «Бегство в толпу» как одно из свойств человека называет и В. Франкл. Подробно описывает Ж. Бодрийяр в своих работах «человека потребляющего». Негативным образом на

¹⁵ Маркузе Г. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества. – М.: Refl-book, 1994. – 342 с. – С. 12-15.

¹⁶ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – М.: АСТ: Ермак, 2005. – 269 с. – С. 46.

состоянии человека, по мнению Л. Мэмфорда, сказывается засилье техники в современном мире: люди вынуждены подчиняться силе и логике технологического процесса, становятся придатком машин. Такая односторонняя направленность и ограниченность человека в мире техники может быть преодолена путем длительной по времени, но весьма необходимой «многосторонней трансформации человеческого Я»¹⁷.

Одной из активно обсуждаемых сегодня проблем является проблема изменения системы ценностей в условиях перехода к информационному обществу. Новые информационные технологии предоставляют широкие возможности для развития коммуникации, образования, профессиональной деятельности, сферы развлечений, Но как справедливо заметил А. Шафф: «Общество информатики автоматически не гарантирует наступление рая на Земле»¹⁸. По его мнению, должна произойти позитивная перестройка система ценностей человека: среди ценностных приоритетов постепенно будут утрачивать свои позиции материальные ценности как цель человеческой деятельности; открывается дорога к установкам альтруизма и филантропии; в сознании людей будет резко возрастет ценность свободы; в качестве системы отсчета необходимо признать широко понимаемый гуманизм. Причем, подчеркивается, что в новой аксиологической системе свобода, как и другие ценности, «становится ценностью с резко возросшим воздействием».

Разработки и использование новейших биотехнологий актуализируют проблемы их воздействия как на физиологическую природу человека, так и на окружающую природную среду, что контексте значительный вес в системе мировоззренческих констант современного мира приобретают этические аспекты. По мнению Э. Гидденса, «гуманизация технологии, вероятно, должна включать все большее число моральных вопросов в современное, все еще преимущественно «инструментальное» отношение между человеческими существами и искусственной окружающей средой»¹⁹. Прорыв в развитии биотехнологий (генной инженерии) открывает беспрецедентные возможности вторжения в саму природу человека, ее изменения в угоду различным пристрастиям. В этой связи Ю. Хабермас задается вопросом: «Допустимо ли, что мы используем человеческую жизнь с селекционными целями?»²⁰.

¹⁷ Мэмфорд Л. Техника и природа человека // Новая технократическая волна на Западе – М.: Прогресс, 1986. – С. 225-239. – С. 239.

¹⁸ Шафф А. Куда ведет дорога? // Философия истории: Антология / Сост., ред. и вступ. ст. Ю.А. Кимелева. – М.: Аспект Пресс, 1995. – С. 311–331. – С. 328.

¹⁹ Гидденс Э. Постмодерн // Философия истории: Антология / Сост., ред. и вступ. ст. Ю.А. Кимелева. – М.: Аспект Пресс, 1995. – С. 340-347. – С. 345.

²⁰ Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. – М.: Изд-во “Весь мир”, 2002. – 144 с. – С.34.

В современных философских исканиях сути человеческого бытия активно используется диалогический подход, в рамках которого получает воплощение позиция субъект-субъектной коммуникации. Формула межличностных отношений «Я—Ты» начинает трактоваться как «Я—Другой», где Другой предстает как равный собеседник, партнер, обладающий личностными свойствами. Но в данном варианте это не только фиксация противоположной стороны коммуникации, а активная двусторонняя связь духовно-нравственных воздействий друг на друга, которые могут продолжаться до бесконечности. По выражению Ж.-П. Сартра, «Другой является неизбежным посредником, соединяющим меня со мной самим; я стыжусь, *каким я являюсь Другому*»²¹.

Таким образом, сложность и многозначность современных реалий необходимо требуют обстоятельного научно-методологического обоснования происходящих качественных изменений социального бытия, разработки моделей его перспективного развития, выявления основных тенденций и противоречий, определения механизмов функционирования и регулирования общественной жизни, раскрытия творческого потенциала и реального вклада ведущих акторов этого процесса. Все это указывает на возрастание роли социальной философии в системе современного научного знания, активное использование ее теоретико-методологической базы и аналитических материалов при изучении экономических, политических, культурных процессов в рамках других социогуманитарных дисциплин. Большое значение придается осмыслению жизни общества и личности через призму культуры и входящих в нее духовно-нравственных ценностей. Обращение к социокультурологическому и социально-этическому подходам – не просто дань «интеллектуальной моде», а потребность раскрывать многоплановость и полифоничность человеческого бытия и имманентные источники его совершенствования.

²¹ Сартр Ж.-П.. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2000. – 639 с. – С.154.

2.3. Призрак рентного общества выходит из тени и исчезает в полдень¹

С.Н. Некрасов

В конце предыстории разобщенного человечества ему нужна единая жизненная идеология, а не просто познание общества. Кризис авраамических религий и классических наук вызывает потребность в идеологии как твердом культурном ядре нового «осевого времени». Эта идеология должна говорить о месте человека в мире, его жизненных задачах и позициях, о смысле жизни и о том, что эту жизнь надо прожить так, «чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы». В нашей стране эту роль первоначально играла Библия (в период Российской Империи), затем программа правящей политической партии в СССР и сегодня на первый план выходит обновляемая Конституция страны как единого и континуально связанного образования истории.

Вводимая авторами в оборот теория и концепт Рентного Общества хорошо работает на выявление места человека в мире, его предназначение и отвечает на вопрос, зачем ты пришел на Землю? В СССР стремление к знаниям пронизывало жизнь молодого поколения, и даже деньги использовались для расширения горизонта знаний, что давало все возможности для подъема в социальном лифте на вершины общества провозглашенных равных возможностей, социальной справедливости и реального гуманизма. В буржуазной РФ главными стали деньги, и фальшивая манипулятивная реклама сужает горизонт человека до уровня существования и зрения насекомого. Между тем, важнейшим в таком обществе оказываются совсем не деньги, но власть и положение, позволяющие осваивать различные виды социальной ренты. Концепция рентного общества синтезирует знание и деньги, и конвертирует их во власть и ренту, по крайней мере, это происходит в воображении рентополучателей и лишенных ее завистливых париев.

Возможно ли само новое рентное общество как реальность или это только концепция молодых талантливых ученых? Рождается ли это общество здесь и сейчас – «в тени труда, капитализма и демократии», то есть, перефразируя Й. Хейзингу, «в тени завтрашнего дня»: той тени, которое отбрасывает на нас будущее? То есть, вопрос заключается в том, выходит ли это общество из тени? Или как говорили в советском обществе – лев готовится к прыжку, или он уже прыгнул? Речь тогда шла о, казалось бы, невозможном

¹ Фишман Л.Г., Мартыянов В.С., Давыдов Д.А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии / Л. Г. Фишман (разд. 1.1–1.4, 3.3, 4.1–4.3, 4.5), В. С. Мартыянов (разд. 1.5.–1.6, гл. 2, разд. 3.1–3.3), Д. А. Давыдов (разд. 4.4, 4.5); Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 416 с.

явлении при социализме - об организованной преступности, мафии и коррупции: статья 1988 г. в «Литературной Газете» А.И. Гурова так и называлась – «лев готовится к прыжку». Тогда страна узнала, что мафия есть не только в Америке и Италии, но она прекрасно организована и подготовлена у нас, в провозглашенном развитом социализме. Это сочеталось со знаменитой фразой Ю.В. Андропова на июньском пленуме ЦК КПСС 1984 г. «мы не знаем общества, в котором живем». Возможно ли это, выходящее из тени постиндустриального капитализма, чистое рентное общество, то есть, может ли общее существовать наряду с особенным? Если это так, то и капитализм (капиталистическое общество) существует наряду с другими реальными обществами, сосуществует со своими альтернативами и даже более успешными некапиталистическими проектами? Это становящееся реальным новое (или старое и ветхозаветно-извечное) рентное общество само является проекцией капитализма, его тенью или призраком. При социализме эти рентные отношения могли быть поняты как пережитки прошлого или «родимые пятна капитализма». Хотя на самом деле и, это известно из работы К. Маркса «Критика Готской программы», родимое пятно капитализма при социализме было только одно, но пятно огромное – это возникающее неравенство при распределении среди социально неравных людей произведенного продукта: получение по труду, а не по потребностям.

Рентный тупик сословий в Рентном Обществе и классовый источник жалованья в Новом Социализме. Поскольку рента – часть, и именно доходная часть общества феодального и общества капиталистического, но все же часть общества, то само общество остается за скобками. И поскольку рассматриваемая нами книга по определению научная, тем не менее, как научная продукция она парадоксально создает идеологию, и говорит об идеологиях будущего, которое уже наступило и проявилось. Книга говорит о рентном обществе как сложившейся реальности, в то время как такое общество пока лишь призрак, выходящий из тени будущего. Впрочем, призрак коммунизма бродил по Европе и стал реальностью в России и Азии, но станет ли рентное общество единой планетарной реальностью вместо глобального капитализма?

Из реального коммунизма на его первой фазе в результате разрушения и, скажем точнее, аборта социализма, контрреволюционного поворота, вновь вышел капитализм. И капитализм этот не первичный, разрушивший и преодолевший при помощи труда феодализм, но мутантный, вторичный, неестественный, преступный, с отблеском рентного общества, с

хищным блеском в глазах и закутанный в плащ нетрудовых доходов рентного общества. Поскольку этот капитализм возникал по либеральной модели мышления советских диссидентов и либеральной «демшизы» 90 гг. из книжной серии «Иного не дано», то социальная гибридизация социальных моделей в конце истории была налицо. Возник, как выразался А.А. Зиновьев, нежизнеспособный «рогатый заяц», соединивший худшие черты дикого раннего капитализма и позднего застойного советского социализма. Если рассматривать книгу как первый ответ-римейк на издания-заклинания «Иного не дано», то станет понятно, что же нам дано – дана гибридизация и беспринципное нежизнеспособное смешивание как в армии «парада механического уродства» Великого КРИ в «Полдень. XXII век» братьев Стругацких. В коммунистической цивилизации Полдня тени исчезнут, как они всегда исчезают в полдень.

Касательно рентного общества вопрос заключается в его жизнеспособности или нежизнеспособности, поскольку на практике жизненная идеология такого общества уже овладела массами «униженных и оскорбленных» и извлекающими прибыль из своего господствующего положения правящими элитами. Осталось только раскрыть весь секрет Полишинеля такого успешно приспособляющегося ко всем мерзостям жизни общества, изложить его теоретически на страницах умной книги и дать сжатое теоретическое обоснование действующей практической жизненной идеологии. Благодаря этой идеологии выживания в полицию дети россиян идут служить понятно за чем, а когда на госслужбу поступают - по умолчанию, то тоже с вполне ясными целями. В отличие от предков и родителей новому поколению все понятно в этом верном выборе жизненного пути, особенно, если учесть, что в нашей стране действуют два пенсионных законодательства – для госслужащих и всех прочих. Наука и знание в этих условиях не пользуются спросом в качестве доступа к социальному лифту, да и деньги частного бизнеса не дают никаких преимуществ для практической жизни обывателя, живущего не в вертикальной, но в горизонтальной проекции удовлетворения потребностей.

Известно, что вся буржуазная политэкономия и классический капитализм выступали против ренты. Ренте не были рады, как не рады были буржуа дворянам: даже «Три мушкетера» написаны с издевкой и вполне читаемой иронией относительно дворян, их рыцарских поступков, отношения к женщинам. Поскольку для классической буржуазии рента – это не труд, то и авторы полагают, что рентное общество устраняет роль труда в социальной

стратификации и в самой жизни. Общество, в котором вокруг расположенного в центре «солнца труда» (термин К. Маркса) не вращаются все прочие элементы, становится не политико-экономическим, оно попадает в область экономики, всей новой экономики. Ее иногда называют экономикой постиндустриальной, информационной, цифровой и прочее. Именно поэтому капитализм возражал против ренты лендлордов. Только в массовых театрализованных постановках труд и капитал выступают дружно вместе – в духе «труд и капитал актеров напитал» В.В. Маяковского. Речь в данном случае идет об уличной инсценировке 1919 г. в честь первого конгресса Коминтерна в Петрограде.

Если в жизни труд ускользает из центрального положения в общественной жизни, перестает быть ее ядром, то в экономической и общественной науке труд выпадает из поля зрения классических наук. В личной жизни труд также перестает быть ядром распределения времени деятельности: утром работники не едут на смену и со смены, двери в подъездах не хлопают. Труд ускользает из сферы, в которой экономика как наука строится по стандартам технических (точных) наук, а сама экономика становится экономной – экономной в интересах власть имеющих, власть имущих. Лицемерие зашкаливает – труд пропадает из поля зрения, на первом плане остается распределение и потребление, при этом в Конституцию РФ вносится положение об уважении к труду, возникает общественное движение «В защиту человека труда».

Паразитизм рентной экономики в классическом ленинизме выражается в определении империализма как высшей стадии капитализма, как капитализма паразитического, умирающего и загнивающего, кануна социалистической революции. Однако почему через 100 лет после этих выверенных историей определений В.И. Ленина тематика ренты стала выходить наружу? Очевидно, потому что в странах прошедших контрреволюционную мутацию мы встретились с вторичным капитализмом – паразитическим и загнивающим. Экономизированное мышление и вся политэкономия имели одно слепое пятно – проблематику ренты. Некоторые авторы в духе конспирологических проектов отмечают, что это пятно ростовщичества, процента и нетрудового дохода всегда существовало при капитализме, но замалчивалось-де К. Марксом и его оператором от Ост-Индской компании или Ротшильдов ... Ф. Энгельсом?

На самом деле К. Маркс изучал земельную ренту как присвоение социальной ренты, а последнюю как присвоение труда другого, то понимал ее как эксплуатацию и особое социальное паразитирование.

По мнению Л. Ларуша, сам К. Маркс всем корпусом своих работ принадлежит к британской политэкономии, где труд природы не рассматривается в отличие от человеческой преобразовательной деятельности. Но в действительности, труд и производство следует различать, что позволяет понять феномен ренты: труда нет, а производство идет. Оно идет всю зиму и без всякого человеческого труда, кроме мероприятий по снегозадержанию на полях, поскольку уже посажены озимые, которые дают больший урожай, чем яровые.

И лишь в мутантном капитализме все превращается в дары природы и источник ренты, а сами люди превращаются в дары природы – в нефть, из которой следует извлекать прибыль. Рента с природы получается за счет техники и труда, посредством просверленного в земле отверстия – частного отверстия в общенародной собственности, гидроразрыва слоев грунта и извлечения через трубу сланцевых нефти и газа. Здесь возникает вопрос, каждый ли может присвоить дары земли, Геи? С самого возникновения, собственность стала орудием и средством угнетения подпавших под власть собственников масс. Ж.-Ж. Руссо писал в «Рассуждении о происхождении и основах неравенства среди людей», что первый, кто огородил клочок земли, осмелился сказать: «эта земля принадлежит мне», и нашёл людей, которые были настолько простодушны, чтобы поверить этому, был истинным основателем гражданского общества. Сколько преступлений, сколько войн, сколько бедствий и ужасов отвратил бы от человеческого рода тот, кто, вырвав столбы или, засыпав рвы, служившие границами, воскликнул бы, обращаясь к людям: «Берегитесь слушать этого обманщика! Вы погибли, если забудете, что плод принадлежит всем, а земля — никому!»

Известно, что только в библейском Эдеме нет труда, но, очевидно, что и там есть производство. На Ковчеге также идет производство, производство материальной жизни. И только в реальной неолитической революции начинается производство посредством труда. «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их». Мы помним проповедь отца Федора: «На третий день отец Федор стал проповедовать птицам. Он почему-то склонял их к лютеранству. – Птицы, – говорил он им звучным голосом, – покайтесь в своих грехах публично!» А ведь они не могут покаяться, ибо не сеют и не жнут, и у них нет грехов, как у людей. Современные мировые религии призывают людей каяться и избегать греха, все остальное обещают после смерти, то есть в ином измерении. Человеку такая проповедь недостаточна, и он не воспринимает ее, как и птица не воспринимала

звучный голос безумного священника. Современный человек и даже трансгуманистические его эманации, подобно орлу, сбросившему взмахом крыла полтора фунта хлеба в пенящийся Терек, желают жить в посястороннем мире и успешно ориентироваться в нем.

Труд – это разделение деятельности людей и объединение их в кооперации. Между мужчиной и женщиной имеет место первое, естественное, или биологическое разделение труда и кооперация. Буржуазная политэкономия любит робинзонады: ее человек это обособленный индивид со своими эгоистическими интересами. Современное обществознание любит ссылаться на естественные законы строения человеческого общества, в котором есть биологически заданное распределение людей на альфа- и омега-индивидов: господ и слуг. Примерно так видели мир литературные мушкетеры, без зазрения совести, дававшие затрецины слугам, лгущие, пьющие и дерущиеся только потому, что они дерутся. В таком традиционном обществе не нужна маскировка и любые дискурсы оправдания ренты – все это стало необходимым в трудовом буржуазном обществе. В этом обществе, как указывал К. Маркс, прибавочная стоимость имеет три формы: ренту, прибыль и процент. И эти формы подлежат маскировке под покровом согласия, трудового договора и срочного контракта.

Но что именно маскируется? Авторы пишут: «под рентой мы понимаем материальные и иные блага, которые получают индивиды, социальные группы и даже отдельные общества вследствие занятия выгодной позиции в социально-политической структуре. Эта позиция позволяет обращать другие социальные позиции, а также природные и иные ресурсы в дары природы...»².

Удачное место в социальной пирамиде конвертируется в такого рода ресурсы, «из эксплуатации которых можно извлечь богатство и вообще всякого рода излишек, превышающий продукт для удовлетворения обычных, среднестатистических потребностей членов данного общества». Подобным образом место птицы на ветке, львицы на дереве гарантирует успех в выживании. В этом смысле, феномен «погони за рентой» выступает в нашей работе как универсальное явление, пронизывающее всю человеческую историю». Формируется печальный вывод о непрерывности человеческой истории как погони за рентой, которая (гонка) только модернизируется и ускоряется. И из этого тупика нет выхода?

На наш взгляд, история вносит коррективы: при вторичном капиталистическом строительстве маскировка не помогает,

² Фишман и др. Рентное общество. – С.25.

поскольку идет ускоренное усыхание рентного пирога и деление сладких пряников, которых, как пел бард, «не хватает на всех», что создает реализм действий властных сословий в отношении податных сословий. При реставрации абсолютизма и возвращении к Российской Империи или к власти Учредительного Собрания, или Временного правительства или к Белому движению, речь идет о податных сословиях как основе рентного благополучия верхушки пирамиды. В дореволюционных российских и французских широкоизвестных карикатурах самодержавного строя нарисованы уровни общества напоминая старую посудную горку в купеческих домах: сверху «Мы царствуем», ниже «Мы вас судим», еще ниже «Мы за вас молимся», ниже и вокруг «Мы вас охраняем», ниже «Мы вас кормим», внизу - «А вы работайте!»

Карикатуры на капитализм куда более острые: «Мы правим вами», «Мы обманываем вас», «Мы стреляем в вас», «Мы едим за вас». Внизу «пирамиды капиталистической системы» стоят униженные и угнетенные с надписями: «Мы работаем для всех», «Мы кормим всех».

В социалистическом обществе источником благосостояния оказываются Общественные фонды потребления совокупного продукта – некий котел, из которого могут черпать только те, кто в него вкладывает. При социализме производится не товар, а продукт. И черпать из Общественных фондов потребления полагается не товары, а продукты, которые и потребляются не через рынок. Возникает то, что в ностальгическом сознании бывших советских граждан воспринимается как незамеченный ими прежде коммунизм: квартиры, путевки, школьное питание, билеты, медицина, образование. Коммунизм ранний и незрелый, неполный и несовершенный. Можно описывать все это производство и распределение как социальные технологии (мегамашина Л. Мэмфорда) в буржуазном и коммунистическом социумах, но эти машинизованные и механизированные образы не дадут приращения нового знания, поскольку механизмы бывают только в мертвой форме, в трупе. А возврат в живое прошлое приведет к массовому сумасшествию и оглуплению.

В истории бывает так, что ни силы прогресса – восхождения, ни силы и тенденции регресса – нисхождения, не понимают запрос истории, и без проведения научной экспертизы уводят людей в виртуальный мир коллективного воображения и фантазирования. Именно так сегодня создаются химеры постиндустриализма, зеленой экономики, цифрового информационного общества. Ранние буржуазные революционеры с их лозунгом «свобода, равенство,

братство» гонялись за химерами, которые возможны только при коммунизме, и когда потребности капитализма столкнулись с достижениями феодализма, произошла реставрация старого режима – в ней были восстановлены все звания и привилегии. Как писал К. Маркс, французская нация почувствовала себя как «рехнувшийся англичанин» в Бедламе: прежний феодальный тупик повторился и оказался совершенно карикатурным. Он писал: «Целый народ, полагавший, что он посредством революции ускорил свое поступательное движение, вдруг оказывается перенесенным назад, в умершую эпоху. А чтобы на этот счет не было никакого сомнения, вновь воскресают старые даты, старое летосчисление, старые имена, старые эдикты, сделавшиеся давно достоянием ученых антикваров, и старорежимные, казалось, давно истлевшие, жандармы. Нация чувствует себя так же, как тот рехнувшийся англичанин в Бедламе, который мнил себя современником древних фараонов и ежедневно горько жаловался на тяжкий труд рудокопа, который он должен выполнять в золотых рудниках Эфиопии, в этой подземной тюрьме, куда он заточен, при свете тусклой лампы, укрепленной на его собственной голове, под надзором надсмотрщика за рабами с длинным бичом в руке и толпящихся у выходов варваров-солдат, не понимающих ни каторжников-рудокопов, ни друг друга, потому что все говорят на разных языках. "И все это приходится выносить мне, свободнорожденному бритту", – вздыхает рехнувшийся англичанин, – "чтобы добывать золото для древних фараонов"»³.

К. Маркс имеет в виду, что французы, пока они занимались буржуазной революцией, никак не могли избавиться от воспоминаний о Наполеоне и в итоге в жизни получили самого Наполеона в карикатурном виде. Возник «племянник» Наполеона, или новый Наполеон в том виде и с теми ожиданиями, как он должен выглядеть в середине XIX века. Англичанин, как и вся британская масса клерков, не мог отделаться от господствующей в головах современников идеи добывания золота и представил ее в фантастической форме древних приисков, на которой он и сошел с ума. Но история запрещает бесконечные ухудшающие ситуацию повторения, коллективные иллюзии из прошлого и в итоге социальный застой. «Вальсы Шуберта и хруст французской булки», царистские и монархические иллюзии, обожание дореволюционной николаевской России, переименование городов и областей, снос памятников революционного прошлого может дорого обойтись

³ Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд.2. – Т.8. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – С.121.

нашей экономике, развитию ее индустриального комплекса. Точно так же миражи цифрового общества и виртуализированной культуры как прогрессивных инноваций является еще одним тупиковым по форме продуктом эволюции высшей стадии капитализма в конце предыстории человечества.

Пока же в РФ действует не только особый закон о пенсиях госслужащим, но и особая закрытая система распределения доходов и сверхдоходов – рента как продукт положения на социальной лестнице. Доходы замаскированы как заработная плата, но, как известно, она не может быть выше, чем заработная плата за труд шахтера, любого работника тяжелого физического труда. К базовому окладу следуют надбавки подобно надбавкам депутатским и министерским. Идут премии и получение дивидендов. Результат – недвижимость и имущество, исчисляемое миллиардами и триллионами. В результате после ликвидации Единой тарифной сетки для работников бюджетной сферы топ-менеджеры и высшие служащие спокойно сообщают, что у них еще не самые большие зарплаты в стране. Маскировка прибавочной стоимости идет за счет введения понятия заработная плата, выплата, премии, надбавки за ненормированное рабочее время, дивиденды.

За пределами труда и капитала лежит не рента (она существует при капитализме и старом социализме), а жалованье (или жалование). В.И. Ленин в работе «Государство и революция», написанной в Разливе летом 1917 г., определял его тем, кто и как пожалует за работу. Пожалует не за труд и не за капитал. Если встать на классовые позиции, то после социалистической революции именно рабочий класс жалует своим слугам, чиновникам его классового государства, государства диктатуры пролетариата «партмаксимум». Не случайно на Украине укронацисты убирают как советское наследие понятие слуги народа, поскольку этот понятийно-категориальный образ прочно связан с понятием жалованье. Чиновники будут заинтересованы в повышении уровня жизни народа, поскольку благодаря системе партмаксимума повысится и их уровень жизни. А овладение навыками управления государством, обучение этим навыкам с тем, чтобы трудящиеся работали 6 часов в день и 2 часа отводили на управленческую деятельность, позволит никому не оставаться надолго профессиональным управленцем. Авторы впадают в печаль, говоря о невозможности преодоления рентного тупика человечества, поскольку они стоят, несомненно, на материалистических позициях, но не на историко-материалистических и классовых позициях.

К. Маркс в письме к Л. Кугельману в 1871 г. саркастически замечал: «Ежедневная пресса и телеграф, которые моментально разносят свои открытия по всему земному шару, фабрикует больше мифов (а буржуазные ослы верят в них и распространяют их) за один день, чем раньше можно было изготовить за столетие»⁴. «Буржуазные ослы» в капиталистическом обществе неизбежно составляют основную массу населения, поскольку господствующей культурой общества всегда является культура экономически и политически господствующего класса. Эту идею не раз повторял В.И. Ленин, утверждавший, что в каждой нации есть две культуры, или культуры двух антагонистических классов находятся в противоборстве. Такой буржуазный порядок ослам кажется естественным – в повседневном информационном потоке, который парализует концептуальное мышление людей, уподобляет их ослам – глядя на дорогу, эти социальные животные полагают, будто думают и бегут сами, а не под воздействие бича или под влиянием привлекательного образа морковки. «Рента в таком понимании – социальная и политическая рента правящих классов, которая во многих чертах копирует отношение человека как вида к «природе». По мере развертывания соответствующих социально-экономических процессов одни люди по отношению к другим оказываются такими же дарами природы, как земля, воздух, вода или полезные ископаемые»⁵.

Говоря о постиндустриальном обществе, авторы вводят понятие империалистической ренты, известной со времен древнего мира: «В эпоху глобализации и торжества неолиберальной политики она создала в ряде развитых стран видимость *постиндустриального общества*, которое на деле есть общество-рантье, где занятое почти исключительно в сфере сервиса население под видом зарплаты получает долю империалистической ренты. Словом, в ходе истории человечества возникает комплекс тесно переплетенных отношений, в которых одни извлекают и присваивают природные ренты, а другие на том же основании *природного* (или маскируемого под *естественное*) превосходства уже из этих последних извлекают ренты социальные»⁶.

В авторском тексте постиндустриализм трансформируется в псевдопостиндустриализм, в котором поиск ренты оказывается единственной стратегией выживания для большинства излишнего

⁴ К. Маркс – Л. Кугельману, 27 июля (1871). – Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд.2. – Т.33. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1964. – С.215-216. – С.215.

⁵ Фишман и др. Рентное общество. – С.25.

⁶ Там же. С.17.

населения. Вроде все правильно, но вещи не названы своими именами – капитализм в его высшей фазе ведет к такой стратегии обезлюживания планеты, особенно под зеленым флагом экоалармизма и неомальтузианства: «С ослаблением и закатом общества труда, с разложением протестантской этики, с культурной революцией, с новым духом капитализма, с реалиями псевдопостиндустриального общества (которое вытесняет подавляющее большинство трудящихся из сферы производства материальных благ в сферу услуг) и уже видимым на горизонте технологическим замещением наступает стадия капитализма, при которой для большинства населения поиск ренты как альтернативы отчуждению труда или вовсе безработице становится единственно возможной стратегией поведения»⁷.

В авторский текст инкрустируется чуть ли не дословно, но буквально по смыслу, одна важнейшая фраза из «Манифеста коммунистической партии» об эксплуатации человека человеком, но каков же вывод авторов: он противоположен выводу «Манифеста». Они пишут: «Поиск ренты как альтернатива наемному труду и стратегия уходящих классов и лишних людей естествен на протяжении истории всех обществ, основанных на эксплуатации человека человеком»⁸. Можно лишь согласиться, что поиск ренты как поиск дворовой собакой на помойке заплесневелого куса колбасы характерен для уходящих классов и возможно удовлетворил бы люмпен-пролетариев, но не созидателей нового общества. Что характерно для восходящих социальных и политических сил? Не стремление ли к освобождению всего человечества и обнаружение класса-эмансипатора, превращающегося из «класса в себе» в «класс для себя»? Не является работа на счастье человечества более привлекательной целью, чем погоня за рентой? Мы помним как у молодых Стругацких в повести «Понедельник начинается в субботу» люди занимаются тем, чем обычно: «А чем вы занимаетесь?» – спросил я. «Как и вся наука, – сказал горбоносый. – Счастьем человеческим».

И потому для созидателей нового общества понедельник начинается в субботу, когда счастливые труженики-творцы не уходят домой даже в новогоднюю ночь и их трудовая неделя начинается в субботу, в которую, как известно, для верующих нельзя работать – «почитай субботу, день мой».

«Новая пересборка» капитализма завершает предысторию. Итак, возможна ли «новая пересборка» капитализма – так ставится

⁷ Там же. С.68-69.

⁸ Там же. С.69.

вопрос в главе 1.5 «Капитализм, рента и демократия: возможна ли новая пересборка?» Речь идет не об отдельных странах с их укладом, а о глобальном рентном капитализме. Авторы уверены, что именно «глобальный мир демонстрирует отчетливые признаки превращения рыночной модели капитализма в рентную»⁹. То есть противником авторов является не капитализм и частная собственность, а всего-навсего «неолиберальный мейнстрим», который к их сожалению или к критическому удовлетворению «до сих пор пользуется оптикой идеализированной модели рыночного капитализма»¹⁰. Уточним, что тут указаны три противника: оптика, неолиберальный, мейнстрим и этот мейнстрим распространяет ложные стереотипы на политику. В принципе это совершенно то же, что и установка Д. Сороса в его фундаментальном труде «Кризис глобального капитализма». Д. Сорос критикует рыночный фундаментализм, а наши авторы не принимают рентную эволюцию и деградацию капитализма. А могли бы мы желать иного, ведь книга издана либеральнейшей ВШЭ, а не издательством «Алгоритм»!

Авторов тревожит распространяемое неолибералами представление об аморальности ренты, вытекающее из протестантской этики и самого трудового происхождения капитала. Раннего настоящего капитала, для которого В.В. Маяковский создал портрет – «для внуков пишу в один лист капитализма портрет родовой». У лучшего советского поэта, «Капитализм в молодые года был ничего, деловой парнишка: первый работал – не боялся тогда, что у него от работ засалится манишка. Трико феодальное ему тесно!» Но нам представляется, что при этом авторы косвенно ставят другой очень интересный вопрос, который советским догматизированным историческим материализмом не был решен: вопрос о разрыве реальности и представления о ней, и о том, почему представители эксплуататорских классов являются носителями ложного сознания и убеждены в собственной трудовой полезности. Они пишут: «фактические рентополучатели... как правило, убеждены (либо будут настаивать на том), что они эту ренту заработали исключительно собственными усилиями»!¹¹ Все секретные офшорные владельцы шубохранилищ и роскошной зарубежной недвижимости не вычленяют рентную долю в своих доходах. При закате первой модели социализма такие доходы назывались «нетрудовыми», а молодежь критиковала за то, что они живут за счет родителей.

⁹ Там же. С.70.

¹⁰ Там же. С.71.

¹¹ Там же. С.72.

Прошло полвека и критикующие глобальный капитализм молодые буржуазные ученые ставят вопрос о том, не является ли *«паразитической рентой эксплуатация капитализмом в своих интересах всего жизненного мира людей»* – того, что Ф. Ницше называл *«человеческое, слишком человеческое»*, которое эксплуатируется *«нечеловеческим»*¹². История знает круговороты! В свете сказанного становится понятным, что вся капиталистическая рента идет с человеческого капитала. И если прежде мы относились к этому образу с непониманием и рассматривали его как лженаучный образ для манипулятивной практики экономикс, то благодаря авторам становится понятной его глубокая укорененность в структуре капиталистической эксплуатации. В структуре того, что у авторов получает наименование *«нового глобального рентного порядка»*. Любопытно, что на фоне глобального порядка (предположительно, открытого) в *«новой России»* формируется совсем не рыночный капитализм, но *«закрытое рентное общество»*.

Итак, мы вернулись при посредстве социальной гибридации и формирования нового глобального рентного общества в капиталистическом облики в худшие черты социализма с его закрытыми распределителями и неравенством на уровне нищеты? Повсюду, тем не менее, сам *«свободный дух рынка, действующий в условиях конкуренции, является важной частью риторики элит»* и там он остался – дух рынка сохранился в дискурсе обмана масс и самообмана¹³. И тут, *«опять за рыбу деньги»* – слышна старая песня капиталистического надувательства о равноценном обмене *«шкуры рабочего»* и справедливой ее оплаты капиталистом, дубящим эту шкуру. Эта песенка стара, начинай сначала, – и она была раскрыта К.Марксом уже в первом томе *«Капитала»*.

Элиты выдают *«доступ к ограниченным ресурсам как легитимное и достойное вознаграждение за свой труд или предпринимательский риск, а не как привилегию для немногих»*¹⁴. И поскольку в условиях массового обмана, которому позавидовал бы сам доктор Й. Геббельс, капитализм не преодолел ренту, а только модернизировал и интенсифицировал ее, то это опровергает не прогнозы В.И. Ленина и Р. Люксембург, но отправляет в мусорную корзину истории сам капитализм.

Поскольку авторы видят на поверхности истории лишь борьбу великих мировых теорий и указывают направление трансформации этой борьбы *«великих современных идеологий»* (либерализм,

¹² Там же. С.73.

¹³ Там же. С.77.

¹⁴ Там же. С.78.

консерватизм, социализм)... в кампанию по выражению популистских политических запросов», то по сути, как им кажется, открывается глобальный магазин по торговле эксклюзивным доступом к политической ренте¹⁵. Они вынуждены признать формирование «модели рентного капитализма». Однако авторы не видят возможностей двух других мировых теорий – консерватизма и цивилизационного неоиндустриализма. Что остается в этих условиях? Остается только рассуждать о том, какую важность «в глобальном контексте постфордистского, когнитивного капитализма приобретает институциональная организация *ренты со знания*»¹⁶.

Остается также нагнетать и пугать себя и читателей новым концлагерем, в котором организация ренты со знания осуществляется «путем реализации закрытого доступа к нему с помощью охранных процедур и потенциальных репрессий». И здесь вопреки либеральной ортодоксии капитализм прибегает к помощи государства – круг замкнулся, цикл либерального развития завершился, и из него выпорхнуло новое издание государственно-монополистического капитализма, или кому угодно иное выражение, выглянуло его обновленное мурло. А будущее капитализма напрямую зависит от трансформации государства¹⁷. Правда, авторы не говорят о классовом характере государства, сосредотачивая внимание на неких распорядительных функциях государства. И кто-то будет после этого утверждать, что предвоенная брошюра В.И.Ленина 1914 г. «Империализм как высшая стадия капитализма» неактуальна в наступившем столетии так называемого информационного общества и его будто бы цифровой экономики?

Чтобы не говорить о государстве диктатуры буржуазии, авторы вводят образ «дистрибутивного государства». Чем это отличается от софистической модели чистой демократии К. Каутского? А между тем дистрибуция – это просто общая хозяйственная функция классового государства, но слово хорошо звучит! Итак, утверждается, что «глобальный мир вступает в новую фазу рентного капитализма», но все дело в том, что глобализация завершается в 2020 г. в ходе вирусной деглобализации. Всякий раз мировая история прерывается или мировой войной, или как сейчас – организованной эпидемией, имеющей силу форс-мажора. В таком разрыве непрерывности развития обнаруживаются границы демократического государства, и происходит закат демократии, как говорят авторы, а на самом деле эта демократия является формой диктатуры класса. Им остается

¹⁵ Там же. С.84.

¹⁶ Там же. С.85.

¹⁷ Там же. С.91.

только утверждать, что при нехватке ресурсов государства начинают движение к своему естественному состоянию¹⁸. Но разве это состояние нечто иное, чем донаучный образ буржуазного гражданского общества и состояния войны всех против всех?

Итак, мы видим в книге 99 страниц софистики (точнее, применения софистического мышления к анализу общества), оппортунизма и 300 страниц эклектики. Диалектики тут нет. Далеко не всякий научный труд инспирирован диалектическим методом. Часто эклектизация и смешение в позднем капитализме просто отражаются в сознании авторов книги и в самой книге, как это происходит и в рассматриваемом издании. И мы не видим в этом никакого умысла против диалектики! Но сама книга очень полезна как учебник заблуждений и информационной классификации различных предположений о состоянии общества и перспективах его эволюции и инволюции.

Почему же софистика превалирует до 100 страницы, которая открывается параграфом «Трансформация политического порядка рентного общества»? И почему дальше идет все вперемешку для того, чтобы доказать тезис – рынок перестает быть ключевым фактором стратификации. Для доказательства этого выявляется сословная тенденция в демократии, фиксируется превращение разрозненных групп прекариата в новый политической класс для себя, политическая эволюция капитализма от либеральной утопии к консьюмеристским технологиям, понимание идеологий и утопий как способа коллективного когнитивного картографирования и т.п.

Авторы показывают, что «капитализм как саморегулируемый рынок оказался неспособен к сложной социальной регуляции коллективных действий» и, развивая культурную индустрию, капитализм закономерно приходит к пределу эксплуатации самой человеческой природы. Этим объясняется гендерный поворот позднего капитализма и интерес к женскому телу. Авторы вопрошают – будущее некапиталистическое общество должно быть скреплено чем-то в качестве социальных регуляторов?¹⁹ В области культурного доминирования и мягкой силы дух позднего капитализма уже пронизан эклектизацией и смешением всего предшествующего ценностного наследия, при этом он не порождает ничего принципиально нового²⁰.

А с производством новых утопий и у левых, и у правых в настоящее время наблюдается явный кризис, свидетельствующий о

¹⁸ Там же. С.96.

¹⁹ Там же. С.108.

²⁰ Там же.

безальтернативности трансформаций позднекапиталистического Модерна²¹. Остается надеяться на утопическое смешение авторов? Агентом политического действия все чаще начинает выступать шизофренический субъект, утрачивающий способность к эффективной организации своих интересов²². Шизофренический субъект постмодерна уже не в состоянии воспринимать историческое время и мыслить исторически. И получается, что в конце истории действуют новые политакторы: шизофренические субъекты и рентные группы. Тут, в этом конце истории, уже нет классов! Что это как не оппортунизм на практике и не ревизионизм в теории, возникшие в результате антидиалектического мышления?

Выход из глобального кризиса, как показывает история, осуществляется тройко: путем Мировой войны (пока не получается, хотя с начала нового года многие старались), Пандемия (состоялась, но пока в виде паники и сумятицы в головах людей), Форс-мажор в смысле чрезвычайных природных катастроф. Такова альтернатива коммунизму. Это альтернатива быстрой гибели человечества или мировой социалистической революции. Но авторы нашли другую альтернативу медленного гниения капитализма – его трансформацию в рентно-сословное, или кастовое общество.

Интересно, что подобные модели общества будущего использованы во многих так называемых антиутопических фильмах и книгах. Авторы как специалисты по социальной фантастике это прекрасно знают, но коммунизм как альтернативу гибели или вечного застоя и социального неравенства не рассматривают. На самом деле верхушку этого нового общества займут хозяева всего и вся, воображающие себя имеющей на это право элитой. Ниже будут исполнители, затем касты владеющих знаниями, а еще ниже специалисты, и на дне – все остальные 90 %. И если верхняя часть обладает богатством и доходом с него, средняя – заработной платой, то низшая – кормится подаянием. И все это – богатство, заработная плата, подаяние суть рента. То есть рента это родовое понятие и даже категория, а остальные понятия – видовые. Но богатство с доходом кардинально отличается от оплаты труда и от подаяния. Противоположностью ренты может быть только жалованье. Но тогда речь идет о коммунизме.

Неужели этот совершенно уэллсовский образ антигуманного будущего достоин человечества? И люди в лице теоретиков готовы отказаться от пути совместного процветания, когда развитие

²¹ Там же. С.109.

²² Там же. С.110.

каждого становится условием развития всех, а не выживание каждого становится результатом гонки за рентой и использования каждого в качестве средства извлечения ренты?

2.4. Трансформации политических институтов под влиянием информационно-коммуникационных технологий

А.Т. Жиренова

Мы становимся сегодня свидетелями вхождением человечества в качественно новую, объективно сложную и противоречивую стадию развития, позиционируемую как информационное общество. Принципиально новые формы культуры (медиакультуры, киберкультуры, информационной культуры, экранной культуры, виртуальной реальности) стали для нас реальностью. Стремительно совершенствующиеся информационно-коммуникационные технологии, глобальные системы накопления, обработки и передачи гигантских объемов информации увеличивают степень насыщенности информационного пространства, создают специфическое состояние информационной наполненности каждого момента существования личности, меняют локальный и глобальный облик социокультурного пространства.

Существенной трансформации подвергается и деятельность органов государственной власти, создается инновационная система государственного управления на базе электронных технологий сбора, передачи и распространения информации (электронные правительства, электронные государства, на основе информационно-коммуникационных технологий совершенствуются процедуры демократического управления (электронная демократия, демократия прямого доступа).

В процессе длительных научных дискуссий был выработан ряд терминов, характеризующих новое государство и политический режим в нем – «электронная демократия», «кибердемократия», «теледемократия», «медиакратия», «нанодемократия», «мобильное государство» и др. При таких способах организации власти именно информационный фактор превращается в ключевой механизм модернизации политических отношений и обеспечения взаимодействия между властью и обществом. Понятие «информационное общество» стало одним из наиболее распространенных. Сегодня активно используются термины «постбуржуазное общество», «общество виртуального соприсутствия», «информационный капитализм», «технотронное»

или «техногенное общество», «пострыночное», «конвенциональное», «программируемое», «цифровое общество», «общество симулякров», «незавершенный модерн», «сетевое общество», «общество, основанное на знаниях» и др. Такая неопределенность во многом объясняется новизной самого объекта исследования, использованием различных методов познания социальной действительности, прогностическим, и, как следствие, многовариантным характером описания тенденций и перспектив развития общества. Поэтому попытка понять, в каком же именно обществе мы живем, каковы его сущностные черты и возможные сценарии будущего, представляется важной задачей социально-философского анализа.

Трансформация систем управления и власти является неизбежным процессом. По мнению Э. Тоффлера, «...Мы вступаем в эру метаморфоз власти. Мы живем в момент, когда вся структура власти, скреплявшая мир, дезинтегрируется. Совершенно иная структура обретает форму»¹. Это происходит потому, что в конце XX века появляются новые, более мощные и гибкие информационные технологии и основным ресурсом власти выступают знание и информация. Возникло общество, основанное на знании (knowledge – based society). Как ресурс власти, знание обладает отличными от других характеристиками: гибкостью, оно может бесконечно расширяться и накапливаться, и является самым демократичным источником власти². Сама политическая жизнь становится объектом информационного подхода, и эта тенденция воздействия информатики на политическую жизнь возрастает.

Мануэль Кастельс утверждал, что возникла новая культура: «...культура реальной виртуальности. ...Электронные коммуникации суть необходимые инструменты выражения в новой культуре, а доминантные функции и ценности общества организованы в потоках информации»³.

Рациональное использование информации способствует созданию определенного политического климата, формированию массового сознания, дает возможность манипуляции этим сознанием, созданию системы политических отношений. Происходящие глубокие коренные изменения всех сфер жизни общества являются следствием коренных трансформаций в самой природе власти и управления.

¹ Тоффлер Э. *Метаморфозы власти*. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 669с. – С. 41-42.

² Там же – С.43.

³ Кастельс М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. – М.: ГУ-ВШЭ, 2000

Информационное общество исключает иерархическую структуру власти. В его условиях централизованные институты власти должны уступить место децентрализованным структурам, связанным между собой неформальными отношениями. По мнению американского футуролога Дж. Нэбитта⁴, традиционные ячейки общества постепенно будут уступать господствующее место структурам другого рода, которые призваны ускорить поток информации, укреплять самопомощь, способствовать обмену ресурсами.

Среди тенденций, характерных для современного этапа развития демократии, исследователи⁵ все чаще указывают на переход к сетевому принципу построения публично-властных отношений, которому присущи два основных признака: 1) устойчивая связь в сети, т.е. стабильная способность сети поддерживать свободную коммуникацию между ее компонентами; 2) согласованность сети, обусловленная общностью интересов между целями самой сети и целями ее компонентов. Воплощение указанных признаков на практике создает условия для построения сетевого государства.

Взаимосвязь государства и общественных структур в изменившейся информационной среде приобретает характер новой конфигурации (конфигурации цифрового соприсутствия). Это делает возможным как модернизацию уже существующих, традиционных форм диалога властных структур с гражданами, так и появление качественного нового типа властных взаимоотношений электронного правительства (e-government) и электронной демократии (e-democracy). Их становление означает кардинальный пересмотр ценностей государственного управления, ориентацию на открытое демократическое общество, в котором гражданская и научная экспертизы деятельности органов власти способствуют принятию эффективных управленческих решений.

Современная политическая власть обретает новый ресурс, отсутствовавший в прежние исторические периоды развития общества – информационно-коммуникационный ресурс идеологического воздействия СМИ и Интернета на личность и общество. Ускорение перемен, постоянные инновации требуют новой формы политической власти, новых форм правления и новых политических деятелей. Информационные сети, трансформируют все области и смещают властные структуры. Это потребует новых стилей руководства – преодоление односторонности, создания творческого

⁴ Нейсбит Дж. Мегатренды. – М., 2003. – С.23.

⁵ Калмыков А.А. Четвертая политическая сила // Вестник РГГУ. Серия «Политология. Социально-коммуникативные науки». – 2012. – № 1.

руководства, имеющего политический характер. Информатизация общества требует ее демократизации, ориентированной на конкретные проблемы. В информационном обществе, основанном на знании и ИКТ, модернизируются традиционные формы диалога властных структур с гражданами и формируются качественно новые принципы властных взаимоотношений (электронное правительство, цифровое государство и электронная демократия). Для управления теми социальными и техническими изменениями, которые происходят ныне, следует осознать не только глубокую связь между демократизацией общества и ее информатизацией, но и развивать сами демократические принципы.

В реальности информатизация – одновременно и технологический, и социальный процессы. Это новое не только научно – техническое, но и социальное явление, возникшее как результат воздействия научно-технического прогресса на общество. Поэтому в этом, более широком аспекте, информатизацию следует понимать как важную сферу человеческой жизнедеятельности, имеющую существенное значение не только для производственно-экономической, но и для социально – политической сфер. Вполне естественно, что в этих условиях информатизация привлекает пристальное внимание политиков. Проблемы информатизации общества решаются в поле политики. Дж. Грант, А. Тоффлер отмечают сопряженность технологический и политических изменений, «способы применения компьютера так или иначе продиктованы политикой в широком смысле слова»⁶.

Ныне темпы общественной жизни настолько быстры, политические и экономические ситуации столь скоротечны, что громоздкий бюрократический аппарат не может своевременно и эффективно реагировать на эти изменения. Функции управления в будущем будут выполняться структурами, умеющими быстро меняться и адаптироваться, проблемы будут решаться тактическими группами, собранными из специалистов различного профиля, под руководством администраторов. Бюрократия заменяется специократией – «быстрой, насыщенной информацией, подвижной организацией будущего, состоящей из мобильных ячеек и людей».⁷

В демократическом обществе существует строгий контроль над деятельностью государства, который стимулирует развитие инфраструктуры, способной осуществлять контроль, сдерживающий произвол и злоупотребления чиновников.

⁶ Новая технократическая волна на Западе. – М., 1986. – С.159.

⁷ Тоффлер А. Футурошок. – М., 1998. – С.199.

Так постепенно проявляется другая сторона взаимоотношения демократии и информатизации: информатизация, будучи зависима от определенных социально – политических и экономических условий, в свою очередь оказывает как бы обратное воздействие на эти условия, в том числе на процессы демократизации. Политика – форма коммуникации, поскольку она невозможна без политической организации нацеленной на овладение властью. Взятые власть формируют коммуникации в соответствии со своими интересами и потребностями. Формирование коммуникации основывается на использовании коммуникационных средств, в числе которых информатика ныне занимает ведущее место. Вполне естественно, что информационная технология, не определяя политику, оказывает на нее сильное влияние.

Демократия, обогащенная современными техническими возможностями, является новым феноменом культуры информационного общества, его новой ценностью, существенным достижением современного государственного управления. Одновременно показывается, что новые информационные возможности «цифровой демократии» таят в себе и новые проблемы социально-философского плана.

Современные исследователи выделяют болезненные точки «цифровой демократии»: угроза цифрового раскола общества, который, в свою очередь, усугубляет существующее ныне социальное неравенство; опасность дискриминации национального меньшинства большинством; тенденция «затягивания» принятия важных управленческих решений, поскольку электронная демократия содержит в себе пространство диалогического взаимодействия, где ведутся длительные обсуждения различных точек зрения на социальные, политические, экономические вопросы; кроме того, неравномерный доступ граждан к информационным ресурсам содержит в себе потенциальную опасность манипулирования общественным мнением.

Новые возможности, открываемые электронной демократией и электронным правительством, ломают ранее сложившиеся представления о властных отношениях, инициируют новые модели поведения и принципы взаимодействия институтов власти с гражданами.

В информационном обществе основанном на знании, и ИКТ модернизируются традиционные формы диалога властных структур с гражданами и формируются качественно новые принципы властных взаимоотношений (электронное правительство, цифровое государство и электронная демократия).

Обязательным условием перехода на более качественно новый этап развития страны в условиях информационного века является создание и развитие качественной и всеобъемлющей инфраструктуры е-правительства для внедрения IT в повседневную жизнь страны, построение информационного общества и развитие экономики страны путем использования IT во всех секторах. Здесь особую значимость приобретает развитие е-индустрии.

Информационная индустрия переходит на новый количественный и качественный уровень, затрагивая регионы и страны; она определяет способность устоять в конкурентной борьбе высокотехнологичного мира XXI века. В связи с этим есть необходимость выработки концепции информационного общества в Казахстане, в которой бы отмечалась роль и место основных участников этого процесса: государства, коммерческого сектора экономики, населения, общественных организаций; государственной политики в отношении «информационных магистралей» в коммуникационной сфере республики. В связи с тем, что информационный поток обладает сильным культурным воздействием, необходимо развивать национальную информационную инфраструктуру, способную донести духовные традиции, историю, морально-ценностные ориентиры, демократические ценности.

Полномасштабный реинжиниринг административных процессов во всех госорганах – это задача этапов строительства е-правительства, где должны развиваться разнообразные сервисы, охватывающие все сферы жизнедеятельности граждан и функционирования государственных органов. Поэтому в Программе нет таких терминов, как е-медицина, е-образование, е-культура, е-демократия и др. В рамках создания «электронного правительства» осуществляется автоматизация деятельности государственных органов.

С другой стороны становление электронной демократии диктует необходимость повышения медиакультуры личности, подразумевает развитую способность граждан к критическому анализу и объективной оценке предлагаемых в информационном пространстве медиапосланий, к пониманию специфики информационного плюрализма, социокультурных и политических закономерностей функционирования демократии прямого доступа, умение оперативно ориентироваться в сложных кодовых и репрезентационных схемах.

Государство при создании и решении больших информационных проектов должно учитывать экономические, политические, технологические условия, культурно-духовное влияние этого

процесса. Эти опасения высказывают многие специалисты. Встает вопрос о национальных приоритетах в информационной, вещательной политике, культурной идентичности, ментальности восприятия казахстанского общества.

На политической арене появилась возможность масштабной координации действий различных субъектов политического процесса для защиты своих политических интересов. По мнению российского ученого М.С. Вершинина, «...Интернет становится нервной системой современной цивилизации, совершает качественное преобразование экономической, социальной и политической структур общества»⁸

С другой стороны, виртуализация политического процесса представляет собой упрощение политической реальности в угоду её театрализации, зрелищности. Это упрощение происходит как посредством манипуляции политическими символами и смыслами, так и с помощью широкого использования маркетинговых и психотехнологий. К числу негативных особенностей сетевых средств связи имеют слабая достоверность информации, анонимность, злонамеренное искажение информации), которые также самым серьезным образом повлияли на теорию и практику современной политической коммуникации.

По мнению современных исследователей, влияние современных медиа и ИКТ привело к сложным последствиям, аудитория имеет почти не ограниченный доступ к любой информации, используя которую создает удобный для себя параллельный мир, приковывая человека к мультимедиа, выбрасывая его из реальной жизни, что серьезно упрощает действие манипулятивных технологий. Сущность проблемы это объем и качество циркулирующей в обществе информации, доступной массам. Как правило, не вся информация придается гласности, так как, по сути, именно информация представляет собой один из важнейших инструментов управления обществом. Власть по-разному решает проблему доступа к информации. Так, наиболее распространенной формой в современных условиях для маскировки цензуры является формулировка «регулирование информационных потоков». В современном обществе власть информации и знаний, возможность манипуляции ими, становится решающей в управлении обществом, оттесняя государственное принуждение, как институт власти. Непосредственными распространителями знаний и значимой информации являются СМИ, которые оказывают серьезное влияние

⁸ Вершинин М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе. – СПб.: Изд-во Михайлова, 2001. – С.45.

на массы. Так, П. Бурдые считает, что СМИ являются главным инструментом «оболванивания» масс⁹. Благодаря СМИ появляется возможность создавать и навязывать свои представления и идеалы, оценочные наименования, классификации. Другими словами, СМИ обладают специфической символической властью, которая навязывает реципиентам определенную картину мира, растворяя индивидуальность в себе. Очевидно, что для навязывания своей воли современному обществу власть должна использовать более тонкий инструментарий, нежели простое принуждение или прямые цензурные запреты. Таким образом, СМИ-технологии создают, по мнению К. Касториадиса¹⁰, «в сознании зрителя виртуальное время спектакля, которое, во-первых, разорвано и может вовсе не коррелировать с реальным временем и, во-вторых, часто характеризуется «ампутацией смысла».

Информационное пространство, безусловно, не может находиться вне орбиты борьбы политических и экономических интересов – СМИ и Интернет существуют в фокусе внимания государства, их деятельность регулируется государственным законодательством. Политические, общественные и религиозные организации ведут борьбу за влияние в информационном пространстве; бизнес давно осознал вполне материальную значимость и высокую рентабельность медийных инвестиций. Одновременно социально-философский анализ деятельности средств массовой коммуникации доказывает, что в целом они становятся все более независимым фактором влияния в современном мире. Это происходит в силу невозможности «замолчать» очевидные события в условиях глобального информационного поля, их «неподконтрольности» частным и национально-государственным властным интересам во всемирном масштабе. Можно менять описание и ракурс подачи событий, но нельзя их абсолютно отменить, «вычеркнуть» из поля общественного внимания.

⁹ Бурдые П. О телевидении и журналистике. – М., 2002.

¹⁰ Касториадис К. Россия: стратегия достоинства. Имидж и реальность страны, информационные и технологии и кризисные ситуации. – М., 2001

2.5. Евразийство как цивилизационный выбор в контексте современного понятийного понимания

С.А. Колдыбаев

В последние десятилетия растет интерес к евразийству, как цивилизационному феномену. И связано это, в частности, с развалом СССР, образованием на его базе национальных республик, мировыми процессами глобализации. Как известно в основе современного осмысления понятия цивилизация лежат следующие системообразующие связи различного порядка:

- пространственные, опирающиеся на особенности природной среды, ландшафта;
- временные, формирующие общность исторического бытия, широко понимаемой культуры, языка;
- социально-психологические, цементирующие суперэтническую общность за счет формирования сопоставимых ценностно-нормативных механизмов, субъективного осознания общности, самоидентификации людей.

С точки зрения данных подходов, несомненно, евразийское пространство на стыке Европы и Азии представляет громадное цивилизационное объединение соединяющую десятки различных народов, история которых началась с оседлости, у других с кочевого образа жизни. Известно так же, что многовековая история в течение более 25000 лет как социально-государственного строительства, так и духовной культуры евразийских народов не раз сплетала их в единую системную целостность. Вспомним для подтверждения историю скифов, гуннов, Великий тюркский каганат VI-VIII веков, Русь, Монгольскую империю, Россию, СССР, СНГ. При всем этом, важно заметить, что системные связи между евразийскими народами никогда не бывали полностью разрушенными.

Сегодня, уже в начале XXI в., как представляется, понятие «евразийство» требует наполнения несколько обновленного цивилизационного содержания. И диктуется это теми переменами, которые происходят в мире, да и в самом евразийском мире.

Вспомним, сама идея возникновения евразийства в начале XX в. исторически в основном была связана с двумя основными причинами.

Первая, – в связи с разграничением Востока и Запада, Азии и Европы по цивилизационным критериям развитости или отсталости. Цивилизованный Запад и отсталый, аграрный Восток, где отсталой или отстающей стороне отводится догоняющая роль по отношению к Западу, – такова была позиция сторонников вестернизации всей

мировой цивилизации как единственно возможной. Вторая причина – была связана с тем, что евразийцы полагали, что существует разница между западной цивилизацией, как явлением больше материальным и восточным, как преимущественно духовным. Отсюда Евразийство мыслилось русскими философами (Ильиным, Алексеевым и др.) как некая особая цивилизационная данность, которая находясь на стыке Европы и Азии является особой цивилизацией. Такой, которая не только природно-территориально, но и по духу, культуре, мироощущению, миропониманию людей живущих в этом цивилизационном пространстве отлична от европейских и классических азиатских стран.

Подобное, рельефно-контрастное сопоставление евразийских стран и Европы легло, между прочим, и в идею образования СССР, которую Л. Гумилев довольно определенно считал евразийской цивилизацией. И хотя этот грандиозный практический социальный эксперимент закончился в конечном счете неудачно, теоретические представления о евразийстве как особом социальном мире не изменились.

Заметим, особость евразийства, как цивилизации, по прежнему констатируется на современном Западе. И не только в известной работе В. Хантингтона. Но и в том числе и доминирующем общественном мнении Запада и его политике по отношению к евразийскому пространству. Она по крайней, в известной степени объясняет то, что современный Запад по сих пор не воспринимает современную Россию, как «свою». И это, в частности, несмотря на то, что руководство прежнего СССР (М. Гобачев), а впоследствии и России (Б. Ельцин) фактически сдали свой все основные позиции как геополитического соперника.

В современных условиях подобные социальные разграничения имеют тенденцию смягчения, ибо сегодня Восток и Запад, Азия и Европа переживают процессы тесного демографического и экономического сближения и переплетения, образуя тем самым глобальное сообщество, или цивилизацию. В современных евразийских странах происходят динамичные, по своей природе радикальные перемены «вестернизации». По примеру западных стран, государства Евразии, которые были ранее соборными, общинными, коллективистскими переходят на позиции признания господства частной собственности и индивидуализма в общественной жизни. Между тем, если вспомнить общинность являлась одной из важных доктринальных основ раннего евразийства.

С другой стороны, вектором магистрального политического развития в евразийских странах все более становятся принципы западной демократии, прав и свобод человека. В культурно-духовную жизнь евразийских государств уверенно входят и утверждаются ценности массовой культуры, свободных отношений. Традиционализм, как установка, норма социальной жизни, регулирующая поведение массового человека теряет свое значение.

Перемены произошли и в отношении евразийцев к Западу. Если раньше евразийство выражало ущемленное и протестное чувство, то «новоевразийство, как геополитика и идеология постиндустриального общества, выступает за равноправный диалог цивилизаций и культур Востока и Запада, за их сближение, сотрудничество и взаимообогащение с позиции своей конвергентной философии»¹.

Таким образом, можно говорить, что вектор всемирно-исторического современного развития внутренней жизни современных евразийских странах все в большей степени идет по линии утверждения западных ценностей общества. Иначе говоря, в векторе соотношения в евразийстве между Западом и Азией маятник все в большей степени уходит в сторону первого. Западные идеалы общества, по крайней мере определено в социально-экономической, политической, духовной жизни становятся социально ориентируемыми для евразийских стран.

И, безусловно, подобного рода серьезные перемены должны отражаться на наших представлениях о евразийстве как особой цивилизации, изменить в известной мере наши традиционные представления об этом понятии.

Конечно, будем трезвыми: нельзя преувеличивать степень экономических, политических, культурно-духовных перемен, которые происходят на территории современных евразийских государств. Скорее, здесь речь идет о доминировании характера и направленности векторного развития этих стран в сторону признания и внедрения у себя западных ценностей общества.

Думается, понятны и причины того, почему это происходит. В этой связи нельзя безоговорочно согласиться с популярными сегодня в российских СМИ идеями о причинах вестернизации современного мира, как результатах козней Запада, США, их вмешательства в дела других стран, силового давления и пр. Действительные причины распространения и популярности западных ценностей в евразийском мире все же видятся в другом. И

¹ Югай Г.А. Будущее России // Будущее России, СНГ и евразийской цивилизации : труды XV международной дискуссии: Будущее России, СНГ и евразийской цивилизации. – Пермь, 2002. – С. 265 – 279.

они состоят в том, что на сегодня западная система, по мировому признанию является при всех своих недостатках наиболее успешной и результативной социально-экономической и политической системой в современном мире. И это собственно и является, по нашему мнению, основной причиной того, что евразийство поворачивается, образно говоря в сторону Запада.

Но тогда напрашивается вопрос, а что собственно остается от традиционного евразийства, как цивилизационной современной социальной реальности? Очевидно незыблемым по-прежнему в евразийстве являются необъятные природные пространства степей и лесов, в которых все больше увеличивается количество людей не с традиционным, а уже индивидуалистическим сознанием. А между тем, заметим, по доминирующему среди современных исследователей мнению цивилизацию характеризует, прежде всего, и главным образом культурно-духовная специфичность общества. А она, как выясняется, теряет свою духовную особость, наполняясь в противоположность своему бывшему традиционно-соборному духом стяжательства и индивидуализма.

Вывод очевиден. Перемены, которые происходят внутри евразийских стран и вне их требуют сегодня изменить наши традиционные представления о самом понятии «евразийство». Знаковые по значению, цивилизационные признаки, связанные с культурно-духовной и психологической стороной современного евразийского общества меняются и все больше становятся похожими на западные ценности. И это, пожалуй, главное. Эту суть не меняют лозунги стремления к «русскому миру», дрейфа отдельных евразийских стран в сторону исламизации и пр., которые в основе своей носят конъюнктурно-временный характер.

Евразийство как идеология должна отражать изменившиеся социальные реалии современного мира, выступать модернизированной культурной и философской системой. Пожалуй, одним из первых это понял экс-президент Казахстана Н. Назарбаев. Еще в 1994 г. в своей лекции в МГУ имени М. Ломоносова он заявил, что в условиях краха СССР и новых геополитических реалий евразийство должно рассматриваться прежде всего как общее территориально – экономическое объединение, которая призвана способствовать усилению взаимных интегративных экономических отношений между бывшими республиками СССР, уходу от сырьевой зависимости регионов входящих в нее. В настоящее время, как известно, эта идея экс-президента РК вполне успешно реализуется в виде СНГ, Таможенного союза и приносит при своих естественных

издержках общую пользу, способствуя росту производства в бывших республиках Союза.

Согласно идее Н. Назарбаева современное евразийство как цивилизационный феномен должно функционировать на своеобразном «патриотическом прагматизме», основанном на экономическом приоритете. Отсюда экономическая интеграция стран СНГ сегодня выступает важнейшим условием развития единого Евразийского Союза.

Вместе с тем, сейчас, в условиях жесткого противостояния между исламским миром и Западом, в свете конфликта, угрожающего перекинуться и на другие территории, необходимо усиление политических контактов между евразийскими странами. Во внешнеполитическом плане евразийство должна выступать как самостоятельная и независимая политическая реальность, как полноценный субъект международной политики. Государствам, находящимся на территории Евразии все же легче, ввиду известных причин находить скордированные политические ответы на угрозы и вызовы современного мира.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что в последние десятилетия внутренней политике всех странах СНГ усиливаются элементы евразийства. Это – укрепление государственной власти, ослабление олигархических кругов, курс на патриотизм, государственность, повышение ответственности в работе СМИ. Безусловно – это постепенный и эволюционный процесс.

Современная жизнь диктует необходимость дальнейших политических шагов по усилению евразийских начал в странах СНГ. В частности евразийское общество должно основываться на принципе возрожденной морали, имеющей как общие черты, так и конкретные формы, связанные со спецификой этно – конфессионального контекста. Принципы естественности, чистоты, сдержанности, упорядоченности, ответственности, здорового быта, прямоты и правдивости – должны всячески поощряться в отношениях между людьми. В демографическом плане необходима «пролиферации евразийского населения», моральное, материальное и психологическое поощрение многодетности, превращения многодетности в евразийскую социальную норму.

В области образования необходимо усилить моральное и научное воспитание молодежи в духе верности историческим корням, лояльности евразийской идеи, ответственности, мужественности, творческой активности. Деятельность информационного сектора евразийского общества должна базироваться на безусловном соблюдении цивилизационных

приоритетов в освещении внутренних и внешних событий. Принцип образования, интеллектуального и морального воспитания должен быть поставлен над принципом развлекательности или коммерческой выгоды. Принцип свободы слова должен быть сочетаем с императивом ответственности за свободно сказанные слова. Евразийство предполагает создание общества мобилизационного типа, где принципы созидания и социального оптимизма должны быть нормой человеческого бытия. Мировоззрение должно раскрывать потенциальные возможности человека, давать возможность каждому, преодолевая (внутреннюю и внешнюю) косность и ограниченность, выразить свою уникальную личность в общественном служении.

В основе евразийского подхода к социальной проблематике важно, чтобы лежал принцип баланса между государственным и частным. Баланс этот определяется следующей логикой: все масштабное, имеющее отношение к стратегической сфере (ВПК, образование, безопасность, мир, моральное и физическое здоровье нации, демография, экономический рост и т.д.) должно контролироваться государством. Мелкое и среднее производство, сфера услуг, личная жизнь, индустрия развлечений, сфера досуга и т.д. государством не контролируются, наоборот, приветствуется личная и частная инициатива (кроме тех случаев, когда она вступает в противоречие со стратегическими императивами евразийства в глобальной сфере).

В целом, как представляется, усиление современных евразийских мотивов особенно внутри жизни стран СНГ в сочетании с вестернизированными элементами государственной и общественной жизни способны придать качественно иную цивилизационную специфику евразийским странам. А это будет означать, что евразийство в обновленном виде будет иметь все предпосылки оставаться самостоятельным цивилизационным феноменом в мире.

2.6. Гуманитарная и культурологическая экспертиза и возможности диалога культур в выборе изменений

С.Н. Некрасов

Основные мировые философские и политические теории исчерпали свои возможности по созданию глобальных проектов будущего и производству цивилизационных идеологий. Речь идет о либерализме, фашизме (корпоративизме), коммунизме, однако интеграция элементов этих теорий в общую модель потребного будущего создает новую глобальную утопию пришествия цифрового общества, постиндустриального вектора развития и зеленой экономики. Встает вопрос о природе культуры этого искусственного синтетического общества. Тем не менее, существующий миропорядок самым ходом истории поставлен под вопрос, поскольку в конце предыстории человечества этот миропорядок не устраивает никого. Сообщество народов планеты, то есть человечество, обычно не находит пути решения стоящих перед ним задач, не определив ту культурную интегральную форму социума будущего, к которой есть смысл направлять усилия. В последние годы человечество бросается от идеи глобализации к антиглобализму и обратно. Само несовершенство социума по-разному понимается в общественных и гуманитарных науках и решается в существующих подходах к анализу мирового исторического развития. Таковыми оказываются формационный, цивилизационный, экономико-антропологический, экономический, исторический, наконец, прогрессорский подходы.

1. Первый пункт, который следует вводить в культурологической экспертизе: из какого подхода исходит автор или концепция?

Можно выдвинуть ещё один подход к анализу развития – ноосферный как наиболее заманчивый для исследования желаемого будущего, однако этот содержательный подход не работает без формального описания ситуации кризиса и наиболее подходящей для выполнения этой задачи оказывается синергетика. Только диалектика способна объяснить сами изменения и уйти от бессодержательного их описания к предвидению. В.И. Вернадский в эвакуации осенью 1941 г. провозгласил «Ноосфера победит!» Но он не объяснил, почему силы ноосферы победят фашизм? Выскажем предположение, что эти силы, совпадающие с «красной весной» человечества, развивают высшие способности человека, поднимают его по цивилизационной лестнице вверх.

2. Второй пункт – если используется ноосферная модель, то каков ее вектор: «красная весна» социалистической реконструкции или

«черная весна» как продукт капиталистической мутации?

Строители новой глобальной и повсеместно внедряемой цифровой утопии прозрачного общества на первый план вынесли краеугольный камень: таким «камнем преткновения» стала хрематистика. На ней строится планетарное распределение произведенных благ и услуг, оказывающееся «справедливым» для меньшинства и несправедливым для большинства. Все большее число интеллектуалов вслед за олигархами и буржуазными правительствами настаивает на возникновении нового субъекта управления обществом – ученого. Этот мистифицированный ученый-всезнайка способен создать Всемирный Интернационал Учёных, который проведет тотальную оцифровку мира и объединит учёных всех стран. В результате, вслед за молодым К. Марксом можно предположить, что необходимо осуществлять не управление в интересах господствующего класса, а регулирование общественных отношений в интересах всего общества. Однако субъектом такого управления может стать не класс и не сообщество ученых, но народ, обладающий мечтой, направленной на развитие творческих способностей и преобразование мира по законам добра и справедливости.

3. Третий пункт экспертизы – выявление субъекта культурных изменений и утопического конструирования цифровой экономики и культуры зеленого общества. Анализ мифологии, утопии, антиутопии и эутопии становится результатом обнаружения субъектности конструирования.

В новом столетии и тысячелетии возникла необходимость в новой народной мечте, и она будет связана с космосом, с интеллектуальной традицией мыслителей русского космизма. В 2019 г. в Екатеринбурге состоялось открытие А.А. Прохановым «Академии русской мечты». Мы убеждены – новые космистские идеи и мечты ворвутся в жизнь. Так же как песни, образы и стихи 30-60 гг. с экрана внезапно шагнули в жизнь и были подхвачены по всему миру, помогали движению сопротивления фашизму, вдохновляли молодежь планеты: так и русская мечта об освоении космоса, победе над смертью, станет мечтой и делом объединенного человечества. В космосе нас ждет встреча с теми, кого в научной фантастике называли «братья по разуму». Возможен ли диалог земных и космических культур? Он возможен при условии того, что человечество под влиянием русской мечты займет позицию нового индустриального освоения Солнечной системы.

4. Четвертый пункт экспертизы – соответствие рассматриваемого текста или культурного проекта традиции русской мечты, неоиндустриализма, единого индустриального комплекса и преобразуемого ближнего космоса Земля-Луна-Марс, перенос

производства под поверхность планет, извлечение из Земли алмазов для технологий квантовых компьютеров, переработка астероидов с редкоземельными элементами для получения сплавов с новыми свойствами.

В «Звездных дневниках Ийона Тихого» С. Лема потрясает восьмое путешествие, где герой избирался делегатом Земли в Организацию Объединенных Планет. Точнее, избирался не он, а все человечество принималось в организацию. С. Лем показывает, что диалог невозможен. В ООН сегодня заседают разные делегаты, и это говорит о том, что люди понимают и принимают друг друга в любом виде и качестве. С.Е. Кургинян показывает, что началась последняя чудовищная мутация капитализма, которая уничтожает в человеке человеческое. Он, реагируя на стихи А. Вознесенского «Все прогрессы реакционны, если рушится человек», называет современного западного человека «рушащимся человеком» – тем, кто не способен раскрепостить свои высшие творческие способности. Это человек, который признает неискоренимость антропологического и социального Зла. Это человек, который отчаянным образом старается отрегулировать отношения с неискоренимым и неистребимым «злым началом своим», то есть это идеал трансгуманистической идеологии.

5. Пятый пункт экспертизы – на наличие человеческого и отсутствие его деформации в проекте. То есть на опасность расчеловечивания и самоотчуждения.

Поскольку диалог возможен между культурами, которые признают друг в друге людей, а саму человечность понимают как развитие высших творческих способностей и преобразование Вселенной, это значит, что социал-дарвинизм и фашизм как инверсии капитализма стоят по ту сторону человечности, а потому любой диалог с ними невозможен даже после денацификации стран и народов. Денацификация как государственная политика оккупационных держав не выжигает дотла способности капиталистического общества к антигуманистической мутации. Поскольку коммунизм является теоретическим антигуманизмом направленным против эксплуататорских классов и практическим гуманизмом по отношению к трудящимся, то возникает необходимость вычленения в левой идее троцкистско-хрущевской версии и сталинистско-маоистской теоретической модели развития второй исторической формы социализма.

6. Шестой пункт экспертизы – признание и понимание необходимости денацификации и разделения в социалистической идее донаучной идеологии раннего Маркса и научной идеологии зрелого Маркса и Ленина.

Поскольку цивилизационные проекты и их реализации в глобальных и локальных цивилизациях выражаются в языке и пользуются господствующими ключевыми метафорами, которые, в свою очередь, являются основой некритически принимаемых парадигм, то есть префигураций, то и борьба цивилизаций внешне наблюдаемо выражается в борьбе префигураций. Борьба в сфере дискурсов и глобальных нарративов трансформируется в борьбу национальных идей и столкновение ожиданий и мечты народов: американская мечта, китайская мечта, русская мечта. Иначе говоря, борьба цивилизаций идет не только в гонке космических сверхдержав, в соревновании по достижению наивысшей производительности труда, но и в сфере, говоря по-старому, идей.

7. Седьмой пункт экспертизы заключается в выявлении господствующих идеологий, используемых эпистем, внедряемых парадигм и алгоритмов решений. Этот пункт направлен на совершенствование гуманитарного образования в контексте процессов усложнения и диверсификации классификационной структуры современных гуманитарных наук.

Проведение экспертизы строится на изучении исторического опыта и ставит вопрос о переходе от плюралистического и толерантного многообразия педагогических технологий к унификации андрагогического образования и воспитания. Речь идет о формировании не только в ВУЗах, но в обществе в целом поколения новых взрослых в обстановке выработки Россией национальной идеи и формирования практики социального устройства цивилизационного неоиндустриализма. Теоретические аспекты культурологической экспертизы на базе современного гуманитарного знания показывают опасности утраты цивилизационной, национальной идентичности и отставания исторической России в новой индустриальной гонке и диалоге цивилизаций.

Зачем нужна культурологическая и иная гуманитарная экспертиза? Она является обязательным сопровождением духовного производства, поскольку любому социуму нужно своё обществоведение, и в перспективе для каждой системы должны быть созданы свой понятийный аппарат, особый набор дисциплин, свой язык. В мире, для которого характерен кризис классического проекта модерна эпохи Просвещения, возникли несколько радикально друг от друга отличающихся социумов. Западная наука об обществе с её методами, понятийным аппаратом и сеткой дисциплин отражает такой шизофренический тип общества, в котором обособлены экономическая, социальная и политическая сферы. В России возникла необходимость создать реальную социальную науку, как это делал

Запад в эпоху становления модерна и как это осуществил К. Маркс в «Капитале». Создание новой картины мира станет главным условием победы конкурирующих цивилизаций в битвах XXI в. за посткапиталистическое будущее.

Западная наука нашего времени как идеология модернизации отсталых обществ и технология формирования постиндустриального общества не пригодна для понимания жизни в становящихся и живых евразийских социумах, в которых рынок интегрирован в традиционные структуры производства и обмена, а потому его развитие не требует выделения из них и превращения в капитализм. В истории перестройки и реформ уже произошло наложение дисциплинарной и понятийной сеток западной науки на советское общество. В результате в ходе утраты культурного суверенитета мы в СССР получили ряд бесперспективных наук-мутантов: «политэкономия социализма», «социологию советского общества», «политологию советской элиты» и т.п. Отсутствие экспертизы как гуманитарной рефлексии общества привело его к дальнейшему распаду и трансформации в стандартный социальный гибрид конца истории.

Для овладения современностью средствами науки, идеологии, утопии и мечты требуется вся мощь социальной науки, и каждый аутентичный социум вкладывает в эту новую социальную науку самое ценное из того, чем он обладает. Вкладывает в науку знания, но не гуманитарные и социальные технологии манипуляции населением. Запад уже сделал свой вклад, и результат оказался неутешительным – гибридным. Эта новая социальная наука позволит задать координаты и построить бинарную модель осмысления мира, в которой нуждается объединяющееся человечество. Развитие человечества потребовало научной модели постсовременного мировосприятия. В сущность эта новая модель уже готова и осталось только ее зафиксировать. Если расположить, вслед за К. Леви-Стросом, по оси абсцисс левые и правые проекты социального устройства, то мы разделим мир пополам: левые – правые. А если по оси ординат, то есть сверху вниз: проводим деление мира на две другие половины – снизу либерализм (и это понятно, почему), вверху – консерватизм.

В результате возникают четыре сектора: по часовой стрелке снизу вверх возникает мир левого либерализма, вверху – левого консерватизма, вверху справа – правого консерватизма, и внизу справа – правого либерализма. Из этого нижнего сектора - в политике и культуре местонахождения правого либерализма глобалистов – в конце истории начинается перемещение вверх в область правого консерватизма и изоляционизма. Отметим, что все больше проявляется

тенденция к перемещению идей и лиц из правого верхнего сектора в верхний левый. Этот сектор левого консерватизма традиционно занимал СССР и все левые сторонники первой Родины трудящихся всего мира. Именно этот сектор после хрущевской десталинизации и разгрома СССР оказался незаполненным, зато левые двинулись в нижний левый сектор, в котором возник прежде невозможный синтез троцкистов и неолибералов, феминисток и сторонников «радуги» ЛГБТ Квир плюс. Сказанное свидетельствует о начале глобального перемещения симпатий человечества в сектор третьей модели социализма – левый консерватизм.

Если говорить о движении на политической плоскости, то оно должно было из правого нижнего квадранта происходить как вверх, то есть в сторону консерватизма, так и влево. И действительно, на последних президентских выборах в 2016 году в США проявились яркие политики как в лево-либеральном секторе, так и в право-консервативном. Это движение должно быть продолжено и что неминуемо на мировой политической сцене должны появиться лево-консервативные политики. Все это говорит о том, что при завершении предистории и начале новой подлинной истории человечество будет выбирать между очень простыми вариантами развития начала этой истории – «черной весной» и «красной весной». Сегодня впервые с 1991 года на мировой уровень выходит идеология лево-консервативная, которая на государственном уровне была последний раз в СССР. Формируется единый привлекательный для объединенного человечества цивилизационный образ будущего как лево-консервативного проекта индустриального овладения природными силами, космосом, социальными связями и отношениями неантагонистического общества.

Получается, что людям Земли нужна прежде гневно отвергавшаяся утопия, но утопия научная и гуманная, исторически оправданная. Наше время в России и мире взывает к утопии и к утопистам, но к утопистам-реалистам, которые требуют возврата к рационалистической традиции научного познания мира и социалистическому лево-консервативному курсу преобразования общества и природы. Можно зафиксировать результат движения современного общественного сознания: от общечеловеческой утопии и общечеловеческих ценностей, минуя государственную идеологию, к новой всемирной формуле цивилизационного выбора человечества. Речь идет о начале цивилизационного выбора всего человечества.

2.7. Всегда ли инновации являются качественными изменениями?

В.С. Возняк

Тотальное *стремление к новизне* стало грустным и неприятным поветрием нашего весьма суетного времени. И мало кому понятно, что всё это – *на продажу*. Инновации давно приобрели откровенно *товарную форму* на нынешнем этапе развития буржуазной цивилизации.

Послушаем умного человека – Михаила Александровича Лифшица: «Но почему, собственно, необходимо сказать обязательно *новое слово*? Мало ли всяких бедствий вышло из неистового новаторства былых времен, например в агробиологии? Как не вспомнить здесь Щедрина: “Боже мой! Сколько же есть прекрасных и вполне испытанных старых слов, которые мы не пытались даже произнести, как уже хвастливо выступаем вперед с чем-то новым, которое, однако, и не можем даже определить”»¹. Полемизируя с М.С. Каганом, утверждавшим, что суть преобразовательной деятельности в том, что создает что-то ранее не существовавшее, новое, Мих. Лифшиц спрашивает: «А зачем? <...> Но М. Каган признаёт, что преобразовательная деятельность направлена к достижению *лучшего* будущего, и в этом, наконец, можно с ним согласиться. Новые вещи хороши, если они лучше старых, и преобразовательная деятельность заслуживает этого имени, если она создает не просто новый, а *лучший* мир. Но откуда наше всесильное воображение знает, *что* именно лучше? Не нужно ли для этого знать или по крайней мере чувствовать истину?»².

Вот Мартин Хайдеггер пишет: «Когда истина превращается в достоверность знания обустроивающего и обеспечивающего себя человечества, начинается та история, которая в историческом исчислении веков называется *Новым временем*. Это словосочетание означает больше того, что обычно под ним подразумевают. Оно говорит о том существенном, что отличает эту эпоху. Поскольку истина, в которой пребывает человечество, требует обеспечения безусловного господства человека, такая ее сущность ввергает человека и его действие в неизбежную и непрестанную заботу о том, чтобы, непрестанно добиваясь *новых* успехов и совершая *новые* открытия, постоянно достигая чего-то самого *нового*, осуществляя все *новые* завоевания, шествуя от одного *небывалого* к другому в

¹ Лифшиц Мих. В мире эстетики. – М.: Изобраз. искусство, 1985. – 320 с. – С.115.

² Там же. С.164.

своих переживаниях, он мог повышать возможности своего обеспечения и затем снова использовать их в борьбе со вновь возникшими угрозами (выделено курсивом мной – В.В.)»³.

Стремление к *новизне*, «инноватика», креативизм так или иначе связаны с экспансией *проективного мышления*, *рассудка*. В.П. Зинченко назвал проектирование еще одним СПИДом XX века. Погоня за новизной, поклонения новизне – продукт современной буржуазной цивилизации. Мих. Лифшиц писал: «Новизна становится главной ценностью, а столкновение нового с устаревшим стандартом быта – формальной схемой жизни»⁴. Логика отрицания старого является «логикой дьявола»⁵ вместо того, чтобы служить *ступенькой к более высоким формам* человеческой жизни. Всё это так или иначе является «бредом тёмного обывательского сознания, охваченного манией разрушения во имя нового»⁶. На вопрос «Что такое творчество?» обывательское сознание сразу же отвечает: «Это созидание чего-то нового, ранее не бывалого». Блестяще, буквально наотмашь сказано Мих. Лифшицем: «Неопатия, погоня за новым – это болезнь современного обывателя, всегда способная сделать его предметом любых расчетов»⁷.

В философско-теоретическом плане за экспансией чисто проективного мышления стоят претензии конечного рассудка на право переустройства действительности согласно своим смыслам и целям. Справедливо утверждает В.В. Бибихин: «Я знаю, как сознанию тяжело избавиться от иллюзии, будто оно само как-то рождает, находит или артикулирует свои смыслы»⁸. Утилитарно-рассудочное мышление включает в себя реформаторские тенденции, стремление противопоставить себя существующему объективному положению вещей. Однако «расстояние между субъективным конечным рассудком и объективным миром весьма велико»⁹. Поклонение «креативности» является лишь гордыней конечного сознания, рассудочной болезнью ума, стремящегося все время исправлять действительность, вносить в нее свои смыслы и помыслы. «Не сон разума, – пишет В. Арсланов, – порождает чудовищ в XX веке, а его

³ Хайдеггер М. Ницше. – Т. II. – СПб.: Владимир Даль, 2007. – 457 с. – С.373.

⁴ Педагогика сотрудничества (Отчет о встрече учителей-экспериментаторов) // Учительская газета. – www.ug.ru/issues/?action=topic&toid=3801 – С.105-106.

⁵ Там же. С.306.

⁶ Там же. С. 68.

⁷ Там же. С. 68.

⁸ Бибихин В.В. Время читать Розанова // Розанов В.В. О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. – М. : Институт философии, теологии и истории Святого Фомы, 2006. – С. V-XIX. – С. IX

⁹ Педагогика сотрудничества. С.460.

бодрствование и чрезмерная активность»¹⁰. Прimitивный рационализм, верящий только в аргумент силы, сочетается с волюнтаризмом, – «бездумным самомнением субъекта, считающего, что мир, лежащий перед ним, – слепой и мёртвый объект для его творческой активности»¹¹. Эпоха односторонне развитой субъективности, рефлектирующего рассудка, «претензий конечного разума на рациональное руководство миром связана с буржуазным горизонтом»¹². Нельзя не согласиться и с таким размышлением Мих. Лифшица: «<...>сама творимая человеком действительность, и тем более она должна быть свободна от нашего субъективного прожектерства и доктринерского вмешательства. Умный человек должен от этого отучаться и, признавая независимость исторической действительности от претензий нашего недовольного маленького сознания, делать свое дело, как всякий обыкновенный участник общественного труда и борьбы. “Будем возделывать наш сад!” Чем независимей от наших претензий становится действительность, тем более разум становится ее естественным элементом, тем свободны мы сами внутренне – в философском и художественном смысле»¹³. Все настоящие художники «в большей или меньшей мере объективны, сознают ограниченность “конечного рассудка” и его вмешательства в действительность для исправления оной»¹⁴.

Что же касается условий качественных изменений вследствие инноваций в образовательном процессе, то *основное и существенное* сказано в статье Н.В. Гусевой «Статус и смысл инноваций в образовательном процессе: дисциплинарный, теоретический и методологический аспекты». Автор замечает: «“Инновация” как термин означает “вхождение в новое”. Конкретным смыслом любое вхождение “в новое” может наполняться лишь тогда, когда указывается то, что, куда и как совершает “вхождение”»¹⁵. Различение дисциплинарных, теоретических и методологических характеристик инноваций в образовательном процессе осознанно выделяет смыслы, связанные с решением определенных социально-практических задач и позволяет защититься от стихийности и ошибок в процессе совершенствования образования. Отсутствие

¹⁰ Арсланов В.Г. Постмодернизм и русский «третий путь»: tertium datur российской культуры XX века. – М.: Культурная революция, 2007. – 656 с. – С.10.

¹¹ Там же. С.109.

¹² Педагогика сотрудничества. С.462.

¹³ Там же. С.463.

¹⁴ Там же. С.456.

¹⁵ Гусева Н.В. Статус и смысл инноваций в образовательном процессе: дисциплинарный, теоретический и методологический аспекты // Вестник Казахстанско-Американского свободного университета. – 2007. – №1. – С. 40–45. – С.40.

подобного различия делает «инновацию» лишь *внешним* показателем.

На *дисциплинарном* уровне знание выступает в форме *готового знания*, поэтому здесь инновации осуществляются в пределах технологизации: «<...> при технологически-функциональном подходе к рассмотрению образования и нововведений в нем (инноваций), – человек с его спецификой и закономерностями существования вообще не становится моделируемой, то есть рассматриваемой, реальностью, Здесь полностью отсутствует задача совершенствования именно его форм существования. Все внимание авторов инновационных проектов при технологически-функциональном подходе занято совершенствованием технологий передачи знаний»¹⁶. На собственно *теоретико-методологическом* уровне образование предстает как процесс становления собственно человеческого в человеке. Тогда инновации открывают *новые возможности развития* человеческой субъектности и не имеют манипулятивного характера. Именно такие инновации могут обеспечивать качественные изменения в сфере образования¹⁷.

А вот теперь обратимся к собственно теоретической *диалектике* в попытке ответить на вопрос, поставленный в название статьи: «всегда ли инновации являются качественными изменениями?» (относительно образовательной сферы). Согласно диалектике для *качественных* изменений необходимо изменение *количества*, как гласит закон взаимного перехода количества и качества. Однако *всегда ли* количество приводит к качественным изменениям?

Приходилось сталкиваться с таким суждением: разве количество воспитательных мероприятий в школе обязательно даёт новое качество – в смысле позитивного результата воспитания? Однозначно не даёт. Значит, закон диалектики о переходе количественных изменений в качественные «не работает». – Разумеется, не будет «работать», если его понимать абстрактно, односторонне, то есть – *неправильно*. Ведь *не любое* количественное изменение ведет к качественным, но лишь то, которое *нарушает меру* (как единство определенного качества и не менее определенного количества), притом нарушение меры может быть связано не только с увеличением количества, но и с его уменьшением. Вспомним Гегеля. Качество есть определенность, совпадающая с бытием – настолько, что изменение этой определенности ведет к изменению бытия «ничто». Количество же

¹⁶ Там же. С.43.

¹⁷ Там же. С.43-44.

является определенностью, которая безразлична к бытию «нечто», ее изменение не ведет к изменению бытия «нечто». Однако количество есть *безразличная* определенность не «вообще», а *конкретно*, до поры до времени – в *пределах меры*.

Согласно концепции киевского философа В.А. Босенко¹⁸ изменяется не просто некое абстрактное «количество», а *количество определенных качеств*, причем эти «качества» *отличаются* как от качества той меры, в пределах которой происходят изменения, так и от качества вновь возникающей меры как нового единства иного качества и количества. Одно накапливается в другом, а получается – третье, не похожее ни на то, *что* накапливалось, ни на то, *в чём* накапливалось.

А теперь о количестве «воспитательных мероприятий», которое никак не хочет переходить в новое, ожидаемое качество. А вот и не перейдет, ибо накапливалось количество явно **не тех** «качеств». Однако умножение подобного рода «воспитательских» действий казённо-принудительного характера *неминуемо переходит* в новое качество, ибо *нарушена мера* – мера *терпения* учащихся. Учащиеся становятся *откровенно безразличными* даже враждебно настроенными по отношению к подобному рода «мероприятиям». Воспитательный эффект сего – двойкий: с одной стороны, активное *неприятие* того якобы «правильного» содержания, которое им навязывалось, а с другой (позитивной) – формирование *чуткости* к любой казёнщине и формализму. Какая же сторона возьмет верх – зависит от обстоятельств.

Итак, закон диалектики, говорите, «не работает»? Срабатывает всюю и предельно точно, главное – *неумолимо*. Только результат отнюдь не тот, на который рассчитывали. И поделом: *думать* надо и диалектику изучать не по учебникам Константинова, а по добротным источникам.

Еще одно, и весьма существенное. Количественные изменения переходят в качественные посредством того, что называется «скачок», *скачкообразно*. В 60-70е годы прошлого столетия некоторые авторы предлагали некоторую градацию «скачков» – быстрые и медленные, мгновенные и такие, где происходит «постепенное накопление элементов нового качества и постепенное отмирание элементов старого качества». С критикой подобного подхода выступил уже упомянутый В.А. Босенко. Нелепо делить «скачки» на разные виды. Суть «скачка» состоит не в том, что он по времени «быстрый», а в *перерыве непрерывности*. Сам же такой перерыв может во времени иметь *различную длительность* (во

¹⁸ Босенко В.А. Диалектика как теория развития. – Киев: Вища школа, 1966. – 248 с. – С.55-82.

времени всё относительно) в зависимости от природы конкретной реальности. Но его сущность как *прерыва непрерывности* от этого не меняется. Нет в мире процессов, которым «на роду написано» быть непременно «скачками». Дело в том, что *одна непрерывность* при определенных условиях (нарушение меры) *прерывает другую непрерывность*. Одна непрерывность исполняет *роль прерыва* другой непрерывности. Иными словами, «скачок» тоже является некоторой постепенностью, однако лишь по отношению *к себе*; по отношению же к предыдущей постепенности он – именно прерыв, сколько бы не длился. Переход от животного к человеку – «скачок», прерыв непрерывности. А ведь длился во времени он гораздо дольше, нежели собственно человеческая история.

Относительно вопроса об инновациях в сфере образования следует обратиться к опыту педагогов-новаторов («педагогика сотрудничества»), ныне основательно забытому (В.Ф. Шаталов, М.П. Щетинин, С.Н. Лысенкова, Е.Н. Ильин, семья Никитиных, Ш.А. Амонашвили, И.П. Волков, И.П. Иванов, В.А. Караковский, С.Л. Соловейчик и др.). Их педагогика – не просто некая «образовательная инновация» (и слов таких заумных тогда не знали, а если знали, то не употребляли), а просто *совершенно иная педагогика*: переход от школы принуждения и опеки к школе со-трудничества. Вот где настоящая смена основания!

Донецкий учитель Виктор Федорович Шаталов как-то написал, что новая, необычная, весьма своеобразная и даже в чем-то экзотичная «методика» преподавания – всего лишь «пыль на сапогах» новой педагогики. Кстати, вот точное указание *места* «технологической» стороне дела в обучении и воспитании! А на уроки В.Ф. Шаталова в Донецк со всего Союза (Советского, а не Европейского) съезжались *за свой счёт* десятки, если не сотни учителей: эти уроки он вынужден был проводить в спортивном зале. Пытались позаимствовать, перенять «технологию». И практически ничего не получалось, ибо *основание* учения было совсем другим. А ведь «основание» – категория сферы *сущности*. Последняя же *видится умом* и не дана чувственно как наличное бытие.

Здесь следует остановиться и снова вспомнить теоретическую диалектику. Качество, количество и мера – категории сферы *бытия*. Количественные изменения в пределах одной меры на языке категорий сферы *сущности* означают возникновение и развертывание противоречия, нарушение меры и *переход* (а в сфере бытия именно «переход») к новой мере – это *разрешение противоречия и смена основания*. А если сущность взять в единстве с бытием в свободном выявлении сущности – получаем *понятие*, лишь

на уровне которого речь идет о развитии, отрицании и отрицании отрицания.

Возьмём, к примеру, опыт М.П. Щетинина, школу которого в очередной раз (до того было это и в России, и на Украине в советское время) под совершенно надуманными предлогами закрыли совсем недавно в Российской Федерации, и сердце ученого и учителя не выдержало... Становление системы М.П. Щетинина, если вести речь в категориях сферы бытия, включало ряд (определенное количество) «новшеств», каждое из которых само по себе не привели бы к смене основания. К примеру, уменьшение урока до 35 минут и тем самым освобождение учебного времени для творческих занятий, метод «погружения» в те или иные предметы, работа учащихся в приусадебном хозяйстве при школе и т.д. Все вместе эти «инновации» исчерпали меру обычной педагогики и привели к новой мере, новому единству качества и количества, а в сущности – к смене основания, к разрешению противоречий, с которыми не смогла справиться обычная школа. Самое же главное – педагогические взаимоотношения стали строиться по логике «субъект-субъект», что радикально изменило бытие школы, образовательное пространство, превратившееся в способ развития личности каждого участника процесса.

Элементы новшеств («инноваций»), их качество и количество у педагогов-новаторов были *различные*, но результат один: *выход за пределы* обычного педагогического процесса и построение учебно-воспитательной деятельности на новом основании, обретение образованием иной, адекватной *сущности*. Это и дало возможность мыслителю, писателю и педагогу С.Л. Соловейчику обобщить опыт новаторства и сформулировать документ, известный как «Педагогика сотрудничества»¹⁹.

А вот с образовательными инновациями в нынешнее время дело обстоит намного сложнее. Дело не в том, что их мало, наоборот – слишком *много*. Среднее и высшее образование (по крайней мере к нас, на Украине) вследствие целой цепочки *очень непродуманных* реформ (тоже ведь – «инновации») действительно перешло в «новое качество». Только *гораздо худшее* предыдущего. Ведь «новое» само по себе может быть либо *лучшим*, либо *худшим*. Образование ввергли не просто в кризис, а в ситуацию катастрофы, разрушая всё то доброе и позитивное, что было в советской системе, некритически заимствуя из западного опыта некоторые элементы, которые реально ухудшили ситуацию.

¹⁹ Лифшиц Мих. Почему я не модернист? Философия. Эстетика. Художественная критика. – М.: Искусство – XXI век, 2009. – 606 с.

Возникает вопрос: а *способна ли* нынешняя система образования к *развитию*, или обречена на дальнейшую стагнацию, загнивание? Нынешний откровенно буржуазный социум в постсоветских странах *объективно не заинтересован* в целостном творческом саморазвитии личности (что бы при этом не болтали о так называемом «*социальном заказе*»), хотя глубинная, далеко не явно выраженная, интенция движения современной цивилизации содержит такое требование как необходимость разрешения субстанциальных противоречий человеческой предыстории.

Что же *препятствует* подлинному прогрессивному развитию нынешней системы образования? В первую очередь – позиция многочисленных *чиновников «от образования»*. Нет, они ничуть не против «*инноваций*», они сами их непременно *в пределах собственного разума внедряют*. У нас, например, каждый год в университете совершенно произвольно изменяют требования к *оформлению учебных программ*, просто не успеваем исполнять указания «*начальства*». Причем к *содержанию дела* сие не имеет *никакого* отношения. Нужно же как-то чиновной братии оправдывать некую необходимость своего существования. Вот и портят нам, преподавателям, жизнь, загружая бесполезной работой во имя некоторого только им ведомого «*улучшения*».

Вся система образования нуждается – нет, не в «*совершенствовании*», а элементарном *исправлении*, в отказе от многих «*новшеств*», основательно испортивших ее, образования, живую ткань. И лишь тогда можно говорить о собственно *развитии* – разумеется, в сторону способствования разрешению накопившихся противоречий, загоняющих образование в глухой угол. Конечно же, «*исправление*» в определенной мере также есть развитие, сторона и *непременное условие* его.

Итак, можно сделать выводы. **Любая** образовательная инновация является неким *качественным изменением*, весь вопрос – *каким* именно. Любая образовательная инновация есть единство вполне определенного *качества* и определенного *количества* и выступает *прерывом постепенности*. Все дело – в **конкретном качестве**.

Н.В. Гусева совершенно права в своей оценке инноваций на *дисциплинарном* уровне: их не следует отвергать напрочь, но необходимо определить их *меру* и *уместность*. И понимать: сами по себе они *не способны* разрешить основные противоречия образовательной сферы. Конечно же, остро необходимы образовательные инновации на *теоретическом* и *методологическом* уровне. Однако – где же взять адекватных *субъектов* подобных

инноваций, если педагогика как таковая, по мысли Ф.Т. Михайлова, еще не имеет *своей фундаментальной теории?*

На мой взгляд, необходимы *такие образовательные инновации*, которые действительно *направлены на выход* всей системы образования из существующей меры, на *разрешение принципиальных противоречий* этой системы. Подобных инноваций *определенного качества* должно быть *определенное количество*. И лишь тогда возможен прерыв постепенности (который сам по себе – *не быстрый, а весьма постепенный*), переход к новой мере. Только следует помнить, что то, что получится в результате (разумеется, при благоприятном стечении обстоятельств), никак *не будет похоже* ни на то, *что* «накапливалось», ни на то, *в чём* «накапливалось». Но и не следует строить себе иллюзий относительно «постепенного отмирания элементов старого качества и постепенного накопления элементов нового качества». Просто так – не бывает.

Инновационные изменения происходят на уровне *наличного бытия*. Здесь – просто *переход*. На уровне же *сущности* – *рефлексия* как свечение одного в другом, незримое *присутствие* одного в другом, внутренняя связность, а точнее – истинное всеединство. И лишь на уровне *понятия* как единства бытия и сущности происходит *развитие* как таковое. Значит, *сами по себе* инновационные процессы не ведут к сущностным преобразованиям, однако могут им *способствовать* – равным образом, как и *препятствовать*.

Инновации сами по себе – вещь неплохая и даже необходимая. Но они – не панацея. Весьма полезно помнить: эта «вещь» может стать *опасной* в неумелых (точнее – не умных, очумелых) руках и при очень *нечистом разуме*.

На одной из конференций долго спорили вокруг определения того, что есть «инновация». Одна дама в конце концов не выдержала и заявила: «Инновации – это то, за что сейчас платят». Сказано откровенно и совершенно точно.

Когда меня знакомые по телефону спрашивают: «Что новенького?», я отвечаю: «Слава Богу, ничего». Наверно, это возрастное...

2.8. Динамика инновационного пространства в контексте культурных трансформаций

В.К. Лукашевич

Динамика инновационного пространства и культурные трансформации – в тенденции процессы практически однопорядковые, поскольку нарастание интенсивности, масштабов и значимости инновационной деятельности, в настоящее время происходящее экспоненциально, обуславливает культурные преобразования, которые вряд ли были бы возможны в слабовыраженной инновационной среде и, прежде всего, вне сознательно и направленно культивируемого инновационного пространства. Осмысление механизмов отмеченного воздействия предполагает экспликацию понятия «инновационное пространство» и выявление факторов его динамики, в том числе социокультурных, которые непосредственно фиксируют сопряженность названных процессов.

Понятие «инновационное пространство» вошло в научный и практический обиход сравнительно недавно. В содержании употребляемых вариантов данного понятия и соответственно характеристиках его коррелята доминируют количественные параметры: масштабы инновационных преобразований, их сферное многообразие, географическое богатство мест реализации и др. С ними связывают представления о степени развитости инновационных процессов в конкретном социуме (стране), а также ресурсное значение самого инновационного пространства. Считается, что его содержательное богатство, определяемое проектными и сферными проявлениями инновационного характера, обеспечивает благоприятные стартовые условия для разработки очередных инновационных проектов и их реализации в имеющемся и расширяемом инновационном пространстве¹.

¹ Ашмарин И.И. Человек в пространстве инноваций // *Личность. Культура. Общество.* – 2008. – Т.10. – Вып.3/4(42/43). – С.209-219; Котько С.П. Об интеграции Беларуси в мировое инновационно-технологическое пространство // *Наука и инновации.* – 2004. – №2. – С.51-53; Щербин В.К. Пути и механизмы интеграции Республики Беларусь в мировое научное и инновационное пространство // Веб-версия материалов Международного научно-методического семинара «Государственная система учета НИР, ОКР, ОTR: новые возможности, методика, практика». – Минск: ГУ «БелИСА», 2005. – http://belisa.org.by/ru/izd/other/Reg2005/r21_reg2005.html; Рябцева Н.В. Проблемы институционализации инновационной деятельности // *Проблемы современной экономики.* Евразийский международный научно-аналитический журнал. – 2008. – № 3(27). – <http://www.m-economy.ru/art.php3?artid=24242>; Чернов С.А. Инновационные сети // *Институт исследований природы времени.* – http://www.chronos.msu.ru/RREPORTS/problema_vremeni/chemov_innovatsionnye.htm.

Соответственно актуальность дальнейших исследований специфики инновационного пространства естественным образом связана с необходимостью изучения его параметров в более широком предметном и проблемном диапазоне. Это, во-первых, работа в русле анализа системного взаимодействия в идеале всей совокупности предпосылок и ресурсов инновационной деятельности в конкретном месте и в конкретное время. Инновационное пространство их ассимилирует по определению (как наиболее масштабное измерение инновационной деятельности) и соответственно задает адекватный контекст исследования инновационных процессов. Недостаточное внимание этому важному методологическому требованию к исследованию инновационной деятельности в отечественной литературе отмечается все чаще и с нарастающей досадой: «инновационность рассматривается как преимущественно технический вопрос, который может быть решен в отдельных секторах экономики, отдельных отраслях науки и отдельных специальностях образования без изменения базовых мировоззренческих и ценностных установок индустриального общества советского образца, устаревших форм организации, неразвитой системы социального взаимодействия и демотивирующих креативную личность репрессивных моделей управления»².

Во-вторых, изучение параметров и динамики инновационного пространства должно быть ориентировано на обеспечение социальной размерности инновационной деятельности и определенности инновационной политики на основе целостного праксеологического представления о положении дел в конкретных сферах жизнедеятельности социума (страны), взаимодействия в них традиционных и инновационных путей и средств решения ключевых проблем развития. В частности, необходимо ассимилировать в предметном поле анализа процесс рутинизации инноваций, в контексте которого выявляется актуальная и перспективная ценность инноваций и созданного инновационного пространства как альтернативных средств удовлетворения текущих потребностей и как средств накопления креативного и в целом жизненного ресурса социума.

В-третьих, должна быть осмыслена динамика инновационного пространства в контексте культурных трансформаций.

² Лаврухин А. Человеческий капитал: инновационная система Беларуси: актуальное состояние, проблемы и факторы развития // Беларуский институт стратегических исследований. – http://belinstitute.eu/sites/biss.newmediahost.info/files/attached-files/BISS_SA15_2013ru.pdf – С. 3.

Содержательное наполнение обозначенных векторов может быть в необходимой степени полно осмыслено при наличии адекватного понятийного аппарата, воспроизводящего структурно-генетические и функциональные характеристики инновационного пространства. Он на данное время не сформирован в системном варианте.

Исходя из релятивистского понимания природы социального пространства³ (инновационное пространство является его разновидностью), *инновационное пространство* можно определить как *совокупность социальных отношений и связей, воспроизведенных на определенном множестве объектов, непосредственно вовлеченных в инновационную деятельность*. Предложенная дефиниция инновационного пространства дает возможность выделить набор его ключевых параметров, экспликация которых необходима для изучения прежде всего пространства функционирующих инноваций в общем русле инновационной политики, отвечающей национальным и государственным интересам и ресурсным возможностям конкретного социума (страны).

В их числе:

– *конфигурация инновационного пространства* – его границы, определяемые объектами, непосредственно вовлеченными в инновационные преобразования; такого рода объекты можно квалифицировать как инновациогенные;

– *плотность* – количество объектов, охватываемых конфигурированным инновационным пространством, непосредственно вовлеченных в инновационные преобразования, и степень интенсивности отношений и связей между ними; это его насыщенность такого рода объектами и отношениями;

– *форма инновационного пространства* – определенное множество фиксированных типов отношений и связей (экономических, финансовых, научно-технических, технико-технологических, правовых, информационных, образовательных, управленческих и др.) между объектами, непосредственно вовлеченными в инновационные преобразования; форма всегда не только содержательна, но и определенным образом структурирована, соответственно процесс формирования инновационного пространства необходимо сопряжен с его структурированием;

³ Бурдые П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение // Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. – С.33-52; Ло Дж. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. – 2006. – № 1. – С.31-42.

- *структура инновационного пространства* – определенная иерархия множества отношений и связей между объектами, непосредственно вовлеченными в инновационные преобразования; это фактически отношения между отношениями внутри инновационной системы, среди которых можно выделить группы доминирующих отношений, зависимых, производных и др.;

- *динамичность* – это способность инновационного пространства претерпевать направленные изменения количества объектов, вовлекаемых в инновационные преобразования, а также типов и интенсивности их отношений и связей; это подвижность множества объектов и их формообразующих связей;

- *полиморфность* – способность инновационного пространства принимать многообразные формы (структуры) путем установления разнокачественных и разноинтенсивных отношений между различными по степени сложности объектами, непосредственно вовлеченными и вовлекаемыми в инновационные преобразования;

- *системное качество инновационного пространства* – это его целостная определенность, обусловленная спецификой непосредственно вовлеченных в инновационные преобразования объектов, а также иерархией, степенью разнообразия и интенсивности их отношений и связей, сопряженных с целями и задачами состоявшихся, реализуемых и планируемых инновационных преобразований.

Заключительный из отмеченных признаков системного качества инновационного пространства (характер сопряженности инновационных объектов с целями и задачами состоявшихся и планируемых инновационных преобразований) является ключевым критерием его развитости или неразвитости, как адекватности или неадекватности целям и задачам реализуемых и намечаемых инновационных проектов и в целом перспективам инновационной деятельности в конкретном социуме (стране). Известно, что трудно рассчитывать на достижимость выдвигаемых претенциозных целей и перспектив при низком качестве инновационного пространства.

Механизм действия упомянутого критерия связан с представлением о двух измерениях системного качества инновационного пространства. Первое – предметное как совокупность объектов, вовлеченных в инновационные преобразования. Это носители новых (технологических, производственных, хозяйственно-экономических, социально-политических и др.) отношений и связей, реализуемых в инновационных преобразованиях в виде определенных типов взаимодействий. Такого рода (существующие и вновь создаваемые) объекты обеспечивают саму возможность

инновационных преобразований определенного уровня (на примитивной предметной базе не реальны фундаментальные инновации переднего края). В русле предметного измерения градация качества инновационного пространства может быть проведена по критерию оригинальности инновациогенных объектов. Например, в сфере производственных инноваций ее традиционно связывают с уровнями технологических укладов, т.е. здесь в настоящее время можно выделить до шести уровней качества инновационного пространства по достаточно устоявшемуся, фактически общепринятому, критерию. По сходной схеме можно работать, определяя качество инновационного пространства при анализе инновационных преобразований в природопользовании, энергетике, социальной и политической сферах, здравоохранении, образовании и др., поскольку оригинальность инновациогенных объектов определяется прежде всего их объективными свойствами.

Второе измерение – праксеологическое, представленное содержанием целей и задач инновационных преобразований, их ценностных и инструментальных установок, видением перспективы инновационной деятельности. Это определитель отношений и связей инновациогенных объектов (диапазона их разнообразия, уровня интенсивности и иерархической сопряженности), необходимо реализуемых в русле инновационных преобразований на конкретной предметной базе. В этом плане достаточна принципиальная оценка системного качества инновационного пространства как развитого или неразвитого по одному критерию – его соответствия или несоответствия (адекватности или неадекватности) целям и задачам реализуемых и планируемых инновационных преобразований. Она не отменяет возможности детализированной (градуированной) оценки на основе сопоставления имеющегося инновационного пространства конкретного социума (страны, региона) с теми его вариантами, которые созданы в инновационно лидирующих странах.

Однако ключевое значение имеет способность (или неспособность) существующего инновационного пространства ассимилировать инновациогенные объекты, а также их отношения и связи, необходимые для достижения выдвигаемых целей и задач инновационных преобразований именно в данном социуме. Здесь концентрируются элементы ценностно-мировоззренческого, идеологического, социокультурного и социально-психологического характера, о недостатке внимания к которым упоминают многие авторы и здесь же возникают определенные трудности методологического характера. Если исходить из упомянутого, наиболее распространенного, понимания инновационного

пространства как совокупности вовлеченных в инновационную деятельность объектов и их отношений и связей, т.е. как пространства функционирующих инноваций, то тем самым область обеспечиваемого им инновационного поиска окажется существенно ограниченной. По определению она будет включать лишь то, что связано с совокупностью инновационно функционирующих объектов и их отношений и связей. Соответственно ее ресурсный потенциал будет работать преимущественно на создание улучшающих (комбинаторных, модифицирующих) инноваций. Радикальные базисные инновации в этих условиях маловероятны.

Реально же системное качество инновационного пространства аккумулирует его ресурсный потенциал, который накапливается в креативных процессах предельно широкого диапазона, явно выходящего за рамки масштаба пространства функционирующих инноваций. Этот потенциал проявляется в способности инновационного пространства (тем самым приобретающего общесоциальный, социумный статус) направлять процессы создания и ассимиляции новых инновационных объектов, а также предопределять установление новых отношений и связей между ними в русле инновационных преобразований. Например, инновационное пространство Республики Беларусь стимулирует направленность инновационных проектов на разработку нетрадиционных источников энергии, поскольку это направление развития энергетики достаточно мощно представлено в нем на информационно-ментальном уровне белорусского социума, прежде всего в виде научных знаний, как интеллектуальных объектов, а также определенной совокупности сферно-материализованных объектов (энергетических установок). То же самое можно сказать о новациях в трансплантологии, фармацевтике, генной инженерии. И наоборот с определенного рода трудностями сталкивается в Республике Беларусь развитие интернет-торговой сети как инновационное направление в отечественной системе торговли: сказывается неразвитость правовых и логистических связей между ее объектами, прообразы которых не заложены в структурах функционирующего инновационного пространства страны.

Анализируя проблему системного качества инновационного пространства необходимо исходить изрегулярно наблюдаемых фактов, что усилия по реализации инновационных проектов, как правило, включают действия по повышению качества инновационного пространства, часто напрямую не сопряженные с непосредственными целями и задачами инновационных преобразований. Так, инновации, связанные с внедрением

технологий на один и более уровень выше прежних, должны в комплексе охватывать наряду с технико-технологическими изменениями, текущую коррекцию системы управления, оплаты труда, маркетинговой деятельности и др. Это наиболее тесно и непосредственно сопряженные с практикой инновационных преобразований внутренние каналы направленного воздействия на динамику пространства функционирующих инноваций. Другие каналы, связанные с усилиями по изменению законодательства, регулирующего инновационную деятельность и права интеллектуальной собственности, реформированию системы профессиональной и общеобразовательной подготовки специалистов, развитию инновационной инфраструктуры, международной интеграции в области инновационной деятельности и др. имеют социокультурный характер, более масштабны и в ряде ситуаций связаны с практикой конкретных инновационных преобразований опосредованно.

В первом случае динамика пространства функционирующих инноваций и соответственно его ресурсов протекает практически исключительно под стимулирующим воздействием целей и задач конкретных инновационных проектов, здесь оно «достраивается под осуществляемые проекты». Во втором случае складывается содержательно более сложная ситуация, в контексте которой необходимо в идеале системно и достаточно полно представить структурно-генетические параметры и раскрыть механизмы формирования и реализации ресурсного потенциала инновационного пространства в его социумном праксеологическом измерении, т.е. выяснить какими путями инновационное пространство создает, накапливает и реализует свое инновациогенное содержание.

К наиболее успешным практико-ориентированным исследованиям такого рода комплексных проблем инновационной деятельности, в данном случае инновационного пространства, правомерно относят работы Г. Ицковица и его единомышленников⁴, в которых изложена концептуальная модель тройной спирали: университеты – предприятия – государство. Их инновационно-ориентированное взаимодействие, согласно данной модели составляет институциональное основание любой инновационной системы и одновременно фундаментальную конфигурацию

⁴ Ицковиц Г. Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2010. – 238 с.; Ranga M., Etkowitz. Triple Helix Systems: An Analytical Framework for Innovation Policy and Practice in the Knowledge Society. – http://triplehelix.stanford.edu/images/Triple_Helix_Systems.pdf.

инновационного «пространства согласия» – фрагмента социального пространства, на котором достаточно определено фиксируемой группой социальных субъектов (акторов, агентов) планируется осуществить инновационные проекты.

В скором времени модель тройной спирали эволюционировала в «четырёхзвенную» модель⁵ за счет включения в состав нового концептуального образования еще одного элемента – потребителя, значимость которого как активного участника инновационных преобразований была продемонстрирована не только на уровне прагматического интереса, но и в русле творческого поиска, связанного с созданием инноваций, их продвижением на рынке, перспективными ориентациями в инновационной политике и др. В итоге можно считать, что четырёхзвенная модель достаточно упорядочено воспроизводит ресурсное содержание инновационного пространства и задает продуктивные методологические ориентиры дальнейшего исследования его социумных характеристик. Во-первых, она четко фиксирует носителей инновационных ресурсов и соответственно их актуальный инновационный потенциал (финансовый, научно-технический, инфраструктурный, политический, культурно-образовательный и т.д.), во-вторых, обозначает направления поиска новых инновационных ресурсов, связанных с усилением мотивации к инновационной деятельности, созданием недостающих условий, отслеживанием ее социальной эффективности.

Масштаб социального образования, коррелирующего с четырёхзвенной моделью, варьируется от площади конкретного региона⁶ (местности) до глобальных размеров, когда усилиями нескольких государств и транснациональных компаний достигается консенсус относительно географических параметров поля инновационных преобразований и соответственно создается глобальное инновационное пространство⁷. Его внешняя конфигурация и некоторые параметры в интенсивном измерении фактически отслеживаются в статистических данных международных организаций (Еврокомиссия, ОЭСР, Всемирный Банк, ISEAD/WorldBusiness и др.), несмотря на заметную недостаточность понятийного аппарата, требуемого для воспроизведения динамики инновационного пространства с учетом эффекта рутинизации

⁵ Caraynnis E.G., Campbell D.F. Knowledge Production in Quadruple Helix Innovation Systems. Springex Briefs in Business – United States, 2012. – 63 p.

⁶ Смысл термина «регион», имеющего несколько значений, здесь и далее определяется контекстуально.

⁷ Богдан И.Н. Инновационная динамика: глобальные тенденции и перспективы Беларуси. – М.: УП «Энциклопедикс», 2012. – 196 с.; Шугуров М. Глобальный инновационный разрыв // Международные процессы. – 2012. – № 2. – С. 17-21.

инноваций. В частности, в европейском табло ОЭСР (массив 3 «Результаты инноваций») данный эффект декларируется периодом обновления статистических данных, т.е. одним годом, хотя в реальных ситуациях срок жизни инновации не определяется, а лишь измеряется на основе астрономического и учетно-статистического критериев.

Известно, что наряду с совокупностью инновационно функционирующих объектов в любом социуме, интенсивно культивирующей инновационную деятельность, накоплено определенное множество нереализованных инновационных проектов, представленных на рынке инноваций в виде ОИС (объектов интеллектуальной собственности – патентов, лицензий и др.). Поэтому более *полная параметрическая характеристика инновационного пространства, в том числе и его ресурсного потенциала, должна фиксировать (наряду с пространством функционирующих инноваций или реальным инновационным пространством) наличие виртуального инновационного пространства, создаваемого на основе предлагаемых на рынке инновационных проектов как «инноваций в возможности».* По данному аспекту инновационной деятельности накоплен большой массив литературы, в котором в контексте нашей статьи наиболее репрезентативны обзоры динамики торговли объектами интеллектуальной собственности и трансфера технологий за долгосрочные временные периоды. Также весьма актуальны результаты исследований организационно-правовой трансформации этого процесса, способствующей усилению воздействия рынка объектов интеллектуальной собственности на инновационную активность⁸.

Кроме того, анализируя динамику инновационного пространства, средства и пути накопления его ресурсного потенциала, необходимо учитывать прямое и опосредованное влияние на эти процессы большой *совокупности инновациогенных факторов* — факт, может быть, не столь очевидный по сравнению с рядом отмеченных выше, но выраженный достаточно явно и предполагающей его логически последовательное описание.

Следуя классической схеме анализа детерминации социальных феноменов, к которым относится и инновационное пространство, необходимо выделить, в первую очередь, факторы, без которых генезис и устойчивое существование анализируемого явления в

⁸ Лихачев В.А. Новое в развитии и регулировании мирового рынка объектов интеллектуальной собственности. – [http://www.rfej.ru/rvv/id/400257894/\\$file/89-103.pdf](http://www.rfej.ru/rvv/id/400257894/$file/89-103.pdf).

социуме невозможно принципиально. Это группа информационно-ментальных факторов. В отмеченном аспекте они представлены совокупностью интеллектуально-духовных процессов, выражающих потребность в инновациях и связанную с этим необходимость постоянных усилий по их генерации, т.е. тем, что современные авторы квалифицируют как базовые мировоззренческие и ценностные установки и интеллектуальные основания инноваций в виде профессиональных знаний в конкретных сферах деятельности⁹. Поскольку носителями такого рода процессов могут быть как конкретные индивиды, так и многообразные общности людей, отмеченные специфическим пониманием значения инноваций в их жизни в русле принятых в такого рода общностях культурных универсалий, должна быть выделена группа социокультурных факторов, а также социально-психологические факторы, которые являются производными от первых в результате социальной коммуникации.

Вместе с тем известно, что при всевозможных акцентах на интеллектуально-духовных составляющих материальной культуры ее ключевым неотъемлемым свойством является наличие потенциала (инерции) развития, формирующегося на собственно материальной основе, относительно независимо от социальных факторов. Это свойство еще в большей степени характеризует среду обитания общества, где циклы существования составляющих ее систем автономны по отношению к циклам социальных систем. Соответственно оно может быть критерием выделения новых групп факторов детерминации динамики инновационного пространства, в числе которых представляется обоснованной фиксация сферно-материализованных, инфраструктурных и естественно-природных факторов.

Различия в содержании, а соответственно и в направленности действия отмеченных факторов достаточно очевидны, что может быть зафиксировано в определениях их функционального статуса на основе генетического подхода. Интеллектуально-духовные и сферно-материализованные факторы могут быть квалифицированы как генерирующие процесс формирования и динамику инновационного пространства; естественно-природные и социокультурные факторы – как фундирующие его генезис и динамику; социально-психологические и инфраструктурные – как коммутирующие его общее содержание (потребности, цели, доминирующие установки праксеологического характера, необходимые условия и продуктивный инструментарий в виде систем энергоснабжения,

⁹ Лаврухин. Человеческий капитал. С.3.

связи, транспорта и др.). Названные группы факторов генезиса и динамики инновационного пространства представлены в следующей структурной схеме:

Рисунок. Факторы генезиса и динамики инновационного пространства
(разработка автора)

Они определяют способность конкретного социума к созданию и освоению нововведений, его возможности формировать и поддерживать инновационное пространство, отвечающее интересам данного социума и рационально вписывающееся в более широкий межстрановой, региональный и глобальный контекст (масштаб) инновационного пространства и могут быть квалифицированы как *пространство инновационного поиска (наряду с реальным и виртуальным инновационным пространством)*.

Соответственно исследование специфики взаимодействия отмеченных элементов инновационного пространства (реального, как пространства функционирующих инноваций, виртуального и пространства инновационного поиска) в конкретном социуме (стране) дает возможность определить главные средства и пути формирования ресурсного потенциала создаваемого инновационного пространства за счет направленной динамики его параметров.

Ресурсный потенциал инновационного пространства в конкретном социуме формируется, во-первых, в русле ассимиляции им определенных элементов (параметров) регионального и глобального инновационного пространства. Отсутствие такого рода ассимиляции провоцирует нарастание замкнутости социального (странового) инновационного пространства и вялотекущие процессы его догоняющей модернизации. Эффективность отмеченной ассимиляции определяется многими факторами, в числе которых исследователи акцентируют значение международных организаций, содействующих инновационному развитию национальных государств (ЮНКТАД, ЮНИДО, ВОИС и др.) и уровень инновационной культуры в национальных государствах, включающий в себя «институциональную культуру инновационного действия» и «механизмы, обеспечивающие приверженность постоянному обновлению и переосмыслению инновационных способностей и потенциала»¹⁰.

Как и любая ассимиляция чего-то уже существующего и эффективно функционирующего в другом месте – это один из наиболее респектабельных типов догоняющего развития (модернизации). Однако ее пределы заданы тем, что ассимилируется (достигнутым уровнем заимствуемых материалов, технологий, организации и т.п.). Поэтому, во-вторых, продлить и усилить креативный инновационный импульс, идущий от заимствований, можно в русле праксеологического измерения инновационного пространства, где наиболее четко выражена их адаптация (привязка) к поддерживаемому и развиваемому инновационному комплексу конкретного социума (страны). Для этого необходимо обеспечивать сопряженность происходящих в конкретной стране инновационных преобразований с глобально доминирующими организационными укладами в конкретных сферах, например, в экономике – это работа по созданию инновационного пространства, в определенной мере адаптированного к условиям планово-административного уклада, позднее – рыночного, ныне – преимущественно сетевого.

¹⁰ Шугуров. Глобальный инновационный разрыв. С.20.

Акцентируется сетевой характер организации тех сфер жизнедеятельности социума, где наиболее интенсивно осуществляются инновационные преобразования, а также нарастающая значимость более масштабной комплексной проблемы социализации инновационной политики. Меньше внимания в структуре проблемного поля исследований инновационного пространства уделяется анализу «резонансной сферы» инновационной деятельности, в которой непредвиденно, но закономерно проявляются объективно обусловленные нежелательные последствия инновационных преобразований. К ним относят негативные экологические и социальные последствия реализации повышено рискованных инновационных проектов, усиление нездоровой конкуренции, ажиотажность спроса на инновационную продукцию и др.

Отмечается также вынужденный дисбаланс в размерах финансовой поддержки инноваций в традиционных и новейших отраслях экономики (в пользу первых), в частности, в Республике Беларусь явно нерелевантным ситуациям в странах ОЭСР, однако оправданный необходимостью развивать отрасли, обеспечивающие рост ВВП, накопление бюджета, трудовую занятость населения, сбалансированное развитие регионов. Поэтому в сложившихся условиях трудно рассчитывать на успешность «взрывного» варианта инновационного развития экономики Республики Беларусь по широкому фронту. Более реальным видится продвижение в тех областях, где сформировалось (или под силу создать) развитое инновационное пространство, мотивирующее внутренних субъектов хозяйствования и привлекательное для потенциальных зарубежных партнеров.

Резюмируя изложенное в философско-культурологическом мировоззренческом плане, следует отметить фундаментальную значимость культурных трансформаций, стимулирующих установки на созидание, альтернативность, инновационность как культивирование инновационного комплекса в целом, поддержание меры во взаимодействиях традиций и новаций, эволюцию ментальности к обновлению принимаемых объединительных коллективных ценностей, поддержание пассионарности носителей культуры, поддержание определенного уровня рискованности действий. Но возможна ли их практическая реализация вне направленного культивирования инновационного пространства? Возможна, и скорее всего в вяло текущем варианте. Реально же наблюдается осмысление инновационных преобразований как внеконкурентного пути эволюции общества и растущий интерес к исследованию динамики инновационного пространства, интегрирующего сферные и социокультурные ресурсы социума.

2.9. Инновационный сектор экономики в контексте приоритетов социально-экономического развития стран-участниц ЕАЭС

Ю.Ф. Никитина

Развернувшиеся на международной арене после Второй мировой войны интеграционные процессы в экономической и сфере безопасности, а также выход хозяйствующих субъектов за пределы национальной экономики, дали основания говорить о новом этапе в развитии международных отношений. Эти процессы были названы глобализацией, представляющую собой новую историческую реальность, способную функционировать как единая система в режиме реального времени в масштабе всей планеты. На протяжении нескольких десятилетий глобализация рассматривалась как основная тенденция в области интеграционных процессов на мировой арене. При всех прогнозируемых положительных экономических и социальных эффектов, глобализация, помимо консолидирующей функции, продемонстрировала и разделительный потенциал, явившись фактором новой стратификации на государственном и межгосударственном уровнях, определяя новую иерархию мироустройства. Будучи сложным процессом генезиса взаимосвязей между странами, глобализация, с одной стороны, способствует открытости и динамичности национальной экономики, социума в целом, с другой, может привести к снижению темпов экономического роста либо консервации страны в виду ее недостаточной функциональности для мирового сообщества, невовлеченности в технологический прогресс. В результате на карте экономической географии формируется новая модель «центра-периферии». В связи с чем, перед каждой страной, желающей стать полноценно активным субъектом на международной арене, стоит задача встроиться в складывающийся миропорядок. Тем не менее, на сегодняшний день, отдельно взятому государству в одиночку достаточно сложно достичь этого. По этой причине, на фоне глобализации стали зарождаться новые формы организационно-экономических отношений – глобальная регионализация. В результате заключаемых межгосударственных соглашений, посредством объединения экономических, политических, военных, технико-технологических и проч. ресурсов, формируется союз (блок), способный стать одним из центров силы в структуре глобального мира (Евросоюз, НАФТА, МЕРКОСУР, АТЭС, ЕАЭС). Эти крупные самостоятельные экономические и политические сегменты

встраиваются в современные международные отношения, тем самым определяя ландшафт геополитики, экономические трансформации, социальную динамику¹.

В подобных миссия-ориентированных союзах особое значение приобретают проблемы инновационно-технологического развития, как основного драйвера экономического роста, ускорения этих процессов, поскольку от их решения зависит то, насколько оправдана данная регионально-экономическая интеграция, эффективность союза, его место на международной арене. Именно достижение синергетического эффекта (превышение результата деятельности объединенных в систему элементов над суммой результатов работы данных элементов, действующих разрозненно²) является основным мотивом данного межгосударственного объединения.

Однако, как показывает статистика, переоценка потенциального синергетического эффекта, который может быть достигнут в результате интеграции, достаточно распространенное явление³. Более того, не являются исключением ситуации, когда интеграционные процессы приводят к обратному результату – отрицательному синергетическому эффекту (снижение эффективности интегрированной структуры по отношению к суммарной эффективности отдельно действующих компаний)⁴. В этой связи особая роль в достижении положительного синергетического эффекта принадлежит механизмам установления связей, в том числе и обратных, между элементами, позволяющим количественным характеристикам совокупности компонентов перерасти в качественные свойства системы.

С целью достижения синергетического эффекта в области инновационно-технологического развития, создания конкурентоспособного глобального производства, решения задачи технологической самодостаточности, в европейском регионе в качестве инструментальной базы, обеспечивающей взаимодействие государств, бизнеса, науки, образования, производств, были разработаны технологические платформы. Их эффективность на национальном уровне, а также положительный опыт наднационального проекта «Eurika» (European Research Coordination

¹ Леонова О.Г. Глобальная регионализация как феномен развития глобального мира. – <http://www.intelros.ru/readroom/vek-globalizacii/g1-2013/18822-globalnaya-regionalizaciya-kak-fenomen-razvitiya-globalnogo-mira.html>

² Иванов А.Е. Синергетические эффекты интеграции компаний: механизмы формирования, оценка, учет. – М.: ИЦ РИОН, НИЦ ИНФРА. – М, 2014. – 156 с.

³ Там же.

⁴ Инновации не делаются в одиночку / Технополис XXI. – 2014. – № 31. – С.Х.

Agency), однако, при всем при этом существующие законодательные, административные и прочие барьеры на межгосударственном уровне, замедляющие, а иной раз приводящие к полному прекращению научно-исследовательских работ, процесса внедрения продукта на рынок, отсутствие маркетинговых и социологических исследований, которые демонстрируют востребованность продукта потенциальными потребителями, показали целесообразность расширения деятельности технологических платформ на трансъевропейский уровень. Технологическая платформа представляет собой объект инновационной инфраструктуры, системный механизм, определяющий приоритетные направления научно-технического развития и располагающий инструментами концентрации интеллектуальных и материальных ресурсов для их развития, стимулирующий кооперационные связи между научно-исследовательскими институтами, системой образования, производственной сферой, бизнесом, общественными организациями, государственными органами с целью создания высокотехнологичных производств и отраслей, и восполняющий недостаток самоорганизации во взаимодействии между участниками инновационного процесса. Следует отметить, что инновационное развитие не ограничивается совокупностью созданных инновационных продуктов, это, помимо прочего, еще и сопутствующая этому процессу трансформация принципов функционирования институтов.

С момента распада СССР на постсоветском пространстве достаточно активно протекают интеграционные процессы на различных уровнях (Союзное государство России и Беларуси, СНГ, Организация Договора о коллективной безопасности, экономические связи регионов Республики Беларусь с субъектами Российской Федерации и проч.). В результате развернувшейся межгосударственной экономической интеграции в данном регионе, был образован Евразийский экономический союз.

Евразийский экономический союз – международная организация региональной экономической интеграции, обладающая международной правосубъектностью, государствами-членами которого являются Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация⁵. образуемый в результате интеграционных процессов региональный союз государств предполагает свободу передвижения товара, услуг, капитала и рабочей силы. Позволяя

⁵ Евразийский экономический союз. – URL: <http://mfa.gov.by/multilateral/organization/list/e0e5d8b02b2fd7fc.html>.

эффективнее организовывать производственные процессы в определенном географическом пространстве. Однако, помимо этого, ЕАЭС изначально создавался, в том числе, в целях всесторонней модернизации промышленности государств в него вошедших. Несмотря на то, что такие постсоветские страны, как Республика Беларусь, Республика Казахстан, Российская Федерация, Республика Армения и Кыргызская Республика имеют устоявшуюся технологическую совместимость производства, а также исторический опыт культурно-экономического взаимодействия, тем не менее, испытываемые технико-технологической сферой на протяжении достаточно длительного периода негативные последствия ряда социально-политических и экономических трансформаций, развернувшихся в данном регионе, обусловило выпадание из тенденций развития новых технологических укладов.

Опираясь на опыт Европейского союза, чья пятиступенчатая интегративная модель была выбрана в качестве образца для формирования Евразийского экономического союза, Консультативный комитет по промышленности под председательством члена Коллегии (министра) по промышленности и агропромышленному комплексу Евразийской экономической комиссии Сергея Сидорского 18 февраля 2016 г. одобрил проект положения о формировании и функционировании евразийских технологических платформ (ЕТП). Этот документ призван регулировать сотрудничество государств-членов ЕАЭС в научно-технической сфере, определяя механизмы их взаимодействия для стимулирования взаимовыгодного инновационного развития национальных промышленных комплексов, способствуя созданию центров компетенций для формирования экономики будущего, новых высокотехнологичных наукоемких производств, постоянного технологического обновления, повышения глобальной конкурентоспособности промышленности⁶.

В результате проделанного системного анализа национальных научно-технических программ и международного опыта был определен перечень приоритетных направлений и чувствительных товаров (товары с высоким уровнем конкуренции между производителями из различных государств-членов), на основе которых происходило учреждение евразийских технологических платформ. На сегодняшний день в рамках ЕАЭС учреждено 15 евразийских технологических платформ, которые призваны

⁶ В ЕАЭС будут созданы евразийские технологические платформы. – URL: <https://www.belta.by/tech/view/v-eaes-budut-sozdany-evrazijskie-tehnologicheskie-platforny-182151-2016/>

выступить инициаторами программ будущих стратегических действий в своей области, с последующей их реализацией.

Отчасти проекты евразийских технологических платформ реанимируют кооперации, существовавшие еще в советские времена. Однако особое внимание уделено высоко инновационным проектам, имеющим экономическую, политическую и социальную значимость. Особо примечательным для Республики Беларусь стал проект создания национальной системы спутниковой связи, что развивается в рамках техплатформы «космические и геоинформационные технологии». Для Республики Беларусь это знаковое явление, поскольку позволило создать собственный спутник, а также целый сектор экономики, который занимается сферой космоса, и заявить о себе на международной арене как о космической державе. Работа над спутником дистанционного зондирования Земли «БелКА» и его запуск произошли задолго до образования Евразийского экономического союза, еще в рамках совместного проекта Союзного государства России и Беларусь. Именно тогда была заложена база для последующего участия Беларуси в совместных проектах с Роскосмосом, с перспективой создания совместной орбитальной группировки космических аппаратов ДЗЗ, а также единого аппаратного программного комплекса скоординированного использования национальных наземных комплексов управления космическими аппаратами и комплексов приема данных ДЗЗ в государствах-членах ЕАЭС, как это предусматривает межгосударственная программа данной технологической платформы⁷.

Делая ставку на инновационный сектор экономика, как один из ведущих факторов, способный укрепить позиции государств-членов Евразийского экономического союза на мировой арене, следует учитывать, что развития самого инновационного сектора всецело зависит от эффективности реализуемой социальной политики на пространстве данного интеграционного объединения. Несмотря на существенный вклад в развитие социальных вопросов на предыдущих этапах формирования ЕАЭС, в частности, в 2007 г. была принята и рекомендована правительствам Концепция согласованной социальной политики государств-членов ЕврАзЭС, решение социальных проблем по-прежнему осуществляется усилиями каждого из государств в пределах своих национальных границ⁸. В условиях интеграционного союза, предполагающего

⁷ Проект космической межгоспрограммы утвержден на заседании Консультативного комитета по промышленности ЕЭК. – URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/19-07-2018-1.aspx>

⁸ Селезнев И. Перспективы формирования единой социальной политики ЕАЭС с учетом зарубежного опыта. – <http://eurasian-studies.org/archives/6400>

свободу передвижения рабочей силы, разный уровень социально-экономического развития стран-членов ЕАЭС, национальная специфика их социальных моделей, дает основания экономически и социально более развитому государству оказаться центром притяжения трудовых мигрантов, порождая такие издержки, как нарушение пропорций половозрастной структуры, борьба за рабочие места в принимающих регионах и, как следствие, социальная напряженность, рост ксенофобии, увеличение нагрузки на бюджет, социальный демпинг, деквалификация, «утечка мозгов» в районы выезда мигрантов и проч.⁹ Так, например, Российская Федерация в силу большего объема экономики оказывается наиболее привлекательной для трудовых мигрантов. В целом, Россия, как государство с высоким уровнем старения населения, заинтересована в притоке рабочей силы. Однако, преобладающая доля среди прибывающих трудовых ресурсов – неквалифицированные рабочие, молодые мужчины. «Миграционный шок» в 2015 г., ввиду экономических проблем в РФ и ратификации Договора о ЕАЭС, затронул выходцев из Таджикистана, Узбекистана, Туркменистана, и практически не оказал влияния на динамику трудовой миграции из стран-участниц интеграционного экономического объединения¹⁰.

В условиях естественной убыли населения, сокращения молодежи трудоспособного возраста, такой вид миграции, как трудовая, приобретает нарастающее значение в экономическом развитии и Республики Беларусь. Однако поток эмиграции из страны значительно превышает приток иммигрантов. Так в 2018 г. выехало 15 239 гражданина РБ, причем подавляющая часть в РФ (4 978)¹¹. Среди прибывших в Беларусь в 2017 г. из стран-участниц ЕАЭС из Российской Федерации – 6 025 чел., Республики Казахстан – 712 чел., Республики Армении – 156 чел., Республики Кыргызстан – 49 чел.¹²

Долгое время объем иммигрантов в РБ был незначительным, что обусловлено достаточно жестким национальным трудовым законодательством. И только с 2010 г., после либерализации Закона о внешней трудовой миграции, поток мигрантов в страну стал

⁹ Осадчая Г.И. Социальная политика Евразийского экономического союза: теоретические и методологические аспекты // Социальная политика и социология. – 2016. – Т.15. – №1. – С. 64-71. – С. 66.

¹⁰ Трудовая миграция в ЕАЭС на начало 2016 года (доклад ЕЭК). – <http://evrazklub.ru/analitik/trudovaya-migratsiya-v-eaes-na-nachalo-2016-goda-doklad-eak.html>.

¹¹ Беларусь в цифрах: Статистический справочник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Мн., 2019. – 71 с. – С.10.; Рекордное число белорусов уехало на заработки в 2018 г. Топ-10 стран, куда едут гастарбайтеры. – <https://finance.tut.by/news623032.html>.

¹² Труд и занятость в Республике Беларусь: Статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Мн., 2018. – 310 с. – С.32.

расти. Однако и в этом случае, масштаб притока трудовых мигрантов остается невелик (не более 0, 25% экономически активного населения страны), не оказывая существенного давления на национальный рынок труда. Профессионально-квалификационная структура иммигрантов схожа с выбывающими трудовыми ресурсами, несмотря на действие преференций в отношении высококвалифицированных и квалифицированных иностранных специалистов¹³.

Сцелью преодоления и недопущения в дальнейшем подобного рода асимметрии миграционных потоков рабочей силы внутри союза и связанных с нею негативных социально-экономических последствий, крайне важно выйти за пределы рекомендательного, декларативного характера Концепции согласованной социальной политики, разработав действенные механизмы унификации национальных моделей социальной политики стран-членов ЕАЭС.

Существенные трансформационные процессы, явившиеся следствием широкого распространения информационных и цифровых технологий, создают новые ситуации, изменяя базовые принципы функционирования разнообразных сфер жизнедеятельности общества, требуя новых регулятивов. Таким образом, построение цифрового общества становится еще одним значимым вызовом социальной политике.

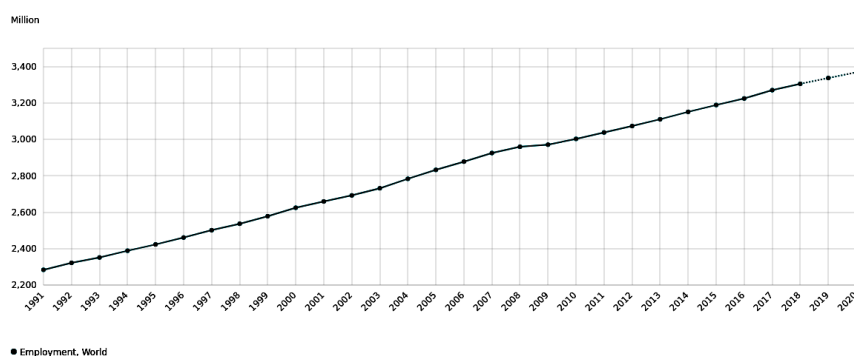
Новая, цифровая, инфраструктура, обладающая характером сквозного применения, призванная повысить эффективность производственных процессов, совершенствуя механизмы экономического роста, управления, трансформируя характер рынков, создает область качественно новых правоотношений. Однако, говоря о цифровой трансформации общества, речь идет не столько об инфраструктуре, сколько о смене существующих парадигм ведения бизнеса, хозяйствования, управления, образования и т.п. Такими областями, где, согласно заключению экспертов, наиболее остро ощущается необходимость в совершенствовании права, являются: сфера производства, сфера финансового обращения, сфера электронной торговли¹⁴.

Рынок труда – одна из составляющих экономической системы, претерпевает системообразующие трансформации под воздействием процессов цифровизации. Существующие уже не одно десятилетие прогнозы о существенном сокращении спроса на рабочую силу на некоторые виды деятельности, ввиду перехода к

¹³ Тихонова Л.Е., Красинец Е.С. Трудовая миграция и миграционная политика Республики Беларусь в рамках интеграции в Евразийский экономический союз. – <http://www.evolutio.info/content/view/2401/235/>.

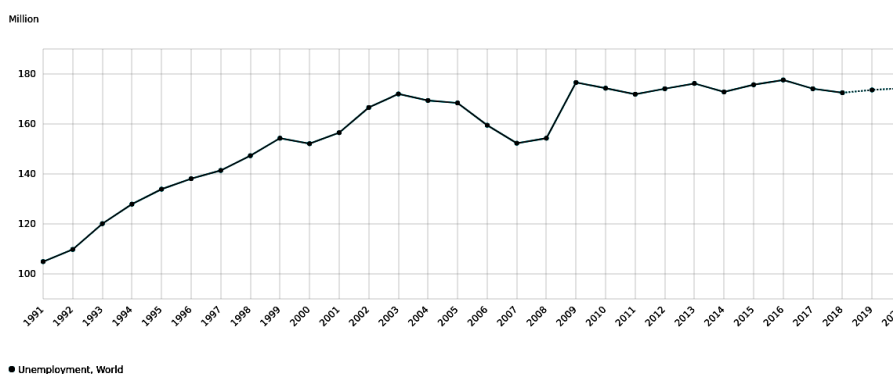
¹⁴ Татаринова С.С. Цифровая экономика и право: новые вызовы – новые перспективы // Юридический вестник Самарского университета. – 2017. – Т.3. – №3. – С.62-66. – С.64.

высокотехнологичной экономике, получают свое подтверждение. Однако, как показывает статистика Международной организации труда, по крайней мере на уровне официального трудоустройства получается успешно справляться с ситуацией вынужденного сокращения (рис.1). И в 2018 г. фиксируется очередное снижение уровня безработицы (рис. 2)¹⁵.

This dataset includes both real and imputed data from 1991-2018, as well as projections from 2019-20. Estimates may differ from official national sources. Source: International Labour Organization, ILO modelled estimates (ilo.org/wesodata)

Рисунок 1. Динамика занятости в мире (1991-2018 гг.)
(Источник: МОТ)

This dataset includes both real and imputed data from 1991-2018, as well as projections from 2019-20. Estimates may differ from official national sources. Source: International Labour Organization, ILO modelled estimates (ilo.org/wesodata)

Рисунок 2. Динамика безработицы в мире (1991-2018 гг.)
(Источник: МОТ)

Тем не менее, за внешней стороной позитивной динамики трудоустройства в мире скрыты тревожащие сигналы. Это касается, прежде всего, вопроса качества занятости. «Занятость – это еще не гарантия достойного уровня жизни, – говорит

¹⁵ World employment and social outlook. – <https://www.ilo.org/wesodata/?chart=Z2VuZGVyPVsiVG90YWwiXSZ1bml0PSJOdW1iZXIiJnNIY3Rvcj1bIkluZHVzdHJ5IiwuU2VydmljZXMiLCJBZ3JpY3VsdlHVyZSJdJnllYXJGcm9tPTU5OTemaW5jb21lPldJmluZGJlYXRvcj1bInVuZW1wbG95bWVudCJdJnN0YXR1cz1bIkVtcGxveWVlcysIkVtcGxveWVycyIsIldvcmtpbmdGb3Jpd24iLCJDb250cmliidXRpbmdGb3JGYW1pbHkiXSZyZWdpc249WuYjXb3JsZCJdJmNvdW50cnk9W10meWVhclRvPUIwMjAmdmlld0ZvcmlhdD0iQ2hhcnQiJmFnZT1bIkFnZTElcGx1cyJdJmxbmd1YWdPJSJlbi%3D>

представитель МОТ Дамьян Гримшоу. – 700 млн. человек в мире живут в бедности или даже в нищете, несмотря на то, что у них есть работа»¹⁶.

В условиях амбивалентной роли высоких технологий, позволяющих повысить эффективность производственного процесса, тем самым обусловив высвобождение в резерв огромного количества рабочей силы, те же технологии достаточно успешно решают проблему преодоления массовой безработицы. Так цифровые платформы позволяют решить проблему трудоустройства посредством самозанятости, минимизируя административные, бюрократические барьеры. Однако, вместе с тем, и социальные гарантии. Такого рода занятость, как правило, носит непостоянный характер, осуществляется в условиях достаточно высокой конкуренции, спорадического всплеска спроса, зачастую вынуждая человека совмещать сразу несколько видов деятельности. Это привело к возникновению такого понятия как деятельность по «запросу». В целом, в мире, занятость в неформальном секторе экономики находится на очень высоком уровне (около 61% трудящихся работают в неформальном секторе)¹⁷. При всем при этом деятельность в этом секторе остается нормативно плохо урегулированной (вопросы пенсионного обеспечения, отпуска по уходу за ребенком, контроля трудового режима и т.п.). Принципы социальной политики, как порождения индустриальной эпохи, обнаруживают свою несостоятельность в условиях экономики нового технологического уклада. Попыткой выхода из сложившейся ситуации явились эксперименты, проведенные в ряду государств, с целью выработать альтернативные механизмы социальной помощи гражданам (идея безусловного базового дохода, система социальных рейтингов). Следует отметить, что последний эксперимент, система социальных рейтингов, реализуемый в Китае, базирующийся на тотальном наблюдении за поведением граждан, в очередной раз актуализировал оживленную дискуссию на мировом уровне о допустимости/недопустимости повсеместного контроля, вплоть до нарушения личного пространства граждан, с целью гармонизировать жизнь общества, усилить меры безопасности¹⁸.

¹⁶ 700 миллионов человек живут в бедности несмотря на то, что у них есть работа. – <http://un.by/novosti-oon/v-mire/4225-700-millionov-chebvek-zhivut-v-bednosti-nesmotrya-na-to-cto-u-nikh-est-rabota>.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Цифровая диктатура: как в Китае вводят систему социального рейтинга. – <https://www.rbc.ru/business/11/12/2016/584953bb9a79477c8a7c08a7>

Однако помимо внеинституциональной занятости с ее нормативно-правовой недоработкой, все более очевидной становится, приобретая характер тенденции, прекаризация занятости. Согласно, Г. Стендингу, профессору Школы изучения Азии, Африки и Ближнего Востока Лондонского университета, перкариат характеризуется нарушением гарантий в сфере труда (вопросы гарантии занятости, безопасности труда, представительства интересов, замена долгосрочных трудовых контрактов на срочные, нарушение трудовых и социальных прав)¹⁹.

Согласно данным компании Deloitte, только 42% из опрошенных руководителей организаций приняты классические трудовые контракты, при этом в ближайшие годы они планируют увеличить количество срочных контрактов, и количество внештатных сотрудников²⁰.

Помимо прочего, занятость это еще и система общественных отношений, которая выполняет немаловажную экзистенциальную функцию, связанную с вопросами определения идентичности. По сути, в индустриальную эпоху, профессиональная деятельность человека выполняла организационную функцию, выкристаллизовывающую, собирающую идентичность человека, который вписывался в цепочки производственного процесса. В условиях цифрового общества, когда рынок труда испытывает структурообразующие трансформационные процессы, происходит размывание этой функции занятости. Но в то же время происходит оформление запроса на новые принципы идентификации²¹.

В этой связи, следует заметить, что общественная поддержка создания Евразийского экономического союза, эффективность этого объединения, может быть обеспечена лишь социальными гарантиями, а не популизмом о возможных преимущества их интеграции.

¹⁹ Санкова Л.В. Уровень жизни населения регионов России // Южно-российский журнал социальных наук. – 2014. – №4(194). – С.44-53. – С.45.

²⁰ Садовая Е.С. Человек в цифровом обществе: динамика социально-трудовых отношений // Южно-российский журнал социальных наук. – 2018. – Т.19. – №3. – С. 6-20.

²¹ The work force ecosystem: Managing beyond the enterprise 2018 Global Human Capital Trends. – <https://www2.deloitte.com/insights/us/en/focus/human-capital-trends/2018/contingent-workforce-management.html>. – .12.

2.10. Перспективы становления биоэтики в контексте современной культуры

Н.А. Степаненко

С тех пор, как в 1971 году вышла книга американского ученого В.Р. Поттера «Биоэтика – мост в будущее», в которой были сформулированы принципы «новой дисциплины под названием *Биоэтика*»¹, биоэтические идеи получили широкое мировое распространение и не потеряли своей актуальности.

Признавая обязательства ученых перед будущим и подчеркивая необходимость соединения достижений науки и творчества в гуманитарной сфере, В.Р. Поттер пришел к основополагающему выводу: «Человечеству срочно требуется новая мудрость, которая бы являлась “знанием о том, как использовать знание” для выживания человека и улучшения его жизни. Концепция мудрости как руководство к действию и знание, необходимое для достижения социального блага и улучшения качества жизни, называется *Наукой выживания*. Я считаю, что эта наука должна строиться на знании биологии и в то же время выходить за границы ее традиционных представлений; включать в сферу своего рассмотрения наиболее существенные элементы социальных и гуманитарных наук, среди которых особое значение принадлежит философии, понимаемой как “любовь к мудрости”. **Наука выживания должна быть не просто наукой, а новой мудростью, которая объединила бы два наиболее важных и крайне необходимых элемента – биологическое знание и общечеловеческие ценности.** Исходя из этого, я предлагаю для ее обозначения новый термин – “Биоэтика”»².

В связи с этим, основоположник биоэтики подчеркивал *необходимость образования нового поколения ученых*, которые смогли бы объяснить: что человечество может, должно и что не должно делать для выживания, если мы надеемся поддерживать жизнь на Земле и улучшать ее качество в течение последующего времени. «Судьба мира зависит от сохранения интеграции, и расширения знания, которым обладает относительно небольшое количество людей. Эти люди только начали осознавать степень неадекватности своих усилий и поставленной перед ними задачи. В наше время это должен понять каждый студент, а его детям необходимо **знать как можно больше о том, что эти люди предлагают**, выражать свои сомнения, ставить проблемы, добавлять к биологическим знаниям любую дополнительную информацию, которая поможет им стать

¹ Поттер В.Р. Биоэтика: мост в будущее. – Киев: Видавець Вадим Карпенко, 2002. – 216 с. – С.5.

² Там же. С.9.

(если позволит их талант) лидерами будущего. Только при таком **соединении знания и ценностей** появятся новые ученые и государственные служащие, которые смогут овладеть тем, что я обозначил словом «Биоэтика». **Мы испытываем потребность в подобной дисциплине, которая предложила бы нам модели образа жизни людей в социуме**, объяснила необходимость создания и способствовала бы формированию новой общественной политики, строящей «мост в Будущее». Новая дисциплина будет сконцентрирована вокруг острых проблем современности, нуждающихся для своего решения в демаркации, преодолении уже сложившихся границ биологии, социальных и гуманитарных наук»³.

Резюмируя идеи В.Р. Поттера, отметим, что биоэтика является учением, главным вопросом которого выступает *проблема морального отношения к жизни*. Следовательно, в этой синтетической области знания фундаментальным является выявление *нравственных проблем жизни*:

– социально-экологических (глобальные и региональные экологические проблемы);

– биомедицинских, связанных с обоснованием возможности этического контроля в биомедицинском манипулировании человеком (отношения между врачом и пациентом; моральные дилеммы, которые возникают в различных «пограничных ситуациях» человеческой жизни – при ее начале и завершении, связанные с вопросами прерывания беременности, новыми технологиями деторождения, биомедицинским экспериментом и пределами его допустимости, этическими проблемами генной инженерии, трансплантологии и психиатрии, отношение к пассивной эвтаназии и праву на добровольную несвоевременную смерть, биоэтическую оценку технологий, область анализа этических, правовых и социальных проблем новых технологий, проблематику ответственных исследований и инноваций и другие).

Относительно возможности решения первой группы проблем В.Р. Поттер уповал на **научно-исследовательский и образовательный потенциал биоэтики**, отмечая, что только путем объединения лучших умов, представляющих различные дисциплины, можно будет обнаружить идеи, которые наилучшим образом определяют направление деятельности человечества и связанные с ней будущие изменения культуры и природной среды. «Только человек способен осознавать будущее, и только человек наделен силой, необходимой для предотвращения собственного

³ Там же. С. 10.

исчезновения. В настоящий момент, однако, никто не может сказать, можно ли быстро мобилизовать этот потенциал. Сегодня наилучшая рекомендация для решения сложных ситуаций – предотвращение тупиковых путей развития, возникающих как результат чрезмерной специализации знания»⁴.

Подчеркивая важность общественной проблемы неопределенности формы признания и способов использования интеллектуальных ресурсов междисциплинарных групп, поощрения участия отдельных ученых на всех уровнях их деятельности, В.Р. Поттер пишет о необходимости обращения к тем социокультурным истокам, к той **мудрости, которая внутренне присуща биоэтическому анализу**: «Многие современные экологические проблемы урбанизированного общества (в частности, повсеместное загрязнение окружающей среды) своими истоками уходят в неспособность общества культивировать мудрость, с помощью которой можно было бы оценить все последствия широко распространенных технологий»⁵. И далее, поскольку биоэтическая «концепция оптимальной окружающей среды включает в себя представления о физиологической и психологической адаптации, а также биологических ритмах», постольку **«ее создание повлияет на форму и содержание программ образования, отдыха и проведения свободного времени» в соответствии с приверженностью валеологическим принципам здорового образа жизни**⁶.

Сегодня можно сказать, что тот моральный, духовно-нравственный, биоэтический, образовательно-воспитательный контент, который содержится в основополагающей работе «Биоэтика: мост в будущее» В.Р. Поттера, остается актуальным и востребованным в контексте современного социокультурного развития. Назрела острая необходимость в междисциплинарном сотрудничестве ученых, ибо глобальное изменение климата и динамичные процессы урбанизации, индустриализации и информатизации приводят к тому, что болезни появляются все чаще и распространяются все дальше.

Понимание же и осуществление здорового образа жизни подразумевает воспитание у людей здоровых привычек и навыков; отказ от курения, наркотиков и употребления алкогольных напитков; умеренное, качественное, здоровое питание; физическая активность, учитывающая возрастные и физиологические

⁴ Там же. С.120.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С.122.

особенности; а также совокупность гигиенических правил, соблюдение и выполнение которых способствует сохранению и укреплению здоровья.

По нашему мнению, формирование образа жизни, способствующего укреплению здоровья человека, зависит от многих условий: во-первых, от конкретных условий жизнедеятельности человека; во-вторых, от профилактической, информационно-просветительской деятельности ученых (и не только медиков); в-третьих, от личностного саморазвития человека, система ценностного ориентирования и бытового уклада которого согласуется с культурой здорового образа жизни.

Современный человек должен быть уверен в собственных силах, присущих ему возможностях и уметь ими распорядиться. Уверенность в себе, самоуважение, адекватная самооценка, умение управлять своей психикой и держать ее под контролем помогают человеку защитить себя от бытовых и профессиональных стрессов. Целеустремленность организует личность, придает жизнедеятельности направленный характер, руководит мыслями, действиями и поступками. Человеку следует учиться активной, осознанной, с ясным пониманием ее целей и характера воздействия психической саморегуляции, овладению ее техникой и приемами как неотъемлемого компонента культуры поведения.

Следует отметить, что на общее состояние человека непосредственно влияет его психоэмоциональное самочувствие, являющееся важнейшим аспектом всего образа жизни. Умение справляться с жизненными проблемами и сдерживать собственные эмоции, умение взаимодействовать с другими людьми, способность устанавливать действительно значимые, конструктивные жизненные цели, стремиться к ним и достигать их – критерии психоэмоционального здоровья и гармоничного развития личности.

Так или иначе, всем известно, что здоровье человека обусловлено образом его жизни, а образ жизни зависит от уровня культуры данной личности. Стремление к улучшению условий жизни, забота о здоровье, желание прожить долгую и полезную жизнь или выстроить таковую для себя и для других – показатель того, что культура личности адекватна валеологическим социокультурным традициям.

Доминирующим направлением валеологии (как одной из главнейших сфер биоэтических исследований) является воспитание валеологической культуры, представляющей собой неотъемлемое условие социально-личностного развития людей любого возраста.

Уровень валеологической культуры человека предполагает

такую организацию его жизнедеятельности, которая определяется его жизненными приоритетами, среди которых одно из основных – отношение к собственному здоровью; валеологическая культура – это постоянное воспитание культуры здоровья, здоровых потребностей и навыков здорового образа жизни.

Здоровый образ жизни с точки зрения валеологии – это совокупность таких понятий, как: позитивная и активная жизненная позиция, грамотное сочетание работы и отдыха, сопровождаемые физическим и моральным удовлетворением от самого процесса, регулярная физическая активность, правильное сбалансированное питание, психоэмоциональный комфорт, гармоничные отношения в семье и доброжелательное отношение к людям, активное долголетие.

Известно, что «Всемирная организация здравоохранения подчеркивает, что не существует никакого "оптимального образа жизни", который должен быть всем предписан. Задачи государства – обеспечить гражданам свободный информированный выбор здорового образа жизни, сделать здоровый образ жизни доступным для каждого»⁷.

В данной связи необходимо отметить, что Республика Беларусь активно поддерживает инициативу ВОЗ относительно пропаганды здорового образа жизни. По данным социологических исследований ***в иерархии жизненных ценностей белорусов здоровье занимает первое место***⁸.

Повышение заинтересованности современного человека в сохранении собственного здоровья может быть упрочено как в результате комплексной образовательно-воспитательной работы по пропаганде здорового образа жизни, так и благодаря развитию личной культуры человека.

Значительную роль в формировании культуры личности, в повышении интеллектуального, физического и духовного потенциала человека должны сыграть, на наш взгляд, образование и просвещение человека. Оттого, какими будут выпускники школ, вузов, во многом будет определяться будущее Беларуси. Именно здоровье людей определяет в настоящее время перспективу и будущность развития нашей страны, и динамику развития человеческой культуры в целом. Культура здорового образа жизни – это элемент общей культуры личности и всего человечества, основой которой выступают не только медицинские и философские знания, но и духовно-нравственные ценности.

⁷ Документы ВОЗ. – <http://ippk.arkh-edu.ru/doc/detail.php?ID=832574>

⁸ Документы ВОЗ. – <http://belarusfacts.mfa.gov.by>

Ясно, что «духовно-нравственные ценности имеют большое значение как в жизни общества, его историческом развитии, так и в сознании и поведении личности, процессе ее социализации. Это положение по существу можно рассматривать как аксиому. Однако на практике все, что связано с проявлением нравственности, скорее похоже на теорему, которая требует постоянных доказательств, которую необходимо заново решать применительно к жизни конкретного человека или определенного сообщества людей»⁹.

Поэтому и валеология, как биоэтическая наука об индивидуальном здоровье человека и как современная педагогическая стратегия, и медицина, как древнейшее искусство врачевания, и различные направления современной науки в целом, должны быть сосредоточены на приоритетах личностного развития современного человека, целенаправленно и последовательно стремящегося к своему нравственному и физическому совершенству.

Программа валеологии, в рамках которой осваиваются методы биоэтики для использования в различных областях педагогики, медицины, социально-психологической работе и других сферах, основана на принципах здорового образа жизни: хорошая физическая форма и стабильное эмоциональное состояние во многом зависят от того, какую жизнь мы ведём, каким ценностям мы следуем.

Заявленная тема чрезвычайно актуальна, так как связана со стремлением человека не только поддерживать здоровье, но пытаться «улучшить свою природу». «Мечта человека об усовершенствовании своей природы, физических и социальных возможностей сопровождает его на всем протяжении мировой истории. Об этом свидетельствует мифология практически всех народов мира. Вспомним хотя бы греческий миф об андрогинах, миф о Прометее, христианский миф о грехопадении и многие другие с аналогичными сюжетами. Человек всегда стремился восстановить данную ему Богом, но утраченную впоследствии силу. Безусловно, культура, прежде всего техническая, является самым действенным инструментом такого восстановления. Новые технологические возможности превращают *Homo faber* в *Homo virtualis*, *Homo digital*»¹⁰.

В целом, биоэтическую проблематику можно охарактеризовать относительно конкретных целей и задач развития современных

⁹ Павловская О.А. Моральный фактор в жизни человека и общества: исторические уроки и современные проблемы. – Минск: Беларуская навука, 2014 – 578с. – С.420.

¹⁰ Концепции постчеловека в философии и технонауке: материалы V Международной научной школы для молодежи (Белгород, 19-23 мая 2016 года). – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. – 245 с. – С.5-6.

биологических наук и различных технологий. Перечень проблем в данном случае обречен оставаться неоконченным в связи с тем, что практически постоянно возникают новые сферы приложения биотехнологических подходов, выступающих одной из сфер биоэтических исследований. Краткое (вышепредставленное) перечисление наиболее важных из них, дает возможность оценить широту современных биоэтических вопросов.

Например, определяя контент современных биоэтических исследований, известный ученый, ведущий биоэтик России Юдин Б.Г. утверждал: «Появление и последующее расширение зоны манипуляций в пространстве между жизнью и смертью порождает и множество проблем морального порядка, изучением которых занимается биоэтика. При этом, как показывает история развития биоэтики, довольно редко проблемы, которые ее интересуют, получают окончательное, устраивающее всех решение. Как правило, эти проблемы, относятся ли они к донорству и пересадке органов, к возможности отключения пациента от жизнеподдерживающих устройств, к допустимости тех или иных генетических тестов или же вмешательств в гены человека и т.д., снова и снова становятся ареной столкновения противоборствующих позиций, неустанного поиска приемлемых решений»¹¹.

Анализируя бурное развитие современных технологий, Юдин Б.Г. отмечал появление особого феномена пограничных ситуаций бытия человека: «В каждой из них проблематичным становится определение того, *когда мы можем говорить о некоем существе как о человеке, а когда — как о том, что уже перестало (или еще не стало) быть человеком. Эти ситуации, на наш взгляд, и являются основным полем интересов биоэтики*»¹².

Другими словами, развитие биоэтики актуализирует научный поиск в гуманитарной сфере знаний на осмысление тех фундаментальных проблем, которые встают перед человечеством в связи с техническим освоением мира, главной среди которых выступает опасность отчуждения человека от природы и от самого себя, риск потери или искажения смысла существования.

Ярчайшая тема современной философии – проблема подлинности человеческого существования на фоне возможностей и опасностей технологического прогресса, дополняется целым спектром оттенков биоэтической интерпретации. «Представьте себе, что к скалолазу у подножья горы подходит вертолетчик и предлагает без риска и

¹¹ Юдин Б.Г. Границы человеческого существа в мире новых технологий // Рабочие тетради по биоэтике. Вып.12: Биоэтическое обеспечение инновационного развития биомедицинских технологий: сб. науч. статей / под ред. П.Д. Тищенко. – М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011. – 106 с. – С.9.

¹² Там же. С.5.

физических усилий быстро доставить его на вершину горы. Техника сулит помощь в реализации сокровенного желания альпиниста, причем реализации более быстрой и легкой за счет того, что будет искусственно снято сопротивление горы. Цель будет достигнута, но цена этого технического достижения – потеря смысла жизни скалолаза именно как скалолаза. Для сохранения смысла жизни нужно уметь ценить сопротивление реальности («горы» человеческой жизни). Один из цивилизационных импульсов развития биотехнологий как раз и связан с подобным рода замещением. Сталкиваясь, к примеру, с такой проблемой, как эпидемия СПИДа, человечеству значительно легче и удобнее вкладывать огромные ресурсы в биотехнологические разработки новых лекарств и вакцин, чем, увидев «гору» моральных проблем, порожденных «сексуальной революцией», отважиться на тяжкий труд морального самосовершенствования. Честность, ответственность перед партнером и верность более надежно защищают от СПИДа, чем новые вакцины. Опасность биотехнологического прогресса в мощном искушении: сталкиваясь с той или иной проблемой, человек вместо того, чтобы изменить себя и свой образ жизни, ищет технологическое ее решение»¹³.

Основываясь на базовых экзистенциальных вопросах жизни, болезней и смерти человека, биоэтический дискурс содержит различные варианты интерпретации моральных коллизий, связанных с решением подобных проблем.

Тематика биоэтического знания столь обширна, что порой трудно определить область современных проблем, связанных с сохранением жизни (как феномена) и жизни и здоровья человека (в частности), которые не могли бы быть предметом биоэтического анализа. Эффективное развитие современной науки предполагает движение в направлении так называемых «прорывных» областей науки: нанотехнологии, технологии виртуальной реальности, нейроэтики, позитивной и нейропсихологии.

Одной из наиболее широко дискутируемых в последние годы направлений биоэтики и близких к ней областей исследования является нейроэтика, которая сформировалась на границе, в поле активного взаимодействия нейронауки («нейронаука – это новое междисциплинарное научное направление, в которое помимо классических исследований в области неврологии и нейрофизиологии входят такие новые исследовательские направления, как нейробиология, нейрогенетика, нейролингвистика,

¹³ Тищенко П.Д. Этические проблемы развития биотехнологий. Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 2. – М.: ИФРАН, 2008. – 230 с. – С.59-60.

нейроинформатика, нейропсихология, нейросоциология, нейроэкономика, нейрополитика и нейрофилософия»¹⁴) и биоэтики.

Современное общество опирается на технологии знаний – информационно-коммуникационные технологии, и на информационную индустрию. Отметим, что в данном социальном контексте формируется новая культура коммуникаций.

По свидетельству ученых, исследующих структурные изменения, происходящие в последние десятилетия в СМИ и медиаиндустрии, которые основываются на изменениях в технологической сфере, процесс перевода всего содержания во всех его формах – текстовой, графической, звуковой – в цифровую форму, создает реальную основу для конвергенции (сближения, объединения) масс-медиа. «Цифровизация содержания (от англ. digitalization, в русском переводе возможен также термин «оцифровка»), означает перевод всех типов содержания СМИ в цифровой формат, понятный современным компьютерам, что позволяет содержанию легко «транспортироваться» по любому каналу электронной коммуникации.

В результате Интернет из сети, технически соединяющей множество компьютеров, превращается в особую инфокоммуникационную среду, где размещено цифровое содержание старых СМИ. Ни время, необходимое для распространения печатных изданий, ни пространство, ограничивающее передачу телевизионного и радиосигнала, не являются более преградами ни для тех, кто создает информацию, ни для тех, кто ее потребляет»¹⁵. Другими словами, цифровизация устраняет различия между прежде разными СМИ и уравнивает все типы медиаконтента. Именно на стыке телекоммуникационных сетей, компьютерных технологий и контента СМИ достигается наиболее совершенная на сегодняшний день форма конвергенции – Интернет.

Ясно, что эффективное использование информационно-коммуникационных технологий важно в любой сфере деятельности: в экономике, в политике, в науке, в медицине, в системе образования, чтобы оперативно адаптироваться к современным изменениям.

С другой стороны, современное развитие технологий радикально трансформирует не только привычные явления и предметы, но и веками сложившиеся общественные отношения: например, военная академия США создала первого в мире робота-

¹⁴ Человек в мире нейротехнологий: социальные и этические проблемы / под ред. П.Д. Тищенко – М.: ООО «4 Принт», 2018. – 56с. – С.6.

¹⁵ Вартанова Е.Л. Человек и цифровая революция в СМИ: вызовы и проблемы // Человек как субъект и объект медиапсихологии. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. – 824 с. – С.12.

преподавателя – андроида Vina48 – который провел уже несколько лекций по философии, развернуто отвечая на вопросы студентов.

Но ведь процесс образования понимается не столько как процесс усвоения системы знаний, умений и компетенций, но и как процесс развития личности, принятия ею духовно-нравственных, социальных, семейных и других ценностей. Наверное, этот вопрос заслуживает отдельного внимания.

По мнению представителей современной биоэтики в России (Б.Г. Юдина, П.Д. Тищенко, Р.Р. Белялетдинова и других), в начале XXI века отчетливо обозначилась **тенденция применения новейших технологий, прежде всего информационных и биомедицинских, для непосредственного воздействия на человека в целях улучшения, расширения, совершенствования его физических, психических, интеллектуальных и моральных качеств**. Очевидно, что эти новые, только еще раскрывающиеся технологические возможности оказывают и будут оказывать глубочайшее влияние на представления человека о себе и своем месте в мире, на фундаментальные ценности человека и общества, и на само существование человека.

Для того чтобы быть подготовленным к жизни в этом мире новых возможностей, человеку и человечеству необходимы не только знания о назначении и способах применения новейших технологий, но и понимание социально-гуманитарных предпосылок и последствий их распространения, того, как их использование может сказываться на взаимоотношениях между людьми. Вокруг этих новых научно-технологических возможностей сегодня разгораются острейшие дискуссии, направленность и содержание которых, в свою очередь, оказывает и будет оказывать самое существенное влияние на то, какие из них становятся объектом основательной разработки и практической реализации.

В этой связи можно говорить о формировании в современной технотехнике целого слоя социально-гуманитарных знаний, которые выступают в качестве посредствующего звена между научно-технологическими возможностями воздействия на человека, с одной стороны, и ожиданиями и опасениями как отдельных индивидов, так и общества в целом, с другой. К нему можно отнести, в частности, биоэтику, оценку технологии, область анализа этических, правовых и социальных проблем новых технологий, проблематику ответственных исследований и инновации, то есть тот слой знаний, который выполняет аналитические и нормативные функции, позволяя «социализировать» расширяющиеся

биотехнологические возможности, оценивать их с гуманитарной точки зрения и регулировать их разработку и применение¹⁶.

Необходимым элементом современности выступают широкие общественные дискуссии по различным вопросам биоэтики, которые необходимы, для того, чтобы люди начинали понимать важность моральных проблем, непосредственно связанных со здоровьем, болезнями, возможными путями выздоровления, вопросами жизни и смерти, касающимися всех людей. Биоэтика не берет на себя обязательства помочь всем решить все проблемы, отнюдь, биоэтический анализ сосредоточен всегда на какой-то конкретной проблеме или конкретном случае медицинской помощи. Эти дискуссии несут в себе возможность «рождения» нового понимания границ и возможностей человеческого бытия и развития, свободы выбора и права личности относительно дальнейшего существования.

Рассмотренные выше классические характеристики биоэтики, которые были сформулированы американским биологом В.Р. Поттером, явились основой для дальнейшего становления биоэтических исследований.

Сегодня во всем мире идеи биоэтики получили признание и соответствующий философский резонанс. С 2002 года биоэтика стала одним из ключевых приоритетов ЮНЕСКО. В октябре 2005 года на Генеральной конференции ЮНЕСКО была принята «Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека», сфера применения которой как нормативного документа впервые на глобальном уровне согласовывает этические вопросы, касающиеся медицины, наук о жизни и использования технологий применительно к человеку с учетом их социальных, правовых и экологических аспектов¹⁷.

В биоэтике нашли свое отражение особенности и тенденции глобальных изменений в современном мире и соответствующие им поиски новой системы нравственных ориентиров и смыслов производства и использования научного знания. При этом духовная реформация будущего связывается с возрождением этикоцентричных и биофильных традиций мировой культуры, с биоэтическим поиском оптимального варианта решения проблем сохранения жизни, на основе изменения мировоззренческих доминант современного человека.

Очевидно, в общей форме содержание процессов биоэтических исследований заключается в поиске и анализе причин изучаемых явлений, их возможно более полном и точном объяснении, что создает

¹⁶ Рабочие тетради по биоэтике. Выпуск 20: Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека: сб. науч. ст. / под ред. Б. Г. Юдина. – М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2015. – 168 с. С. 5-6.

¹⁷ Проект Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека от 33 сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО. – Париж. – 2005. – 38с.

теоретические предпосылки для будущей социокультурной практики. Например, открытый диалог французских и российских ученых по вопросам медицинской этики и биоэтики, который состоялся в Москве 2010 году, содействовал популяризации проблем биоэтики, вскрыл вопросы экзистенциального характера, которые возникают в результате научных исследований и касаются в целом всего общества и при этом каждого отдельного человека, вопросы, связанные с конфликтом ценностей между современным технико-экономическим и научным прогрессом и будущим развитием человечества.

Современное развитие биоэтики получило распространение в Америке (П. Сингер, А. Томпсон, Р. Роутли, Р. Этфилд и другие), в странах Европы – в России (Б.Г. Юдин, С.П. Баньковская, П.Д. Тищенко, Е.П. Малышева, О.В. Кубарь и другие), Украине (В.Л. Кулиниченко, С.В. Вековщина, П. Витте и другие), Франции (Жан-Франсуа Дельфресси, Дидье Сикар, Жак Тестар и другие), Бельгии, Дании, Швеции, Швейцарии, Германии, странах Балтии и др.

Не является исключением из этого сообщества и Беларусь. Идеи биоэтики в их классическом и современном глобальном научном дискурсе развиваются представителями медицины, философии, этики, юриспруденции, православного христианства, педагогики, психологи, социологии. Известные специалисты в области биоэтики в Беларуси – Е.Л. Богдан, С.Д. Денисов, Ф.Н. Карпенко, К.В. Шолоков, Т.В. Мишаткина, Я.С. Яскевич и другие.

Нынешнее состояние биоэтики, можно охарактеризовать как нравственно-интеллектуальный поиск аксиологического статуса всего онтологического разнообразия живой природы с учетом результатов наиболее перспективных и актуальных направлений научного исследования. «Биомедицинский дискурс со свойственной ему инновационностью и парадоксальностью, новыми этическими стандартами аккумулирует в себе подлинную междисциплинарность, стремительно внедряясь не только в различные науки, но и современную культуру. Обозначив медицинские возможности изменения телесной природы, современная биомедицина задает новые ракурсы исследования человека, расширяет границы философской рефлексии, инициирует дальнейший критический взгляд на инвариантность телесно-природной сущности человека»¹⁸.

Биоэтические идеи коррелируют с содержанием концепции государственной политики Республики Беларусь в области охраны окружающей среды, провозгласившей приоритет человеческих ценностей и, прежде всего, жизни и здоровья сегодняшнего и

¹⁸ Биомедицинская этика: Практикум / Под общ. ред. С.Д. Денисова, Я.С. Яскевич. – Мн.: БГМУ, 2011. – С.6.

будущих поколений, при изменении стереотипов понимания экологических проблем. Известно, что экологическая ситуация в нашей стране осложнена последствиями Чернобыльской катастрофы. На этом фоне особенно важно отметить, что **биоэтические нормы могут способствовать разработке концепции гармоничного, устойчивого соразвития человечества и биоокружения.**

Учитывая так же мировоззренческие особенности менталитета нашего общества, специфику национальных культурных традиций нашей страны, наиболее перспективным направлением, по нашему мнению, является разработка национально ориентированной биоэтической концепции выживания в неблагоприятной окружающей среде и транслирование соответствующих идей биоэтики.

2.11. Трансформационные процессы в музыкально-эстетическом сознании как отражение общественного бытия *М.Д. Мужчиль*

Музыка – один из важнейших и неотъемлемых аспектов бытия человека. Интерес к феномену музыки, с одной стороны охватывающей всю беспредельность мира, с другой – выражающей сокровеннейшие движения человеческой души, не угасает в культуре на протяжении всей истории ее развития. Ключевым вопросом при осмыслении сущности музыки является вопрос о ее соотношении с человеческим миром. В истории культуры выработаны два варианта осмысления данной проблемы.

Первый из них связан с пониманием музыки и человеческого мира как самостоятельных феноменов, между которым если и имеется связь – то сугубо внешняя. В рамках данной осмыслительной модели может признаваться, что реальная жизнь неизбежно оставляет свой след на «теле» музыки, точно так же, как и музыка, в свою очередь, оказывает воздействие на человеческий мир, облагораживая, утончая, украшая и т.д. его. Радикально настроенные исследователи заявляют о том, что между музыкой и реальностью вообще не существует ничего общего. Однако и в том и другом случае суть остается одной – музыка и мир человека мыслятся как два автономных образования, обладающих собственными закономерностями, могущих вступать или не вступать во взаимодействие друг с другом.

Согласно другой модели связь между музыкой и реальностью носит глубинный, сущностный характер. Общественным бытием человека обусловлены все аспекты и формы существования музыкально-эстетического, все трансформации, которые оно претерпевает в своем развитии. Формирующиеся общественные связи вызывают к жизни те или иные образные системы, жанры, формы, стили, особенности музыкального языка, различные способы функционирования музыки в обществе. Именно на эту, глубоко укорененную в мировой философской мысли, модель опирается автор предлагаемой работы.

Цель данной статьи – выявление отличий реализации музыкально-творческой способности человека в различных социальных контекстах – там, где существует изначально целостная деятельность, и там, где выражено отчуждение.

Истоки формирования музыки – это одновременно и истоки становления человека. Особенностью формирующихся, зарождающихся человеческих сообществ является то, что музыка не существует в них как обособленная сфера, в них нет разделения на музыку и жизнь. Способность «музыкального уха» непосредственно вплетена в контекст всего человеческого бытия. Музыка является непременным атрибутом важнейших сфер общественной жизни древнего человека – религиозно-магической практики и трудового процесса.

Музыка в контексте магической практики выступает способом установления связи с невидимым, потусторонним миром. В мифах многих народов присутствует сюжет об обнаружении сходства звучаний разнообразных предметов с голосами людей, ставших его обитателями. Духи оказываются большими любителями музыки, и для того, чтобы задобрить их и заручиться их поддержкой, древние люди в ответственные моменты жизни играли им на музыкальных инструментах. Духов нежелательных, наоборот, отгоняли с помощью звуков, которые им неприятны.

Важнейшая для музыки функция установления и регуляции связи с миром реализуется и в религиозных культах – само слово религия происходит от лат. *religo* – связываю, обвиваю. Музыка становилась голосом высшей реальности – голосом гармонии, добра и любви. Вместе с тем она была и голосом самого человека, стремившегося к выходу за свои пределы, к самосовершенствованию.

Важнейшим истоком музыки является трудовой процесс, ритмичность и согласованность которого обеспечивается с ее помощью. Однако музыка предстает не просто способом облегчения трудовых действий и операций, а формой вызревания человечности,

преодоления, обуздания животного начала. Потребность в прекрасном, эстетическом, одухотворенном, избыточная, казалось бы, по отношению к трудовому процессу, обеспечивающему физическое выживание, оказывается для древнего человека совсем не избыточной, а выражающей его глубинные устремления. Ученые отмечают, что почти в любом созданном руками первобытного человека предмете в той или иной степени выражено и художественное отношение к действительности. В древности при осуществлении трудового процесса имеет место не столько процесс утилитаризации, использования прекрасного, сколько обратный, вернее, первичный, процесс очеловечивания пользы, придания ей неразрывного с зарождающимся эстетическим началом характера.

Важнейшим истоком музыки является и человеческая повседневность. Потребность с помощью музыкальных звуков выражать свои состояния, общаться с миром и своими соплеменниками древний человек испытывает на протяжении всей жизни, в любой – будничной ли, праздничной ли – ситуации. Говоря о современных традиционных обществах Азии, Африки и Америки, А. Алпатова пишет о том, что звучание и музыка в самых разнообразных своих проявлениях стали для их представителей такой же неотъемлемой частью жизни, необходимостью и потребностью, как и воздух, вода, пища, физическая и духовная активность¹.

Для процесса музыкального творчества в древности характерна спонтанность, импровизационность, включенность в конкретную жизненную ситуацию. Музыкальные звуки интересуют древнего человека не просто в силу своей приятности для слуха, а в силу выражаемых ими смыслов, актуальных здесь и сейчас. Смыслы, рождающиеся в процессе совместного жизненного творчества и выраженные с помощью звуков, доступны и понятны каждому индивиду, равно как и не утрачена еще способность их музыкального воспроизведения каждым членом данного сообщества.

Конечной целью музицирования является не создание музыкального произведения, предназначенного для потребления третьими лицами, как это происходит в более поздние эпохи, а изменение самого индивида, гармонизация его душевных сил, приведение их в равновесие с окружающим миром.

Таким образом, существование музыки на ранних этапах развития человеческого общества, обнажает ее сущностную специфику, которая выступает как творчество одной из важнейших

¹ Алпатова А.С. Человек в архаической музыке: об антропологическом методе в этномузыковедении // Музыковедение. – 2007. – №2. – С.27.

сущностных сил человека, как формирование человеческой слуховой способности в процессе совместно осуществляемой жизнедеятельности, как способ освоения мира, установления с ним связи, очеловечивания и одухотворения его. Особенности существования музыки на ранних этапах вполне дают возможность согласиться с Н. Аюповым, высказывающем мысль об онтологичности музыки «как одного из первоначал жизни человека»², а также с П. Гнедичем, считавшим, что чувство гармонии говорит в первобытном человеке «ранее всех других чувств и знаний»³. В этом плане едва ли прав Демокрит, полагавший, что «музыка есть младшее из искусств», и объяснявший это тем, что ее породила не нужда, но родилась она «от развившейся уже роскоши»⁴.

Тем более, весьма сомнительным выглядит высказывание А.Ладыгиной, говорящей о том, что эстетическое отношение «не является необходимым для существования отдельного человека и в этом смысле для него бесполезно, но оно необходимо для существования и развития общества и в этом смысле исключительно полезно»⁵. В данном высказывании явно обнажается утилитарный подход к музыке, а также фиксируется более позднего происхождения представление о ней как явлении вне-человеческого существования. В этом плане музыка как явление, характеризующее одно из родовых свойств человека, обеспечивающих полноту его проявления, оказывается вынесенной за рамки реальной человеческой жизни, то есть она трактуется как выражение и проявление сил, стоящих над человеком. Жизнь реального, конкретного человека оказывается существенно обделенной, однако это не рассматривается как негативный момент, а, наоборот, фиксируется как норма.

Происходящее в процессе развития человеческой истории расслоение общества, связанное с закреплением функций целеполагания и исполнения за разными группами индивидов, имеет следствием раскол человеческого мира на совокупность обособленных реальностей – на мир исполнительского, репродуктивного существования, мир чувственно, непосредственно данной необходимости, связанный с обеспечением физического существования, и духовный мир человеческой свободы, творческого

² Аюпов Н.Г. Тенгрианство как открытое мировоззрение: диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук – Алматы, 2004. – С.118.

³ Гнедич П.П. Всемирная история искусств. – М.: Современник, 1999. – С. 10.

⁴ Античная музыкальная эстетика. – М.: Музгиз, 1960. – С.137.

⁵ Книга по эстетике для музыкантов. – М.: Музыка, 1983. – С.24.

самоопределения, находящийся за пределами повседневности и возвышающийся над ней.

Ранее целостная опозитивированная жизнь дробится на частные определения, которые в своем реальном существовании вполне могут не пересекаться - жизнь и поэзию, пользу и красоту, прозу обыденного существования и праздничный мир прекрасных грез, призванный восполнить собой красоту, уходящую из реальных человеческих отношений, основанных на взаимовыгодных обменах и взаимном использовании.

Эти процессы находят выражение в конституировании социального института искусства, концентрирующего в себе красоту, отчужденную от реального человеческого существования. С особой силой они проявляют себя в эпоху Нового времени, связанную с зарождением и формированием капиталистических отношений, представляющих собой усиление процессов разделения деятельности.

Именно в это время музыка отделяется в самостоятельную, в самодостаточную сферу, что находит свое выражение в возникновении концертной формы музицирования, представляющей собой встречи с музыкой в особом, локализованном пространстве и времени концертного зала, слушания музыки не как формы связи с другим человеком, а ради музыки как определенной звуковой организации. Происходит разделение на творцов, композиторов и публику, потребителей, лишенных собственных внутренних художественных потенций и получающих их извне - от автора музыкального произведения.

Феномен музыкального произведения как автономного замкнутого художественного организма, как особой музыкальной конструкции, создание которой не обусловлено непосредственно жизненной ситуацией общения людей и осуществляется за ее пределами, также является продуктом Нового времени. Среди других примет отделения музыки от реальной жизни и возвышения над ней можно назвать культивирование в зародившемся в Новое время оперном жанре манеры *bell canto*, непохожего на пение, характерное для бытового музицирования и требующего особой выучки; запрет выводить на сцену в качестве героев так называемой серьезной оперы простых людей и современников, главными действующими лицами которой должны являться лишь мифологические персонажи, короли, полководцы; ситуацию растерянности слушателя перед ставшим непонятным для непосвященных миром музыки, попасть в который теперь можно лишь с помощью проводника - музыкального критика и т.д.

Особенности отчужденного эстетического сознания очень точно определены Ю. Давыдовым, который пишет о том, что «включение в эстетическую сферу выступает как полное выключение из социальной действительности, причем такое выключение из социальной действительности выступает в качестве основного условия акта эстетического переживания»⁶.

Феномен раскола мира на несоприкасающиеся друг с другом реальности, на мир повседневных человеческих дел, интересов, отношений с другими людьми и мир произведений искусства, мир красивых вещей, чуждый и равнодушный этим интересам, делам и отношениям, но странным образом превращающийся в более реальный и значимый для человека, был с удивлением в 19 веке обнаружен и проанализирован А. Чеховым, Л. Толстым, Р. Вагнером.

А. Чехов в рассказе «Два скандала» иронизирует по поводу этой извращенной ситуации, поведав историю дирижера, который быстро забывает о своей жестокости по отношению к близкой женщине; зато испорченное им блестящее исполнение ею вокальной партии становится для него самым прискорбным воспоминанием. Ведь вся жизнь его – это служение святому искусству. «Он стоит настороже, а не будь его, кто бы не пускал в воздух этих отвратительных полутонов, которые то и дело расстраивают и убивают гармонию? Он бережет эту гармонию и за нее готов повесить весь свет и сам повеситься».

Однако для нашего времени эта ситуация стала вполне привычной и современный философ не негодует, иронизирует или возмущается по поводу ее безнравственности и неестественности, а бесстрастно фиксирует: «Жизнь – это одно, поэзия – нечто другое, так теперь думают, или, по крайней мере, чувствуют... Поэт начинается там, где кончается человек. Судьба одного – идти своим «человеческим» путем; миссия другого – создавать несуществующее»⁷.

Принципиальный разрыв эстетического с какими-либо человеческими проявлениями выдвигается в качестве программного требования, предъявляемого к новому искусству, для представителей которого музыка – это не что иное, как звуки и их связи: конstellации, порядок, взаимозависимость, то есть структуры (К. Штокгаузен). Результатом этого является замещение в авангардном искусстве прекрасного искусственными

⁶ Давыдов Ю. Искусство как социологический феномен. К характеристике эстетико-политических взглядов Платона и Аристотеля. – М.: Наука, 1968. – С.19.

⁷ Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства// Само сознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. – М.: Политиздат, 1991. – С.247.

конструкциями, чуждыми слуху, являющимися выражением «триумфа над человеческим»⁸.

Разрыв эстетического с нравственным сначала представлен декларациями об «искусстве ради искусства», о свободе мира красоты от реальных человеческих отношений и от направленности деятельности художника на другого человека. Однако на смену нравственной нейтральности приходит открыто безнравственная позиция. Как писал Ф. Достоевский, в человечестве «эстетическая идея помрачилась». В искусство хлынул поток образов насилия, жестокости, похоти. Мир прекрасного стал превращаться в мир безобразного, осмысленная эстетическая реальность – в бессмысленную, хаотичную, абсурдную.

Яркий образ современного художника, одержимого идеей творчества, но вместе с тем презрительно-холодного, питающего отвращение ко всему, что входит в сферу чувственности, представлен в романе Т. Манна «Доктор Фаустус». Вершинное произведение главного героя романа – композитора Адриана Leverkюна – «*Arcalipsis cum figuris*» с его жуткими хорами, повествующими «о почернении солнца, о кровоточащей луне, о кораблях, опрокидывающихся среди свалки кричащих людей». Эта жуткая, сатанинская музыка, с презрительным, торжествующим адским хохотом и ликованием геены – триумф Зла, приобретающего космические масштабы.

Ужасающую катастрофу «вторичного одичания» человека, превращения его в духовного мутанта в реальной музыкальной практике, думается, ярче всего отразили симфонии Д. Шостаковича с их темами – «оборотнями», где мир человечности и созидания вдруг превращается в жестокое, злобное, агрессивное начало, в рычащих, лязгающих зубами чудовищ.

Утрата человеком опоры в другом человеке, содержательно-нравственных, душевных связей с миром, целостности мироотношения лежит в основе гипертрофии развлекательной функции музыки. Развлекательная продукция, ориентированная на низшие уровни человеческого существа, становится фактором, способствующим обрубанию содержательных связей человека с миром, культивируя бездумное, животное к нему отношение.

Музыка, выступающая в качестве орудия разрушения личностного, творческого начала в человеке, субстанциальных основ собственно человеческого бытия, превращается в угрозу и для его физического состояния. А. Юсфин приводит данные исследований, в ходе которых выяснилось, что разрушительное воздействие музыки

⁸ Там же. С.242.

«сопоставимо с подобным же воздействием алкоголизма и техники (жертв всех катастроф от автомобильных до профессиональных) и превосходит (!) роль курения, неблагоприятных условий труда, неблагополучной наследственности и влияния природно-климатических условий»⁹.

Более того, искусство может сознательно использоваться в качестве средства разрушения. Н. Маркова пишет о том, что с помощью музыки средствами массовой информации в сознание молодежи внедряются чувства и идеи, характерные для наркокультуры¹⁰. Распространение убийственной музыки и убийственного искусства несет «разрушение института социализации детей и подростков, уничтожение культурной преемственности и рост преступности; блокирование естественного полового рефлекса, распространение гомосексуализма, вал детской проституции и порнографии; психические травмы, приводящие в дальнейшем к частой смене половых партнеров, потреблению наркотиков, росту самоубийств, эпидемии СПИДа и т.д.»¹¹

В этом контексте возлагание надежд на искусство и эстетическое в целом как на источник человеческого творчества, как на мир вечных и незыблемых ценностей, способный корректировать какие-либо изъяны в общественном или индивидуальном развитии, представляется, по меньшей мере, наивным. Однако такая позиция является весьма распространенной. Она представлена в творчестве Ю.Борева, А. Гулыги, М. Кагана и многих других. В основе подобных взглядов лежит отождествление эстетического отражения с отчужденной формой его существования – искусством. Внешние характеристики искусства – красота, гармония, целостность, приравниваются к его сущности. Причем эти характеристики видятся как абсолютные, вечно искусству присущие.

Гармоничность и целостность художественных образов – это выражение целостного человеческого мироотношения, целостности и гармоничности мироустройства. Искусство – не гарант сохранения и средство исправления мира, а своеобразный симптом, дающий возможность судить о реальном состоянии дел, о преобладании гармоничных или дисгармоничных тенденций в жизни человека. Именно такая мировоззренческая позиция лежит в основе

⁹ Юсфин А. Музыка и проблемы глобальной экологии человека // Советская музыка. – 1990. – №8. – С. 11.

¹⁰ Маркова Н.Е. Современная информационная культура мегаполиса. Инструменты формирования менталитета молодежи (Интернет, видеорынок, музыкальная субкультура) // Роль звуковой среды в формировании ментальности молодежи: материалы международной научно-практической конференции. – Липецк: ЛГПУ, 2008. – С.8.

¹¹ Там же. С.11.

стремления еще древнекитайских мудрецов по собранным напевам судить о состоянии дел в обществе.

Таким образом, на основе рассмотрения различных вариантов осуществления музыкально-эстетической деятельности можно сделать следующий вывод. Нельзя отождествлять сущность музыкально-эстетического с музыкальным искусством. Эстетическое – это способ мироотношения человека с позиций прекрасного, безобразного, комического, трагического, возвышенного, низменного и т.д., его актуальное, живое состояние. Искусство – самостоятельно существующий мир, сфера, которая соотносится со сферой человеческой жизни как внешнее, иное, а порой и чуждое начало. Сказанное означает, что эстетическое, в том числе музыкально-эстетическое, отражение нельзя рассматривать, не выделяя двух этих вариантов его существования. Если не рассматривать эти два варианта, а говорить вообще об эстетическом отражении, то в этом случае рассмотрение будет формальным, абстрактным.

Обозначенные противоположные моменты определяют собой разные цели, ставящиеся перед музыкальным воспитанием, с необходимостью приводящие к кардинально различным результатам. Если в основе программ музыкально-эстетического воспитания лежит понимание музыки как выражения смыслов человеческого существования, то целью музыкальной деятельности становится формирование человека, пространства Личности, осваивающей человеческий мир и творящей его.

Если музыка понимается как вид искусства, обладающий собственными закономерностями, то целью эстетического воспитания становится изучение этих закономерностей, формирование умения оперировать музыкальными средствами, комбинировать звуки в определенном порядке, разбираться в стилях, манерах, направлениях, оттачивать технику исполнения музыкальных произведений и т.д. При этом вопрос о становлении индивида, о формировании его жизненной позиции, собственно человеческих качеств может вообще не стоять, как звучащий нелепо и неуместно, либо присутствовать как «дежурный» раздел программы, как формальная дань тем или иным идеологическим требованиям.

Резко, но по существу очень верно о таком процессе эстетического развития, оторванном от целей и смыслов собственно человеческого существования, писал Л.Толстой: «Сотни тысяч людей с молодых лет посвящают все свои жизни на то, чтобы выучиться очень быстро вертеть ногами (танцоры), другие (музыканты) на то,

чтобы выучиться очень быстро перебирать клавиши или струны, третьи (живописцы) на то, чтобы уметь рисовать красками и писать все, что они увидят, четвертые на то, чтобы перевернуть всякую фразу на всякие лады и ко всякому слову подыскать рифму. И такие люди, часто очень добрые, умные, способные на всякий полезный труд, дичают в этих исключительных, одуряющих занятиях и становятся тупыми ко всем серьезным явлениям жизни, односторонними и вполне довольными собой специалистами, умеющими только вертеть ногами, языком или пальцами»¹².

В контексте отчуждения, которым пронизаны все поры современного общества, более естественным и очевидным оказывается второй из выше обозначенных вариантов программ, отражающий и закрепляющий налично данную ориентацию на воспроизводство вещных форм связей человека с миром и себе подобными. Первый же вариант программ, всегда являющийся результатом глубинного, сущностного анализа, выступает как преодоление налично данных обстоятельств. Такие программы ориентированы не просто на решение каких-либо частных вопросов, их появление связано с необходимостью решения глобальных, основополагающих проблем человеческого бытия. Они направлены на снятие отчуждения, а значит, формирование личности с ее собственно человеческим отношением к миру, на выход из тупиков абстрактного, вещного существования в пространство собственно культурной реальности.

2.12. Осмысление глобального мира: варианты исследовательских стратегий

Е.Г. Рякова, Е.В. Савчук

Современный глобальный мир предполагает наличие системы общественных отношений планетарного масштаба, в функционировании которой в качестве акторов (с теми или иными параметрами, ролями и с разной степенью интенсивности) участвует практически всё население планеты. Это обуславливает актуальность обращения к теме глобального при осмыслении любых социальных явлений, процессов, событий. Осмысление глобального мира осуществляется различными способами, что

¹² Толстой Л.Н. Что такое искусство? // Собр. сочинений в 22 т. – Т.15. – М.: Художественная литература, 1983. – С.42.

обусловливается присутствием различных способов организации связи человека с миром, которые строятся по типу:

1) либо взаимодействий человека с миром через функциональную включенность в систему социумных практик, где он выступает «винтиком», «неспособным понять проблемы мира как свои и свои проблемы как проблемы мира»;

2) либо живой связи человека-субъекта и мира, представляющегося человеку нечуждым контекстом его существования и питающим источником, без заботы о состоянии которого гармонизация жизни попросту невозможна.

В зависимости от типа связи человека с миром формируются и варианты исследовательских стратегий, выраженные либо в направленности на манипулятивное связывание между собой многообразного эмпирического материала, либо – на вскрытие действительной логики и исследование способа формирования конкретных явлений и событий для разрешения реальных проблем и противоречий. Эти же типы исследовательских стратегий присутствуют и у современного человека, осмысливающего глобальный мир. В истории философской мысли присутствует опыт проработки и осмысления обеих позиций, выраженных в существовании эмпирицизма и диалектики как исследовательских стратегий.

Преобладание сегодня эмпирицистской исследовательской стратегии неслучайно: она является выражением искаженного типа социальности, в котором человек встроен в мир через отчужденные формы функционального присутствия. При осмыслении современного глобального мира (а также происходящих в нем событий, явлений, процессов) доминирующей также выступает эмпирицистская версия организации исследования. Как правило, она связана с фактическим превращением идей глобального и глобализации в готовые мыслеформы, подчиняющие себе рассудочные построения. Примером подобного способа вхождения в исследование современной социальной реальности являются многочисленные концепции глобализации. Рассмотрим в качестве примера подобного хода мысли статью социологов Роланда Робертсона и Фрэнка Лечнера «Modernization, Globalization and the Problem of Culture in World-Systems Theory»¹³ (1985), где «глобализация» получает статус особого предмета исследования и объяснительного принципа, который позже был положен в основу производных от него концепций. Глобализация понимается Р.

¹³ Robertson R., Lechner F. Modernization, Globalization and the Problem of Culture in World-Systems Theory // Theory, Culture and Society. – 1985. – Vol.2. – №3. – P. 103-117.

Роландом и Ф. Лэчнером как «процессы, посредством которых мир превратился в единое место (a single place) с системными свойствами». Согласно точке зрения данных социологов идея глобализации имеет позитивное познавательное значение, потому, что она позволяет рассматривать «индивидов, общества и мировую систему» «в терминах единой согласованной аналитической структуры»¹⁴.

Безусловно, такой интеллектуальный ход, неориентированный на вскрытие логики социального процесса, осмысления оснований, ведет к утверждению эмпирицистского, абстрактно-общего понимания мира и выводу об абсолютной непредсказуемости социальных трансформаций. Абстрактно-общее понятие, сформированное на рассудочном уровне, может быть пригодно для рассудочных же (чаще всего, идеологических или псевдонаучных) манипуляций и не может иметь серьезного познавательного потенциала. Еще в 1963 году лидер казахстанской школы диалектической логики Ж.М. Абдильдин в работе «Проблемы диалектики и логики познания» по поводу познавательного потенциала процедуры выделения абстрактно-общих определений осмысливаемой реальности отмечал, что «абстрактно-общее схватывает каждую сторону единства в отрыве от её противоположности. Рассудок, руководствуясь принципом абстрактной всеобщности, абстрактного тождества и различия, разрывает целое, омертвляет живое»¹⁵. Исходя из этого, важно понимать, что возведение абстрактно-общего понятия «глобализация» в несвойственный ему статус концептуального основания социальных исследований препятствует человеку, стремящемуся адекватно осмыслить глобальный мир. Такой интеллектуальный ход оставляет за пределами исследовательских задач проникновение в суть событий, противоречий, а, значит, лишает человека возможности адекватной ориентации в мире: «Замена рассмотрения логики процесса установлением его описания с массивом характеристик не дает возможности сколько-нибудь адекватно осознать и понять его суть. Это означает, во-первых, потерю ориентира в ситуации, требовавшей адекватного понимания, и, во-вторых, означает вхождение в практический

¹⁴ Там же. С. 103

¹⁵ Абдильдин Ж.М. Проблемы диалектики и логики познания // Абдильдин Ж. М. Сочинения в 5 т. – Т. 5. – Алматы: Онер, 2001. – 455 с. – С. 173.

хаос»¹⁶, что в ситуации современных «глобальных вызовов», являющихся выражением глубинных социальных противоречий может стать фатальным для человечества в целом.

После выхода статьи Р. Робертсона и Ф. Лечнера «Modernization, Globalization and the Problem of Culture in World-Systems Theory» начинается распространение использования понятия «глобализация» во все сферы общественности и проникновение его во многие национальные языки и научные парадигмы. Характеризуя наличие взаимосвязи, взаимовлияния различных явлений в современном мире посредством введения понятия «глобализация», сторонники его внедрения используют его как познавательную рамку исследования. По существу, происходит фиксация абстрактно-общим понятием «глобализация» внимания на единственной характеристике любых объектов (вписанности их в планетарный масштаб): авторы, причастные этой исследовательской стратегии, игнорируют анализ того, что лежит в основании интересующих их явлений. Термин «глобализация» словно парит в воздухе в качестве самостоятельной субстанции, обволакивающей своей аурой всё в мире.

Активному внедрению в осмыслительные практики концепций глобализации, ядром которых является абстрактно-общее понятие «глобализации», способствовали работы М. Арчер, М. Фезерстоуна, А. Аппадурай, Б. Тернера, Л. Склэра, О. Ианни, М. Уотерса, У. Бека и т.д. Особую роль в его распространении сыграл и международно-транснациональный Давосский форум 1996 года, темой которого «Глобализация основных процессов на планете» была задана интеллектуально-идеологическая мода, актуальная по сей день.

В 1998 году Р. Робертсон выпустил статью «Discourses of globalization: Preliminary considerations»¹⁷ совместно с Хабибом Хондкером, в которой авторы сделали попытку упорядочить разрастающийся массив публикаций, посвященных теме глобализации, создать «рефлексивную теорию глобализации». Отмечая проникновение термина «глобализация» во все дисциплины и научные языки мира, а также эскалацию его использования в повседневной речи, авторы выделяют типы дискурса глобализации: 1) региональные, цивилизационные; 2) дисциплинарные; 3) идеологические; 4) феминистический. Р. Робертсон и Х. Хондкер отмечают отсутствие у большинства авторов

¹⁶ Гусева Н.В. Диалектика, редукционизм и развитие современной философии как проблема // Человек, история, культура: к 90-летию Э.В. Ильенкова: коллективная монография – Усть-Каменогорск, 2014. – С. 120-130. – С. 121.

¹⁷ Robertson R., Knondker H. Discourses of globalization: Preliminary considerations // International sociology. – L., 1999. – Vol 13, № 1. – P. 25-40.

сколько-нибудь четкого понимания того, что обозначает используемый ими термин «глобализация», а это ведет, по мнению Р. Робертсона и Х. Хондкера, к его девальвации. Необходимо отметить, что разделяя обеспокоенность ситуацией в общественном сознании в связи с необходимостью адекватного осмысления глобальных социальных процессов, авторы данной статьи (Е.Р., Е.С.) не разделяют обеспокоенности в связи с девальвацией термина «глобализация» в силу понимания принципиального отсутствия у него серьезного эвристического потенциала.

На наш взгляд, понятие «глобализация» как «инструмент познания» способно справиться лишь с задачей описания и ситуативно-манипулятивного анализа происходящего, которые могут служить «теоретической» основой лишь рассудочно-приспособленческой ориентации в мире. Понятие «глобализация» не обладает статусом конкретного понятия, которое может лежать в основании построения социальной теории, претендовать на универсальную объясняющую способность, которая ему приписывается. Оно способно стать лишь «теоретическим резервуаром», рассудочной рамкой, в которую произвольным образом будут помещены упоминания обо всем происходящем.

Еще одним примером использования термина «глобализация» для построения рассудочной объясняющей модели может служить подход британского политического философа и идеолога лейбористов Энтони Гидденса, активно обращающегося к термину «глобализация» и определяющего его в работе «Последствия современности» (1990) как интенсификацию «распространенных по всему миру социальных отношений, которые связывают отдельные местности таким образом, что местные события формируются явлениями, происходящими за много миль от них, и наоборот»¹⁸. Логика доказательств Э. Гидденса состоит в перечислении примеров того, как события в одном месте земного шара (например, рост благосостояния городского района в Сингапуре) могут прямо или косвенно отзываться в другом месте (например, обнищание района в Питсбурге)¹⁹.

В другой работе «Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь» (1999) Э. Гидденс рассматривал современный мир как мир глобальный: «Мы живем в мире преобразований, затрагивающих практически всё, что бы мы ни делали, – пишет он, – Плохо это или хорошо, нас заталкивают в рамки глобального

¹⁸ Гидденс Э. Последствия современности. – М.: Практикс, 2011. – 352 с. – С. 188.

¹⁹ Там же. С. 189.

порядка, суть которого никто по-настоящему не понимает, но воздействие ощущает на себе каждый»²⁰. По ходу изложения своих мыслей Э. Гидденс в рассудочную рамку «глобализация» последовательно помещает разнообразные явления современного мира: «Глобализация перестраивает наш образ жизни»²¹; «На повседневную жизнь глобализация влияет не меньше, чем на события мирового масштаба»²²; «За распространением демократии стоит глобализация»²³; «Глобализация является причиной возрождения местной культурной идентичности»²⁴; «Глобализация позволяет понять, почему и как советский коммунизм пришел к концу»²⁵; «Фундаментализм – дитя глобализации»²⁶.

Выделяя в многообразии существующих точек зрения по отношению к глобализации скептическое и радикальное направления, Э. Гидденс говорит о том, что ни то, ни другое не понимает «должным образом суть самого этого явления и тех последствий, что оно нам несет. Обе группировки рассматривают его, – пишет Э. Гидденс, – почти исключительно с экономической точки зрения. А это ошибка. Глобализация охватывает не только экономическую, но и политическую, технологическую, культурную сферы»²⁷. Ученый многократно подчеркивает сложность, многослойность глобализации: «глобализация – это не один процесс, а сложное сочетание целого ряда процессов. Развиваются они противоречиво или даже в противоположных направлениях»²⁸. По поводу этого утверждения возникает вопрос о смысле введения термина «глобализация», который, как оказывается, вообще не отражает никакого конкретного процесса, а выполняет лишь функцию аккумуляции в себе указания на наличие массива явлений, событий, процессов.

Идеологический оппонент Э. Гидденса влиятельный социальный мыслитель Йоран Терборн со середины 1990-ых активно начинает использовать абстрактно-общее понятие «глобализация» в качестве ключевой теоретико-методологической рамки анализа, заменив ею использовавшуюся им ранее рамку «современность»²⁹. Интересовавшие его и до этого предметы исследования

²⁰ Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Издательство «Весь Мир», 2004. – 120 с. – С. 21.

²¹ Там же. С. 19.

²² Там же. С. 20.

²³ Там же. С. 21.

²⁴ Там же. С. 30.

²⁵ Там же. С. 31.

²⁶ Там же. С. 66.

²⁷ Там же. С. 27.

²⁸ Там же. С. 29.

²⁹ Павлов А. Постмарксизм без знака вопроса: радикальная социальная теория Йорана Терборна // Терборн Й. От марксизма к постмарксизму? – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 256 с. – С. 13.

(капитализм, государство, власть, неравенство и т.д.) идеолог левых Й. Терборн вписывает теперь в новую оптику. При этом, понятие «глобальности» Й. Терборном трактуется сугубо в механистическом ключе. Так, в работе «От марксизма к постмарксизму» он использует образ глобального пространства как арены (среды) для действия акторов: «Само пространство ничего не решает: имеют значение только акторы и их действия», – пишет Й. Терборн. Далее он в этом же ключе добавляет, что не стоит исключать необходимости учета наличия глобального пространства, ибо «во многих отношениях именно это измерение – протяженно-глобальное, но в настоящий момент куда более плотное в своей общемировой связности – наделяет акторов силами и ослабляет, ставит перед ними препятствия и предлагает возможности. Пространство задает координаты политических действий»³⁰.

Симптоматично то, что Й. Терборн в плане практики построения мыслительных конструкций для упорядочения многообразия явлений общественной жизни использует популярный в социологии конструкт – ось координат с учетом двух параметров. Например, он берет систему координат с перпендикулярными осями «коллективизм – индивидуализм» и «почтительность – непочтительность», размещая на ней любых акторов общественной жизни. Этим самым Й. Терборн определяет их место в структуре общественной жизни и создает весьма функциональную рамку для описания и интерпретации происходящего³¹.

Подытоживая вышесказанное, следует отметить, что абстрактно-общее понятие «глобализация» не в состоянии схватить сущность живой общественной жизни. Сказанное не отрицает существование глобальных социальных процессов или системы отношений планетарного масштаба, но ставит под вопрос эвристический потенциал абстрактно-общих понятий «глобализация» или «глобальный мир». Эмпирицистское рассмотрение глобального социального процесса, осуществляемое путем помещения его моментов (явлений, событий, ситуаций, отдельных процессов) в рассудочную рамку «глобализация» действительно существенно упрощает восприятие многообразия социальной жизни, способствует выработке еще одного дискурса для описания происходящего в обществе. Рассудочные рамки (в том числе, рассудочная рамка «глобализация») являются удобными инструментами для интеллектуальных манипуляций (как идеологического, так и псевдонаучного толка) и выступают

³⁰ Терборн Й. От марксизма к постмарксизму? – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 256 с. – С. 31.

³¹ Там же. С. 34-36.

выражением стремления человека приспособиться к потоку событий деформированной социальности и отстраненности его от задачи адекватной сквозной ориентации в мире.

Отказ от понимания оснований и сущности происходящего в современном мире может оказаться фатальным. В.С. Возняк и Н.В. Гусева в монографии «Диалектика духовной реальности» (2016) по этому поводу пишут следующее: «Учитывая остроту современных глобальных проблем, можно сделать вывод, что у человечества нет времени на то, чтобы пока довольствоваться лишь ситуативными выгодами и пользой, не задумываясь о грядущих катастрофах и катаклизмах не только природного, но и социального характера. Условием выживания и будущего развития современного человечества является адекватное понимание происходящих процессов. Это означает, что речь идет именно о диалектическом мышлении, об уровне разумного отношения к миру и принятия разумных решений»³².

2.13. Война с фашизмом

Г.В. Лобастов

«Зри в корень», – говорил Козьма Прутков. Народ, даже не всматриваясь в корни, но чувствуя в мире некое зло, не размышляя, кричал: «Вырвать с корнем». И рвал. И в стихийной, и в организованной форме. Но потом обнаруживалось, что в руках только сорванные цветочки, а пресловутые корешки – где они? Ботва обрывалась, корни оставались в земле. Земля их питала. Эти сюжеты дети усваивают еще в сказках.

Но в цветочках, как известно, завязывается начало новой жизни. Ветер разносит семена, и они попадают в питательную почву действительной жизни. Они привлекают запахами и красками. Как реклама. А до корней одурманенному до корней в любом деле дела нет. Но, конечно, если их, эти цветочки, систематически и вовремя обрывать, то жизнь растения можно и окультурить, – этакая метода запретно-воспитательного действия. А не доглядишь – и беды натворить не сложно. Тут глаз да глаз нужен.

Миром правит интерес, как давно известно. Потому не только войны, где рубят головы, но и революции преследуют разные интересы, которые ой как далеко бывают от интересов многих и

³² Возняк В.С., Гусева Н.В. Диалектика духовной реальности. Философско-методологические исследования и воспоминания как точки духовных перспектив. – Усть-Каменогорск, 2016 – 373 с. – С.313.

многих. А многие-то – это целые поля и плантации разноликих растений. Цветут всеми цветами радуги. Благоухают и плодоносят. Дают и хлеб, и радость. А сорняки, понаблюдайте, растут удивительно быстро и с растительным презрением возвышаются над любыми культурами. И цветочки их заслоняя от света, и от корней их отсасывая влагу.

Нехорошо устроен мир. Помечтать о рае становится отдушиной.

Мировые побоища как будто пропалывают поля человеческой жизни. Вторая мировая война вон сколько голов погубила, десятки миллионов, а какие смыслы таились в ней? То, что мы видим в качестве ее результатов, таилось в ее основаниях? Кажется, всем ясно, что тут прорвались интересы крупных собственников, мировой буржуазии, они облеклись в особое умонастроение, захватившее и тех, кто к этим интересам отношения не имел. А ведь мир был предупрежден. Ветер погнал пыльцу в одну сторону. И окультуренные поля Европы тем же ветром выстроились на Восток. Идея, удерживающая в себе безумие, легко ложится в сознание наивной головы.

Не «зрели» люди в «корень». Может поэтому история давно стала окультуривать и разнообразить «усечение голов», пытаясь ввести прорастающие цветочки в ту или другую идею. В зависимости от того, какой интерес эта идея выражает и защищает. Танки убивают не идею, и даже, к сожалению, не только фашистов, но и тех, кто рекрутирован на войну и тех, кого опылили ветры с сорняков. «Катюши» землю очистили, почву бытия без фашизма будто бы восстановили. А в почве той корни остались. Вырвать их даже «катюшам» не под силу.

И вирус фашизма стал, как Чеширский Кот, возникать то там, то там. Появилось сознание необходимости всеобщей борьбы с ним. И где прорастает, там рвут цветочки.

Но сознание, увы, управляется интересами, и коммунизм оказался страшнее для господствующих в мире сил. Как раз тех сил, которые под барабанный гром свободы и демократии, гуманизма и всеобщего благоденствия, махрово распускают свои ядовитые цветы, питаемые трудом человека.

Да, никакими сражениями на полях войны фашизм победить нельзя. Мыслящую голову можно гильотинировать, но идея остается. Ибо она порождается не головой, головой она только отражается. И надо не иметь головы, чтобы не понимать, откуда вырастает идея фашизма. Ведь и идея коммунизма не сознанием порождена, сознанием она только вывернута из действительности. Идее можно противопоставить только идею, говорил Маркс.

И тут надо, прежде чем «свободно» лететь по ветру, тут надо думать, на какую войну идти и стоит ли туда вообще ходить. Чьим солдатом быть, какой идее служить. И чему объявлять свою войну. Александр Македонский никогда бы до Персии не дошел, не плати он деньги своему войску, не позволяй насиловать и грабить города. А снять с себя нравственную ответственность – это Гитлер берет на себя. Сегодня в армию пришли попы, чтобы часть библейского греха, связанного с убиением, взвалить на Бога. Тем самым примирив с собой и Богом совесть неуклюжего умом солдатика. Это проще, чем дать политическое воспитание, которое, *именно как политическое*, никак не может обойти страшное классовое расслоение, прикрытое фиговым листком демократии. Из-под которого и лезут миазмы различных идеек.

Говорят, воспитательный элемент ушел из школы. На самом деле (объективно, вне сознания) он из образовательной системы никогда и никуда не уходил: в жизни школы живут те же принципы, что и за ее оградой. Различные вирусы вокруг кишмя кишат. В нынешнее время, если жизненные принципы, господствующие на улице, школой хорошо усваиваются, то к ограде ставят полицейских. Желая как будто то ли детей защитить от улицы, то ли жизнь от этих детей. Но микробы различных видов повсеместны. Масок-намордников и бронежилетов не хватит, чтобы защитить от вируса, поедающего нравственность.

Случаи суицида, правда, намекают на нравственные проблемы. И топор – то ли в функции палача, то ли как орудие безумства – тоже в делах школы встречается, и «государственная мудрость полиции» тут в принципе ничего поделывать никогда не сможет. Как танки на полях Отечественной войны победить фашизм. Бытие, толкуют философы, определяет сознание, и никакая идея, не соответствующая этому бытию, прижиться в школе не может.

Потому и подумать еще надо, насколько топор в школе не соответствует принципам бытия за школой. Идеи неким образом этим бытием порождены и бродят по миру, как некогда «призрак коммунизма» по Европе. Ведь без всякой же «пионерской» подготовки дети «унюхивают» идеи фашизма и массу прочих идеек. Идею коммунизма «унюхать» сложнее: она не строится на простеньких абстрактно-отвлеченных умозаключениях, и коммунистическая форма бытия ох как далека еще от действительности. Ее призрак давно окрестили в утопию. А денежный чистоган – вот он, прямо тут. Это настолько упрямая реальность, что все прочее легко покажется симулякром. Идею коммунизма освоить и усвоить не смогли даже те, кто клялся в

верности ей и ум которых был занесен в статусную номенклатуру ученых. Но ученые слишком близки были к тем сорнякам на запущенных полях человеческой жизни.

И не будь в человеческой исторической культуре института церкви, сами детишки не попадали бы в религию. От имени которой «заботливые» люди начинают «спасать от греха» еще непорочные души младенцев. Без них и не ведал бы ребенок никакого бога. И если бы чистая душа ребенка могла впитать в себя *идею всех идей* - идею ума как способность выстраивать любую идею согласно всеобщим определениям исторического мышления, то свобода его мышления определила бы ему его собственную позицию в мире. И способность эту позицию защищать и воевать за нее. Для умного ума не может быть разночтений в идеалах развития человечества. А чистая душа с младенчества готова впитывать через бабушкино сознание представление о боге, через дедушку – о фашизме, а через президента – о патриотизме.

В «болоте действительности», есть и то, и другое, и третье. Может, скажете, школа успешно с этим воюет? Тамошнее безумие незаметно для себя ампутирует стихийно прорастающий ум детишек. Ретивые кавалеристы, с ракетами наголо, не умея сладить с идеей умом, отрубают ее вместе с головой. Чем и показывают, что можно подменять не только понятия, чего не допускает даже банальная логика, а и реалии самой жизни. Палата номер шесть Чехова – хороший образ для пытающегося понять человеческий мир человека. А бесы Достоевского, которых теперь любят отождествлять только с большевиками, в любом своем идейном содержании давно расселились по всему миру и по разным головам. Идея фашизма примитивна и весьма прозрачна. Расизм, национализм, ультрапатриотизм, огнемет и газовые камеры. И мировые проблемы решены. С голодом, с холодом, с народонаселением. Да мало ли еще какие проблемы, которые путаются под ногами!

Со времен Маркса как будто очевидно, что, чтобы что-либо воспитать, необходимо изменять бытие. А чтобы с этим бытием сладить, надо, дураку понятно, понимать его в его собственных формах и содержательных возможностях. Ох как нужна тут человеческая история с ее умом, хотя и далеко не всегда разумным! Ох как нужен ум, чтобы в ее безумии откопать разум! Тот самый разум, который, по словам Маркса, далеко не всегда существует в разумной форме.

И как тут быть – гения искать или на господа бога положиться, чтобы они откровениями своими осенили многоцветие наших непокрытых голов! В тех формах организации общественной жизни,

где нет добра, добро не воспитаешь, где нет красоты, не сформируешь эстетический вкус, где нет ума, умным не станешь. А где есть «всеобщая проституция» (*К.Маркс*), не торгануть совестью, даже не обязательно за бешеные деньги, – ну кто устоит! Попробуйте совместить деньги и нравственность! Даже наука, ищущая истину, на деньги покупается.

Война, действительно, стала настолько привычным делом, что для любого обывателя все ясно – бей в морду и вырывай все с корнем. Тут чертополох растет, вырывать не успеваешь, министров и губернаторов хоть меняй, хоть не меняй, а тут лезут с какими-то фундаментальными исследованиями. И кому этот «Капитал» да пятьдесят пять томов Ленина нужны! И так ясно, кто виноват!

Так в истории и живет разум в неразумной форме.

Исторический субъект не исходит из фундаментальных идей своего бытия, он всегда соизмеряет свои задачи со своими реальными возможностями, а вместе с этим и сама идейная основа жизни развивается вместе с реальным практическим действием. Потому ничего удивительного и нет в том, что война мыслится почти как естественная форма разрешения социально-политических проблем. Да ведь и по мысли Маркса это первая форма труда.

Тот факт, что даже писаная история заполняет себя историей войн, говорит, какое значение война имеет для исторического человечества. В войне проявляются все накопившиеся силы человека. Война – это всегда некий сдвиг, который, естественно, несет в себе разрушающий, но и одновременно творящий момент. Который заключен не только в том, что после войны на поля выходят трактора, сделанные на основе танков.

«Война забивает и надламывает одних, закаляет и просвещает других, – как и всякий кризис в жизни человека или в истории народов»¹.

Война, конечно, есть предельная форма человеческой жизни, но всякое движение предполагает предел, через который осуществляется смена реальных форм действительности. Эта смена и есть то, что называется *революцией*. Но революция как смена реальных форм бытия, меняющая *принцип* организации его, совсем не предполагает войну, где свистят падающие бомбы и истекают кровью в окопах. Но между ними есть глубокая внутренняя связь, которая внешним образом обнаруживается в самых различных формах.

В войне преобразуются не только реальные условия существования (расширение, например, пространства бытия, захват

¹ Ленин В.И. ПСС. – Т.30. – С. 68

материально-вещественной благ, установление господства, оборона, избавление от гнета и др.), но и сам человек. Она потрясает и преобразует души, уничтожает и уродует тела.

Но она мобилизует людей, интенсифицирует их труд, предельно вынуждает развивать средства нападения и защиты, средства разрушения и сохранения и т.д., т.е. работает на технический прогресс. Она выявляет нравственные и умственные пределы человечества. Раздвигает горизонты его возможностей и, сколь бы странным это ни казалось, развивает и распространяет культуру.

Человек здесь являет себя самому себе, это его историческое зеркало.

Попытки раскрасить историю, скажем, в религиозный цвет – это, конечно, попытки вывести человека за пределы земных обстоятельств, выровнять его перед неким абсолютным содержанием, перед богом, открыть ему другой мир, – чтобы отвернулись глаза от человеческих раздоров. Религиозное чувство и религиозная жизнь уводят человека от проблем этого мира – и это одна из попыток сознания встать над классами.

Но жизнь в религии, однако, все равно остается земной жизнью, религиозной жизнью на земле. И потому в силу своих иллюзий исторически религия, сознательно или бессознательно, всегда оказывалась в руках господствующих классовых сил. И религиозные представления ничуть не выше представлений известного феномена детского эгоцентризма, только злее, и борьба между ними далеко не всегда есть борьба представлений, – это настоящие войны, имеющие откровенно религиозный характер. «Уже полтора столетия Германия – это бойня, с цитатами из Библии на устах люди там рубят друг друга на части»².

Разрешая «великие» противоречия бытия, история преобразует человека. Это – в историческом масштабе. В психологическом это оборачивается потрясениями, которые, кругами расходясь, медленно оседают в оторопь. Индивидуальная судьба перестраивается и выстраивается теми историческими событиями, в которые индивид по необходимости втягивается. Солдаты, вернувшиеся с фронта Второй мировой войны, были уже другими людьми. И образы художественной литературы, где истина схватывается чувствами,

² Брехт Бертольд. Жизнь Галилея // Брехт Бертольд. Избранное: Пьесы. Рассказы. – М.: Правда, 1990. – С. 301.

воссоздают нам не только картину этих страшных событий, где сталкиваются в душе человека нравственные чувства и бесчеловечная необходимость убийства, но и саму нашу чувственность погружают в эти противоречия.

Нравственное самосознание человека, коснувшись пределов жизни, пройдя по грани жизни и смерти, выводит себя в другие измерения бытия. Обособленная уютная тихая жизнь индивида внутри обыденности в войну определяется категориями исторического содержания, связью индивидуального со всеобщим. И если рассудок еще продолжает видеть ее, эту связь единичного и всеобщего, как насильственную или иллюзорно-обманчивую, то чувство, искушенное и глубоко спрятанное, *меняет человеческую позицию*. И, разумеется, здесь никогда нельзя однозначно сказать, какова будет эта послевоенная нравственная позиция, и каким умом она станет исполнена, но что она предстанет как *преображенная*, - это точно.

Вот что фиксирует ум писателя: «Великое заблуждение думать, что такие явления, как война, могут быть уничтожены механическим, так сказать, путем. Как бы гениально ни было изобретение средства разрушения, в противовес ему всегда будут придуманы не менее гениальные средства самозащиты и самосохранения. Природа слишком сложна и богата, гений человеческий слишком гибок и разносторонен, чтобы средства борьбы и защиты держать всегда в равновесии»³.

«Нет, не механическим путем, - продолжает свою мысль А.Серафимович, - будут уничтожены войны. Только рост сознания в народных массах положит им предел. Открытие одной школы, выпуск хорошей книжки, организация библиотеки, всякого просветительского учреждения - в тысячу крат ценнее в смысле приближения к уничтожению войн, чем самое гениальное изобретение наиболее разрушительного средства борьбы, которое в силу самой огромности производимых им разрушений, якобы ведет к уничтожению этой борьбы»⁴.

Давно это сказано, почти сто лет назад, но войны длятся уже тысячелетия, с начала возникновения человечества. И давно ясно, что взаимозапугиванием ни войны не остановить, ни войной проблем, возникающих в общественно-практической жизни, не

³ Серафимович А.С. Собрание сочинений в четырех томах. - Т. 4. - М., «Правда», 1987. - С. 317.

⁴ Там же. С. 318.

разрешить. Не уничтожить войну и сокращениями вооружений. Прятать ножи и вилки – не способ воспитания ребенка, из ситуации «воинствующего» эгоцентризма этим его не выведешь. Этим вы закроете сиюминутную проблему, но суть дела этим не меняется, проблема отодвигается: мама в случае с ребенком спокойно вздохнет, общественное сознание с отведением угрозы войны испытает такое же облегчение. И борьба переходит в другую форму. Ибо корни ее никуда не исчезли.

Германский фашизм прочно завязывал себя на мистике, хорошо понимая, что «общественное слабоумие» легко проглотит полуживотный характер нацистских представлений, и человек, освобожденный от совести фюрером, будет податливо делать все, что укажут.

И современный подвижный ум молодого поколения, легко обходя фундаментальные проблемы исторического человечества, не ломая головы над их осмыслением в мыслящей культуре, *делает то*, в рамки чего эта самая история его сегодня ставит. Но поставить можно по-разному, иногда бывает обидно и больно. Так, что приходится задуматься о свободе. А тут – даже «образованщина» понять не помогает. И что выражает собой фашизм – такой ум тоже понять не в силах. Потому в обыденном сознании немец отождествляется с фашистом, а в сознании полуученом – коммунизм с фашизмом.

А пока бытие далеко от ума, и оно активно втягивает в себя безумие.

Война – это продолжение политики в вооруженной форме. Эта форма политической деятельности никогда не исключает себя из арсенала средств сохранения классовых интересов. Либеральное сознание воюет против войны и тем подкупает сознание обыденное, оставляя его в мелкобуржуазных представлениях. Которые легко наполняются расизмом, национализмом, шовинизмом, религией и мистикой и прочим безумием. Потому это сознание и не замечает своей парадоксальности, когда творит зло. И миллионы немецких рабочих с великим воодушевлением начинают поддерживать нацизм, массы американских обывателей жаждут напалмовых войн во Вьетнаме, миллионы кричат о патриотизме в России.

2.14. Трансгуманизм как цивилизационный вызов

В.В. Лимонченко

После А. Тойнби понятие вызова имеет выражено негативистскую коннотацию, обозначая проблемные ситуации, угрожающие самому существованию цивилизации, и, тем не менее, именно вызов определяет развитие – вызов стимулирует поиски выхода на новый уровень. Поэтому понятие вызова амбивалентно – это та постановка вопроса, которая задает пространство поисков ответа и в силу этого неприемлемые смысловые моменты приобретают характер диагностирующих маркеров.

Теоретико-академическое рассмотрение любой проблемы подразумевает очищение от оценки и эмоциональных сопутствующих элементов, которые несомненно присутствуют, но как первично-побуждающие к мысли и сознательно блокируемые. Тем не менее оценочно-эмоциональный компонент прочно срастается с содержательно-смысловым, так в паре понятий прогресс-регресс первое нагружено позитивным смыслом, второе явно обозначает нежелательное явление, при том, что существует серьезная традиция критического рассмотрения прогресса как безусловно приемлемого и неодолимо действующего вектора движения. Подобный подход характерен для целого спектра смыслов: новое-старое, революционный-консервативный, передовой-отстающий, но и в ситуации отсутствия прямого противопоставления возникает привходящий эмоциональный компонент суждения. Использованное для формулировки темы прилагательное «цивилизационный» указывает, что в центре внимания не понятие цивилизации, тем не менее поставленный в центр феномен трансгуманизма значим лишь в той мере, в какой он выступает как следствие и спецификация цивилизации, к чему кратко и следует обратиться

Нюансированное различение понятий – обязательный элемент философского дискурса, что имеет остро практическое значение – выявить различные измерения действительного мира, реальности которого выскальзывают из абстрактно-однозначных понятий. Именно такой нюансированностью обладает пара понятий «культура-цивилизация», достаточно часто употребляемых синонимично, но несущих в себе возможность схватывания изменяющейся самодвижной реальности.

Различение культуры и цивилизации было запущено О. Шпенглером¹, рассматривающего цивилизацию как стадию развития, свидетельствующую о закате. Скандальная сенсационность была

¹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. – М: Мысль, 1993. – 663с.

вызвана обоснованием тезиса: современная Европа вошла в заключительную стадию цивилизации – и при этом наиболее шокирует утверждение, что то, что воспринимается как высочайшее достижение европейского развития – состояние цивилизованности – и является свидетельством заката. Хотя академически ориентированные интеллектуалы восприняли книгу негативно, выстроена она достаточно строго: четко обозначены исходные принципы – и общая направленность, и метод исследования указаны и обоснованы, приведен значительный эмпирический материал, расположенный в соответствии с обозначенными исходными принципами. И тем не менее, следует отметить, что при этом не всегда замечается основание различия, позволяющее увидеть культуру и цивилизацию некоторыми этапами-моментами самодвижущейся реальности.

Итак, различие самодвижущегося предмета мысли, что со времен древних греков стало делом диалектики, предполагает наличие единого смыслового поля, что в случае различия культуры и цивилизации связано с особенностями человеческого бытия, которое возделывается свободным волевым усилием, т.е. *культивируется* и создает возможность сохранить вновь сотворенное, тем самым утверждая родовые начала, конституирующие пространство общности как *цивилизации*. Исходное основание различия – ситуация человека, т.е. не просто человек в его индивидуальной приватной специфичности, но развернутое окрест предметно деятельное бытие, осмысленное в той мере, какой утверждает творящую силу человека, что связано не с организмически-природными, но историческими особенностями человека.

Характер соотношения нюансирует проработанное Г. Флоровским понятие эпигенеза, фиксирующее специфику личностного становления в отличие от развития организма: биологическое развитие предполагает осуществление некоторой заданной структуры, предсуществующей врожденной формы, личностное развитие преодолевает наличную заданность и осуществляет «подлинное новообразование, возникновение существенно нового, при-рост бытия»², в силу чего прерывается сила действия причин, удерживающих нечто в своей сохранности и вновь созданное предстает ничем не удерживаемым – для него нет причин, но оно тем не менее существует, *хотя существование его хрупко и не гарантировано*. Флоровский говорит о нахождении созданного на границе двух энтелехий – целесообразности природы (прирожденности

² Флоровский Г. Эволюция и эпигенез (к проблематике истории) // Флоровский Г. Вера и разум. – СПб. : Издательство РХГИ, 2002. – С. 424–440. – С. 434.

имманентной формы) и целесообразности личности (прорыва к трансцендентной форме): «Человек сотворен амфибией, жителем двух миров, более того – связью между мирами, ‘строителем мостов’. Правильно разгадал и выразил это Платон. Тем не менее к двум мирам человек принадлежит различным образом: в одном он родился, в другой призван, там он должен родиться снова»³. Прорыв к миру действительных форм как историко-антропологическое творчество, связующее эти миры, не гарантирован, но крайне желательно для человека обеспечить обязательность этого процесса. В этом пункте возникает напряжение, вариант разрешения которого рождает вектор трансгуманизма.

Бердяев эксплицировал характер новоевропейской мысли: научная углубленность и утонченность мысли, высшие подьемы художественного творчества, созерцание святых и гениев в секулярном мире не ощущаются как подлинная, реальная жизнь и предполагает возвращение к самой жизни, к могуществу ее и наслаждению, что изменяет смысловые измерения творчества, и, обретая жизненную значительность, культура модифицируется в цивилизацию, эмпирическая хрупкость устраняется – цивилизация стабилизирует, консервирует новообразования бытия⁴. В этом привлекательность цивилизационной упорядоченности, поддерживающей и утверждающей гарантированное сохранение – в то время, как смысловое измерение культуры, доминанта чего – преобразование самого человека, выскальзывает из технико-методических уловок.

В этом русле гарантированной действенности находится научное знание, блокирующее прихотливое и исчезающее личностное умение, не имеющее гарантий передачи и сохранения. Как гарантия преобразенного человека и оформляется установка трансгуманизма – само слово первый раз встречается у Данте, приоткрывая христианские истоки, в дальнейшем прочно забытые и воскрешено слово в биологосциентистском контексте у Джулиана Хаксли: если христианский контекст предполагает личностное усилие преобразования – напомним *негарантированное и прихотливо-исчезающее*, то помещение в контекст науки перекладывает заботу личности на генную инженерию, молекулярные нанотехнологии, создание нейропротезов и прямых сопряжени «компьютер-мозг». Таким образом, удерживаемая волевым усилием деятельности установка на расширение человеческих возможностей заменяется достижениями науки и техники, технологическим изменением человечества.

³ Там же. С. 437.

⁴ Бердяев Н.А. Смысл истории. – М. : Мысль, 1990. – 175 с. – С. 167-170.

Итак, доминантная для трансгуманизма цель расширения возможностей человека не является изобретением трансгуманистов: заостренное внимание на преодолении страдания и смерти четко проговорены в буддизме и христианстве. Не нова и идея технологического расширения возможностей человека – самое простое каменное рубило уже предстает усилением физических сил человека, предметное тело культуры, достаточно точно именуемое «неорганическим телом» человека, оберегает человека от множества неблагоприятных ситуаций. Тогда в чем же радикальная новизна трансгуманизма, если вообще можно говорить об этом? Вполне возможен вариант игнорирования футуристических сценариев перевода человеческого сознания на иные формы материальных носителей и создания киборга как очередную утопическую приманку, однако при всей своей утопичной необоснованности фантазийные проекты влияют на реальный ход вещей и это побуждает обращаться к рассмотрению таких сценариев.

В центр попадает понятие жизни. Победа над смертью, так тревожащая трансгуманистов, имеет смысл утверждения жизни, но что такое жизнь как предмет преобразования и усовершенствования? Первое, что следует отметить в трансгуманистическом варианте преобразования умственных и физических возможностей человека с целью совершенствования человеческой жизни – это непродуманность понимания человеческой жизни, которое включено в чисто сциентистски биологизированный контекст. Смысловые коннотации, связанные со словом «жизнь» далеко не однозначны. Отмечая проблематичность биологического понимания жизни, биологи признают приемлемым определение NASA, выработанное в 1994 году с целью опознания феноменов жизни во Вселенной, по которому жизнь – «самоподдерживающаяся химическая система, способная к дарвиновской эволюции»⁵. При этом показательны два момента: хотя предполагается возможность жизни, превышающей дарвинистские принципы (*supra-Darwinian life*), – более того, отмечается, что в истории жизни человечества значим такой способ передачи подходящих для выживания качеств, который связан не с генетической наследственностью, а с образованием⁶, тем не менее главное внимание уделяется рассмотрению связи между структурой и поведением, что позволяет исследовать жизнь экспериментально, при этом признается, что когда реальность слишком сложна для «удовлетворения наших

⁵ Benner S.A. Darwinian life // *Astrobiology*. – 2010. – Dec;10(10): – 1021–1030. – <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3005285/>; Joyce G.F., Deamer D.W. & Fleischaker, G. *Origins of Life: The Central Concepts*. – Boston: Jones and Bartlett, 1994. – 431 p.

⁶ Benner. *Defining life*.

конструктивных потребностей»⁷, «мы игнорируем ее и продолжаем придерживаться более простого, хотя и ошибочно, взгляда»⁸. Акцент в трансгуманистических проектах делается на структуре, именно новое устройство имеется в виду, когда прогнозируется появление нового (или иного) человека – Мутант, Киборг, Клон представляют собой результат работы над чувственно-телесным устройством организма, деятельно-волевое освоение которого оставлено без внимания

Для философского дискурса существенно признание по крайней мере двух планов – жизни как некоторого *состояния единичного образования (организма)*, реализующего и сохраняющего себя путем обмена своих составляющих и веществ окружающего мира (метаболизм), и *временной событийности*, не совпадающей с самими процессами метаболизма, что наиболее выразительно представлено в жизни человека, правда, порой такая временная протяженность событий считается характерной для живого вообще: жизнь – это «1. Состояние животных от зарождения до смерти, а растений до увядания; бытие. 2. Время от начала рождения до смерти; век. 3. Образ жития в отношении к нравам и поведению. 4. Быт, состояние. 5. Стар. Имение, имущество»⁹. Хотя возможная синонимичность слов «жизнь» и «живот» акцентирует связь с телесным организмом, жизнь человека происходит не внутри организма, но во внешней событийности, следовательно «устройство» организма утрачивает доминирование.

Сразу следует отметить, что внешняя событийность как аспект человеческой жизни не учитывается проектами трансгуманизма – в центре внимания организм, несовершенства которого и преодолеваются, и заметим, в этом пункте нет ничего радикально нового. Более того, такой исследователь трансгуманизма как Стив Фуллер говорит о трансгуманизме как инерции модерна, называя его ультрамодернистским и ультрагуманистическим¹⁰, поскольку он сосредоточен на отличительных признаках человека, доведенных до предела – поэтому в центр и попадают проблемы искусственной разумности и сохранения индивидуального сознания путем переноса на различные носители. Фуллер называет проект трансгуманизма видоцентричным (*speciesist*), в чем легко прочитывается антропоцентризм, привычно уличаемый в воле к власти.

Одна из линий неприятия трансгуманизма движется в русле критики гуманизма, при этом Холокост и ГУЛАГ рассматриваются как

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии наук. Санкт-Петербург: Тип. Императ. Акад. Наук, 1847. С.410-411. – URL: http://old.kpfu.ru/f10/klf/russlovar18-19/sl_1847/dict_db/pdf/1847_1_410.pdf#page=2

¹⁰ От социальной эпистемологии к Humanity 2.0. Интервью со Стивом Фуллером // Логос. – 2018. – Т.28. – №5. – С. 1-30. – С.14.

крайние точки гуманистического манифеста, что привело к возникновению антигуманистических концепций¹¹ и коррекции трансгуманизма в виде постгуманизма, который, как предполагается, устраняет главную максиму гуманизма о человеке как наивысшей ценности – человек в постгуманизме перестает быть «мерой всех вещей», он номадичен и представляет собой сборку человеческого, животного, дигитального, химерического¹². Слово «сборка» не имеет терминологически-понятийного значения, но показателен инженерно-технический контекст.

Как отмечает Фуллер, постгуманист не переоценивает какие-то человеческие качества, что раньше приводило к дестабилизации планеты, но, старается сохранять некоторый баланс между разными сущностями, что предстает как экология – дисциплина, сосредоточенная на Земле. Это дисциплина с «длительным временным горизонтом, что само по себе будет снижать значение человеческих существ»¹³. В этом же русле движется Латур, на что указывает название его книги «Лицом к Гее», и разрабатывает идеи установления нового геохронологического периода: если ранее шла речь об организмах, живущих в окружающей среде, то теперь в центр попадает вопрос об организмах, делающих эту среду. Но именование такой новой эры вносит некоторое замешательство – корневым для имени остается человек: антропоцен. Т.е. название составлено из двух слов: *ἄνθρωπος* – человек и *καινός* – новый. Антропоцен приходит на смену голоцену, в имени которого уже присутствуют смыслы новизны всего: *ὅλος* – целый, весь и *καινός* – новый. Но значение новой жизни присутствует уже в именовании «кайнозой» – эра геологической истории, которая считается текущей и в которую включены голоцен и еще пока не совсем официально признанный антропоцен. Конечно, можно поиронизировать над бедной фантазией ученых, создающих хронологические таблицы по принципу «новый, еще новее, еще более новый», но понятно, что дело не в названии – обратить внимание стоит на указанную точку *прерыва*: постгуманизм соотнесен с антропоценом, но если постгуманизм видится установкой, снижающей значение человеческих существ, то антропоцен фиксирует прямо противоположное и утверждает радикальную ответственность человека вследствие того, что он оказывает решающее влияние на земной мир. И если постгуманисты «отходят от главенствующей роли Антропоса (так постгуманисты называют человека в его классическом

¹¹ Braidotti R. The Posthuman. – Cambridge, UK: Polity Press, 2013. – 180 p. – P. 16.

¹² Криман А.И. Идея постчеловека: сравнительный анализ трансгуманизма и постгуманизма. Философские науки. – 2019. – 62(4). – С. 132-147. – С.132.

¹³ От социальной эпистемологии к Humanity 2.0. С. 15.

понимании)», вследствие чего «не-человеческое (животные, машины, растения) обретают агентность и субъектность»¹⁴, то как это соотносится с антропоцентром как осознанием своей ответственности за гармонию в природе? Чья активность будет способствовать возникновению ожидаемой «вневидовой этики, распространяющейся, помимо людей, и на другие виды живых существ»? Если постгуманизм выступает «за невмешательство в природные процессы и сотрудничество с другими видами-компаньонами живой и неживой природы», если постгуманизм «не выделяет принципиальных различий между человеком и природой, признавая наличие специфического разума у человека», то что означает такое невмешательство как наличие специфического разума у человека?

Возможен предположительный вариант передачи функций организации мирового порядка созданным человеком новым существам, называть которые можно как угодно – и для этого фантазийного проекта можно найти логически выверенные обоснования: осознавший свое несовершенство человек с целью устранения зла, принесенного им вследствие этого несовершенства, передает роль разумного деятеля созданным им существам, чтобы сохранить гармоническое равновесие в обитаемом мире. Если даже пренебречь продумыванием возможностей научно-технического обеспечения такого проекта и допустить реальность такого решения проблемы мирового зла, который, впрочем, давно известен в виде гильотины как радикального средства от головной боли, остаются вопросы, которые можно назвать мировоззренческими, связанные с мотивационной и целевой составляющими деятельности этого нового существа.

И в этом вопросе различие трансгуманизма и постгуманизма, проводимое с целью устранения явных промахов трансгуманистического проекта, не столь существенно – утверждая снижение значения человеческих существ, постгуманизм предполагает распространение этики, названной вневидовой, на иные формы жизни, но откуда возьмутся принципы этой этики? Ведь речь идет о том, что уважительное внимание к достоинству, ранее принимаемое по отношению к человеку, теперь предполагается по отношению ко всему существующему, и практикует такое действие *именно человек*, требование к одноклеточным и хищникам поступать по принципам вневидовой этики явно абсурдно и их поведение будет соответствовать их видовой «этике». Но если действие новых принципов отношений исходит от человека и направлено к человеку,

¹⁴ Криман А.И. Идея постчеловека: сравнительный анализ трансгуманизма и постгуманизма // Философские науки. – 2019. – 62(4). – С. 132-147. – Р. 140.

то он и остается исходным агентом и субъектом. Итак, устранить действие человека возможно лишь принятием этоса поведения иных, не характерных для человека организационных принципов: либо дочеловеческих – зверинных, либо сверхчеловеческих – божественных. Фуллер предполагает возможность нормирования человеческого мира, исходя из принципов «поведения» машины, но при этом субъектом выступает опять же человек, создающий эти машины. Выйти их хождения по этому кругу возможно не вводя новые, неведомо откуда берущиеся принципы, а через осмысление специфики человеческой жизни. Предполагаемый выход как действие «машин», самостоятельно создающих и организовывающих мир без участия человека находится в границах фантазийных проектов, какие бы успехи не демонстрировали информационные науки и технологии.

Возможно утверждать, что радикальная новизна трансгуманизма в том, чтобы лишить отличительную форму свободного волевого освоения, предоставив не поведенческо-деятельный, но инструментально-материальный способ освоения, аналогичный включению компьютера. Фуллер отмечает, что стратегия трансгрессии как постоянного выхода за наличное состояние, материализуется в трансгуманизме¹⁵, что и дает ему основания говорить о редукции, урезании человека. Духовная трансцендентность, устранение которой он замечает, – синоним способности свободного самоопределения, о котором ведет речь С. Редль, различая формы жизни по наличию или отсутствию самопознания: в силу этого знание не просто составная часть жизни, а «человеческая жизнь – это знание о себе»¹⁶, что делает становлением человека образование, т.е. это принципиально не инженерно-техническая задача, а задача способа мышления как антропологической особенности.

Возвращаясь к форме прилагательного «цивилизационный вызов» - т.е. не вызов, наличный внутри пространства цивилизации и безразличный к существенным измерениям цивилизации, но связанный именно с тем, что составляет специфику цивилизационного развития. Уже шла речь о прочно приросшем к феномену новизны позитивной эмоциональности, однако даже очень желательное и страстно ожидаемое новое таит в себе неожиданности, которые могут быть далеко не способствующими проектируемыми целям. Смысловая существенность цивилизационного развития акцентуирует цель *гарантированного сохранения* не просто условий для универсализации

¹⁵ От социальной эпистемологии к Humanity 2.0. С. 9.

¹⁶ Rödl S. Teaching, Freedom and the Human Individual // Journal of Philosophy of Education. – 2020. – Vol. 54. No. 2. – P. 290-304. – P. 296.

и расширения возможностей человека, но вводит эту задачу в форму технологии.

Указанная ранее новизна трансгуманизма в форме устранения свободного волевого освоения, когда наличен не поведенческо-деятельный, но инструментально-материальный способ усовершенствования, находится в русле сциентистски ориентированного мышления, рассмотрение же в философско-антропологическом дискурсе выявляет прикровенную опасность: опасны не сами технологические стратегии, а явно обозначившаяся, упорная *игра Человека на понижение* (самого себя)» (Хоружий). В этом варианте трансгуманизм имеет вид конгломерата идей, звучащих заманчиво и обольстительно: «человечество, эволюционируя, достигло стадии, когда оно в состоянии “постичь свой интеллект, получить доступ к собственному ‘исходному коду’ и при желании изменить или расширить его”. Человечество способно преодолеть свои биологические границы. <...> “Нанотехнология, оперируя на стыке информационного и физического миров, в состоянии дать нам инструментарий, с помощью которого можно перестраивать физический мир, в том числе наше тело и мозг”» (изложение идей Реймонда Курцвейла Биргитой Менцель¹⁷. Общим для всех этих концепций есть дух элитарного мессианства, однозначного разделения человечества на высшую касту осведомлённых («программистов», создающих новую «матрицу») и массу эмпирического сырья, облагодетельствованной новыми технологиями и предстающей «юзером» – подобное соотношение сил может быть обозначено как ситуация Великого Инквизитора, концептуальная суть которой показана Ф. М. Достоевским.

Итак, проблематика трансгуманизма захватывает и обольщает возможностью исполнения заветной мечты – гарантированного преобразования – и может рассматриваться в соотношении с традиционными параметрами гуманизма: когда преобразовательная активность захватывает не только мир как пространство творческого присвоения, но распространяется на самого себя и решается задача преодоления несовершенства органически-телесного устройства человека. Именно в этой версии трансгуманизм обрёл многочисленных сторонников, организовавшихся в различные полугосударственные и неправительственные структуры научно-исследовательского, политического и полубезумного политикански-сциентистского характера: в определённой мере ЮНЕСКО (Джулиан Хаксли, который вводит термин в интеллектуальный оборот XX века был первым

¹⁷ Предоставить право на жизнь и мертвым. Филолог Биргит Менцель о русских космистах и идеях футурологов Курцвейла и Капра. – URL: <https://lenta.ru/articles/2015/08/09/cosmis m/>

генеральным директором ЮНЕСКО), «Всемирная ассоциация трансгуманистов», калифорнийский «Университет Сингулярности», «Российское трансгуманистическое движение», «Россия – 2045», «Партия продления жизни» и пр..

Трансгуманизм в качестве исходного утверждения содержит тезис принципиального несовершенства человека, в дальнейшем преодолеваемое. Опять же в этом нельзя не увидеть псевдоморфоз христианской идеи греховности человека и волевого усилия по преодолению такого состояния. Но отличие явственно и первый вариант осмысления его можно увидеть уже в библейской истории грехопадения – задачу стать как боги – т.е. принять на себя функцию Творца – человек решает не своими силами, а посредством чудодейственного яблока: съеденное яблоко исключает иной вариант и человеку гарантировано становление «как Боги». Говоря на «фене» современного технократизма, «яблоко преображения» вмонтируется как чип, чем обеспечивается возникновение Постчеловека в виде различных уровней. Используя вариант классификации, приведённый С.С. Хоружим¹⁸, это – *Киборг* (гибрид человека и машины), *Мутант* (генно модифицированное, отличное от человека живое существо), *Клон* (искусственная копия на основании либо биологическом, либо ином, например, кремниевом, что иммитирует бессмертие). Ещё один вариант «бессмертия» – это загрузка сознания в память компьютера: если бы наш мозг состоял из чипов, а не биологических молекул, то это и означало, что мы получили бессмертие. И тогда наше биологическое тело нам стало бы тяжким бременем. Оно мерзнет, страдает от жары, нуждается в одежде и уходе, легко повреждается. Куда удобнее иметь стальные руки и ноги, обладающие огромной силой, нечувствительные к холоду и жаре, которым не нужны пища и кислород. И даже если они и сломались, то не жалко, – купим и вставим новые, еще лучше и современнее (А. Болонкин в пересказе В.А. Кутырева¹⁹).

Как можно увидеть, логика гарантированного усовершенствования блокирует личностную свободу: парадокс истории в том, что, гарантия стабильности и преемственности, сохраняет условия личностного развития, но уничтожает безусловность свободы. Можно полагаться на то, что всегда были наличны маргинальные футурологические тенденции мысли, однако указанная в начале особенность человеческого бытия – приведение к существованию того, что возделывается волевым усилием – таит опасность исполнения заветных фантазий, реализующихся в

¹⁸ Хоружий С.С. Проблема постчеловека, или трансформативная антропология глазами синергичной антропологии // *Философские науки*. – 2008. – С. 10-32.

¹⁹ Кутырев В.А. *Философия трансгуманизма*. – Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 85 с. – С. 6.

неожиданных формах, продумывание которых обязательно в неурезанно-целостной форме, предупреждающей редуцированное рассмотрение, что возвращает нас к задаче культивирования, взращивания такого мышления – движущегося через выявление предельных границ рассматриваемого предмета, т.е. такого мышления, которое реализуется как диалектическое.

Приходится признать, что критико-обличительный негативизм по отношению к диалектике, характерный для нашего времени, чаще всего порожден социально-политической конъюнктурой, которая подается как «новые исторические реалии» (крушение коммунизма), «новая мировоззренческая позиция» (исчезновение оснований для «коллективистского мышления»), «новые научные факты» (постклассическая наука). При этом возникает псевдоморфоз критического размышления – под видом критики устаревших форм мышления происходит воинственная апология наличного порядка, структур власти и частных интересов. Наиболее актуальна сегодня задача, которую можно парадоксально назвать консервативной – сохраняющей ради обновления мира, т.е. ради модернизации, классические формы без привносимых в них интерпретативных модернизаций, что выдвигает в центр классическую проблематику образования как становления человека, освобождающегося от специфических характеристик собственного устройства в направлении к действию по логике целого.

АВТОРЫ

Абдильдин Жабайхан Мубаракovich – доктор философских наук, академик, профессор Евразийского национального университета имени Л. Гумилева

г. Нур-Султан, Республика Казахстан

Возняк Владимир Степанович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии имени профессора В.Г. Скотного Дрогобычского государственного педагогического университета имени Ивана Франко

г. Дрогобыч, Украина

Жиренова Айгуль Толеухановна – магистр философии, докторант специальности «Философия» Восточно-Казахстанского университета имени С. Аманжолова

г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан

Захарова Наталия Евгеньевна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии НАН Беларуси

г. Минск, Республика Беларусь

Колдыбаев Сафар Абдугалиевич – доктор философских наук профессор, заведующий кафедрой философии Костанайского Государственного Университета им. А. Байтурсынова

г. Костанай, Республика Казахстан

Косиченко Анатолий Григорьевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

г. Алматы, Республика Казахстан

Лимонченко Вера Владимировна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии имени В.Г. Скотного Дрогобычского государственного педагогического университета имени Ивана Франко

г. Дрогобыч, Украина

Лобастов Геннадий Васильевич – доктор философских наук, профессор, председатель Российского философского общества «Диалектика и культура»

г. Москва, Российская Федерация

Лукашевич Владимир Константинович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Центра управления знаниями и компетенциями Института философии НАН Беларуси

г. Минск, Республика Беларусь

Максимович Валерий Александрович – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра историко-

философских и компаративных исследований Института философии
НАН Беларуси

г. Минск, Республика Беларусь

Мужчиль Марина Дмитриевна – кандидат философских наук, доцент
Восточно-Казахстанского университета имени С. Аманжолова

г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан

Некрасов Станислав Николаевич – доктор философских наук,
профессор, профессор Уральского федерального университета,
главный научный сотрудник Уральского государственного аграрного
университета, член Объединенного Ученого совета по гуманитарным
наукам Уральского отделения РАН, действительный член Российской
академии естествознания, член Академии военно-исторических наук

г. Екатеринбург, Российская Федерация

Никитина Юлия Федоровна – младший научный сотрудник Центра
управления знаниями и компетенциями Института философии НАН
Беларуси

г. Минск, Республика Беларусь

Павловская Ольга Александровна – ведущий научный сотрудник,
кандидат философских наук, ГНУ «Институт философии Национальной
академии наук Беларуси», доцент

г. Минск, Республика Беларусь

Петров Александр Павлович – индивидуальный исследователь.

г. Москва, Российская Федерация

Рякова Елена Геннадьевна – магистр гуманитарных наук, сениор-
лектор Восточно-Казахстанского университета имени С. Аманжолова.

г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан

Савчук Елена Викторовна – докторант специальности «Философия»
Восточно-Казахстанского университета имени С. Аманжолова, ученый
секретарь Восточного отделения Казахстанского философского
конгресса

г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан

Степаненко Наталья Ананьевна – научный сотрудник Института
философии Национальной Академии Наук Республики Беларусь

г. Минск, Беларусь

Суханов Валерий Николаевич – кандидат технических наук, ведущий
инженер НИУ «Московский институт электронной техники» НОЦ
«Зондовая микроскопия и нанотехнология»

г. Москва, Российская Федерация

Ширман Михаил Борисович – разработчик социопедагогического
проекта «Школа-Семья». Общественная организация «Планета Семья»

г. Москва, Российская Федерация

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
-------------------	---

Глава 1. ЧЕЛОВЕК КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ

1.1. Развитие человека и отчуждение <i>Абдильдин Ж.М.</i>	12
1.2. Развитие человека: актуальные и вневременные измерения <i>Косиченко А.Г.</i>	22
1.3. О сущности человека <i>Петров А.П.</i>	31
1.4. К вопросу об основаниях творчества <i>Возняк В.С.</i>	35
1.5. Творческий потенциал личности и коммуникативно-диалоговые стратегии в формировании и идентификации поэтических образов и картин <i>Максимович В.А.</i>	42
1.6. Проблема перспективного развития человека в процессе музыкальной деятельности <i>Мужчиць М.Д.</i>	55
1.7. Гомеостатические, синергетические и эволюционные аспекты сохранения сущностных свойств человека <i>Захарова Н.Е.</i>	62
1.8. Анализ художественных образов Ф.М. Достоевского в контексте логики становления субъективности <i>Суханов В.Н.</i>	69

Глава 2. СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КАК ВЫЗОВЫ: СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ И СОЦИУМНЫЕ ТУПИКИ

2.1. Сущность и формы общественного генезиса <i>Петров А.П.</i>	90
2.2. Трансформации общества и культуры как проблемное поле социальной философии <i>Павловская О.А.</i>	100
2.3. Призрак рентного общества выходит из тени и исчезает в полдень <i>Некрасов С.Н.</i>	112

2.4. Трансформации политических институтов под влиянием информационно-коммуникационных технологий <i>Жиренова А.Т.</i>	128
2.5. Евразийство как цивилизационный выбор в контексте современного понятийного понимания <i>Колдыбаев С.А.</i>	136
2.6. Гуманитарная и культурологическая экспертиза и возможности диалога культур в выборе изменений <i>Некрасов С.Н.</i>	142
2.7. Всегда ли инновации являются качественными изменениями? <i>Возняк В.С.</i>	148
2.8. Динамика инновационного пространства в контексте культурных трансформаций <i>Лукашевич В.К.</i>	157
2.9. Инновационный сектор экономики в контексте приоритетов социально-экономического развития стран-участниц ЕАЭС <i>Никитина Ю.Ф.</i>	170
2.10. Перспективы становления биоэтики в контексте современной культуры <i>Степаненко Н.А.</i>	180
2.11. Трансформационные процессы в музыкально-эстетическом сознании как отражение общественного бытия <i>Мужчиць М.Д.</i>	192
2.12. Осмысление глобального мира в контексте диалектической и эмпирицистской традиции <i>Рякова Е.Г., Савчук Е.В.</i>	201
2.13. Война с фашизмом <i>Лобастов Г.В.</i>	208
2.14. Трансгуманизм как цивилизационный вызов <i>Лимонченко В.В.</i>	216
АВТОРЫ	227

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ С. АМАНЖОЛОВА
КАЗАХСТАНСКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ КОНГРЕСС
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ И ИННОВАЦИОННЫХ ПРОГРАММ
ПРИ ВОСТОЧНОМ ОТДЕЛЕНИИ КАЗАХСТАНСКОГО
ФИЛОСОФСКОГО КОНГРЕССА
РОССИЙСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО
«ДИАЛЕКТИКА И КУЛЬТУРА»
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Человек в перспективе социальных трансформаций:

коллективная монография в двух томах /
под общей редакцией д.ф.н. Н.В. Гусевой,
магистра философии Е.В. Савчук.

Ответственный за выпуск Ислямова С.А.

*Отпечатано методом прямого копирования с оригиналов авторов
За содержание Издательство ответственности не несет*

Подписано в печать 03.01.2022 г.

Объем 13,43 усл.-печ.л.

Тираж 500 экз.

Формат 60x84/16

16,49 уч.-изд.л.

Заказ 54

Издательство «Берел» Восточно-Казахстанского университета имени С. Аманжолова
070020, г. Усть-Каменогорск, ул. 30-й Гвардейской дивизии, 42

С. АМАНЖОЛОВ атындағы
ШЫҒЫС ҚАЗАҚСТАН УНИВЕРСИТЕТІ
ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени С. АМАНЖОЛОВА